

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

4(32)
2019

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин

Главный редактор

А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф.,
Калиниченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М.,
Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),
Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Россия), Гэй У.
(США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т.
(Великобритания), Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Киш Э.
(Венгрия), Кортаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия),
Мазур И. И. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казахстан),
Сергеев М. Ю. (США), Теймури В. (Иран), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И.
(Россия).

Адрес редакции:

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, к. 205, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

DOI: 10.30884/vglob/2019.04.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Данилов-Данильян В. И. Глобальная климатическая проблема и возможности прогнозирования..... 3

Ильин В. В. Универсальный конструктивизм – новая философия глобальной цивилизации 16

Астафьева О. Н., Судакова Н. Е. Культурные императивы в век глобализации: инклюзия в перспективе культурной политики БРИКС ... 26

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Чумаков А. Н., Штарк Л. П. Римский клуб: к итогам полувековой деятельности 40

Снакин В. В. Экологические аспекты глобализации..... 50

Скаленко А. К. Глобалистика всемирной нетократии XXI в. 63

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Тарко А. М. Остановит ли Парижское соглашение глобальное потепление?..... 71

Шапкин И. Н. Наука в современном информационном обществе: эволюция экономико-теоретических взглядов 86

Стычинский М. С. Культурно-цивилизационные факторы трансформации коллективной памяти в информационном обществе 100

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Залибекова А. З. Глобализация и регионализация образовательной политики в контексте ее этнокультурного ресурса 108

Фридман М. Ф. Кадровая политика глобализации стратегического управления: проблемы и возможности модернизации высшего образования в России 119

Бурьянов С. А. О необходимости глобального права в контексте проблемы целенаправленного формирования глобальной системы управления в целях устойчивого развития 129

Contents 143

ТЕОРИЯ

ГЛОБАЛЬНАЯ КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ*

Данилов-Данильян В. И.**

В статье обосновывается, что современные климатические изменения представляют глобальную проблему; рассматриваются ее связи с другими глобальными проблемами, прежде всего экологическими. Исследовано, какое значение имеет климатическая проблема для устойчивого развития в двух вариантах трактовки этой концепции. Показаны трудности прогнозирования как самих климатических изменений, так и последствий реализации мер, направленных на решение климатической проблемы.

Ключевые слова: климатические изменения, глобальные проблемы, глобальное потепление, стихийные бедствия, антропогенные воздействия, адаптация, прогнозирование.

It is proved that modern climate changes represent a global problem. The paper considers its relations with other global problems, primarily environmental ones. The significance of the climate problem for sustainable development in two ways of interpreting this concept has been investigated. The difficulties of predicting both the climate changes and the consequences of implementing measures aimed at solving the climate problem are shown.

Keywords: climate changes, global problems, global warming, natural disasters, anthropogenic impacts, adaptation, forecasting.

1. Климатические изменения – глобальная проблема

В конце 1980-х гг. проблема изменений глобального климата попала в сферу внимания не только ученых, но и широкой общественности, политиков, журналистов, и с тех пор она постоянно присутствует в повестке дня всех мировых саммитов, всех переговоров по общим проблемам мировой политики и т. д. и т. п. Современное климатологическое сообщество, представляемое, в частности, Межправительственной группой экспертов по изменению климата, практически единодушно придерживается точки зрения, согласно которой в настоящее время климатические изменения происходят с быстротой, беспрецедентной для предшествующего периода продолжительностью по крайней мере в миллион лет, и весьма важным для этого процесса фактором служит чрезмерное антропогенное воз-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00600 (18-00-00599).

** Данилов-Данильян Виктор Иванович – д. э. н., профессор, научный руководитель Института водных проблем РАН, член-корреспондент РАН. E-mail: vidd38@yandex.ru.

действие на климатическую систему (прежде всего выбросы парниковых газов в атмосферу), а продолжение такого воздействия может привести к катастрофическим для человека последствиям. Поскольку очень многие специалисты полагают, что климатические изменения представляют серьезнейшую угрозу всему человечеству, постольку сама по себе эта проблема не может оставлять равнодушным никого из тех, кто задумывается о будущем цивилизации. Однако дискуссии по проблеме климатических изменений продолжаются с неослабевающей остротой, которая определяется целым рядом факторов. Следует отметить два из них.

Во-первых, не все участники посвященных этой проблеме мероприятий – саммитов, совещаний, конференций, симпозиумов и пр. – разделяют такие опасения: некоторые (практически всегда – не климатологи) полагают, что угроза климатических изменений в значительной степени надумана, что они обусловлены естественными процессами и ничего нового собой не представляют не только для биосферы, но и для цивилизации (один из многих примеров: [Снакин 2014]). Это мнение явно или неявно поддерживается заинтересованными в нем бизнес-структурами (прежде всего некоторыми нефтяными и угольными компаниями), ряд политиков используют отрицание опасности климатических изменений как инструмент в своей пропаганде, ультралибералов пугает неизбежное в борьбе с глобальными климатическими изменениями усиление роли государства в экономической жизни, многие журналисты ищут не истину, а сенсацию, и пр. (убедительный анализ причин и наиболее ярких примеров этой деятельности см.: [Вебер 2015]). Хотя лишь незначительное меньшинство мирового научного сообщества придерживается такого мнения, само его существование, постоянные напоминания об этой позиции, стремление ее сторонников к ниспровержению любыми средствами господствующей среди климатологов противоположной точки зрения подливают масла в огонь, и дискуссии становятся напряженнее.

Во-вторых, острота восприятия климатической проблемы определяется, конечно же, и тем, что политики и специалисты, разделяющие связанные с нею опасения, по-разному оценивают возможности ослабления или предотвращения угроз и требующиеся для этого меры и затраты. Между странами по этому поводу имеет место своего рода конкурентная борьба: в каждой стране если не доминируют, то составляют значительную часть населения, государственных деятелей и журналистов те, кто больше всего хотел бы переложить заботы о спасении человечества от климатической угрозы на другие страны и, более того, воспользоваться этой ситуацией для получения каких-то преимуществ, выигрыша, выгод.

Этот фактор оказался сильнейшим препятствием для принятия необходимых мер, чтобы серьезно продвинуться к решению проблемы климатических изменений. Политические, геополитические и экономические интересы мешают странам выработать единую стратегию и следовать ей. Проблема, как отмечают едва ли не все, кто ею занимается, оказалась предельно политизированной, в результате научные аспекты постоянно отодвигаются на второй план, искажения научных данных и их неверная трактовка, всевозможные домыслы по поводу климатических изменений и поразительная неграмотность освещения проблематики в большинстве средств массовой информации стали неизбежными спутниками едва ли не каждого обращения к ней в СМИ. Между тем проблема климатических

изменений – глобальная, ее решение возможно только на строгой научной основе, а ее политизация – может быть, главное препятствие для этого.

В учебнике для вузов «Устойчивое развитие: Новые вызовы» отмечены три основные особенности глобальных проблем, отличающие их от всех остальных – не глобальных, то есть региональных, локальных, отраслевых, частных и пр. «Глобальные проблемы, *во-первых*, обусловлены общемировыми тенденциями развития человечества в Новое время, т. е. действиями, в которые в XX в. оказалось вовлечено практически все человечество... *во-вторых*, они имеют принципиальное значение для развития всех и каждого; *в-третьих*, их решение требует согласованных усилий всех стран и народов мира» [Устойчивое... 2015: 11]. Очевидно, что проблема климатических изменений в полной мере обладает этими тремя особенностями.

Во-первых, начало тех антропогенных воздействий, которые привели к возникновению климатической проблемы, восходит к эпохе неолита, когда человек перешел от присваивающего хозяйства, которое ни в какой мере не нарушало экологического равновесия, к производящему хозяйству, требующему изменений природной среды в направлении создания условий, максимально благоприятных для производства (в период неолита – сельского хозяйства, а впоследствии – промышленности), и основанному на эксплуатации природных ресурсов. Все народы мира прошли неолитическую фазу развития, все внесли и продолжают вносить свой вклад (пусть даже, в отдельных случаях, не слишком значительный) в рост концентрации парниковых газов в атмосфере, в уничтожение и антропогенную трансформацию естественных экосистем (лесов, степей, лугов) и, вследствие этого, в режим влагооборота над сушей и в распределение участков поверхности по величине альбедо и пр. – факторы, определяющие антропогенный вклад в климатические изменения.

Во-вторых, изменения глобального климата и индуцируемые ими процессы перестройки биосферы – одна из самых серьезных угроз благополучию и «развитию всех и каждого», существованию всей современной цивилизации.

В-третьих, для решения климатической проблемы требуются усилия всего человечества. Это не преувеличение: даже если бы какая-то группа стран обладала такой экономической мощностью, которая позволяла бы в принципе нормализовать общее антропогенное воздействие на климатическую систему и стабилизировать ее в приемлемом квазиравновесном состоянии, то отмеченные выше политические факторы стали бы причиной для вовлечения всех остальных стран в этот процесс, и никто не смог бы остаться в стороне, даже если бы хотел. В наши задачи не входит строить сценарии, по которым мог бы развиваться этот процесс, и обсуждать инструменты давления, которые при этом наверняка применялись бы.

Климатические изменения тесно связаны с другими глобальными экологическими проблемами. Ключевой среди них является сокращение биоразнообразия. Устойчивость биосферы определяется биоразнообразием, оно определяет адаптационный потенциал биосферы к изменениям условий ее существования, служит главной характеристикой здоровья окружающей среды, а следовательно, и ее пригодности для обитания человека. Быстрые и существенные климатические изменения (именно такие происходят в настоящее время и прогнозируются по крайней мере еще на два столетия) – один из главных негативных факторов,

обуславливающих сокращение биоразнообразия. Рядом с климатическими изменениями стоят и другие антропогенные факторы: уничтожение и трансформация естественных экосистем, химическое загрязнение планеты. Непосредственно или через цепочки причинно-следственных взаимодействий вместе с другими факторами климатические изменения связаны и с такими глобальными экологическими проблемами, как обезлесение, опустынивание, сокращение экономически доступных запасов пресной воды.

Негативное влияние климатических изменений на состояние лесов общеизвестно. Во-первых, горимость лесов жестко коррелирует со среднегодовой приземной температурой, и, таким образом, глобальное потепление как одно из проявлений климатических изменений способствует потерям лесов из-за пожаров. Во-вторых, потепление индуцирует перестройку экосистем, в том числе и лесных; процесс такой перестройки немонотонный, поскольку сами климатические изменения происходят неравномерно, неоднородно. Замещение, например, бореальных лесов широколиственными происходит в неустановившемся климате, поэтому сукцессионный процесс идет как бы нерегулярно: возникают условия, из-за погодно-климатических скачков уже неблагоприятные для прежней стабильной экосистемы, где коренными породами были хвойные, но при этом еще неблагоприятные для новой стабильной экосистемы с широколиственными видами в качестве коренных. Потери леса – один из основных факторов опустынивания; в свою очередь, при повышении средней приповерхностной температуры степи обнаруживают тенденцию к превращению в сухие степи, а сухие степи – в пустыни. Таким образом, климатические изменения влияют на усухение процесса опустынивания как непосредственно, так и через обезлесение.

Через сдвиги в хозяйственной деятельности человека климатические изменения связаны и с такой глобальной экологической проблемой, как химическое загрязнение биосферы. Дело в том, что краткосрочные погодно-климатические условия в процессе долгосрочной перестройки климатической системы становятся все сильнее подверженными разнообразным колебаниям: температурным скачкам (как вверх, так и вниз), нарушениям привычного режима осадков (концентрированные в очень короткие периоды выпадения дождей сменяются длительным отсутствием осадков и засухой и т. п.). Это приводит к нестабильности условий для сельскохозяйственного производства; в свою очередь, для адаптации к этой нестабильности агротехнологии предполагают, в частности, рост применения пестицидов, гербицидов и минеральных удобрений, то есть усиливается химическое загрязнение почвы, а через диффузный сток поллютантов – и водных объектов. Усиление химизации сельского хозяйства неизбежно также вследствие сопровождающих глобальное потепление инвазионных процессов (широко регистрируемых уже в настоящее время, причем в связи не только с аграрными, но и с медицинскими проблемами).

Угроза климатических изменений тесно сопряжена также с экономическими, социальными и политическими проблемами глобального масштаба. Эти сопряжения и связи достаточно очевидны сами по себе. Если климатические изменения неизбежно влекут за собой радикальные перемены в географических условиях хозяйствования (как предполагается, чаще негативные, чем позитивные), то это, естественно, не может не сказаться на темпах экономического развития, сдвигах

в структуре реального сектора экономики, размещении производства и т. д., приведет к весьма существенным переменам в мировой экономике, в постановке глобальных экономических проблем. Изменение климата и, как следствие, условий хозяйствования (прежде всего для агропромышленного комплекса), доступности источников пресной воды и т. п. неизбежно приведет к социальным сдвигам в тех регионах, которых это коснется в существенной мере, в том числе к формированию новых миграционных потоков, численность которых может достичь многомиллионных значений. Эти факторы весьма важны для таких глобальных проблем, как демографическая, борьба с бедностью и нищетой и пр. Все это чревато дальнейшим обострением экономических войн, ростом социальной напряженности (как в странах-донорах, так и в странах-реципиентах), формированием очагов новых военных конфликтов со всеми вытекающими отсюда угрозами, в том числе и глобальными.

2. Климатические изменения и устойчивое развитие

Активное присутствие климатических изменений в нынешнем клубке глобальных проблем (и противоречий) дает основание задуматься о том, какое значение имеет климатическая проблема для устойчивого развития. Однако существуют различные варианты понимания устойчивого развития, и придется принять во внимание хотя бы два подхода. При этом нельзя не согласиться с тем, что концепция устойчивого развития «является скорее идеологией, чем научным знанием» [Ховавко 2016: 82] (именно с этой точки зрения она рассматривалась и в [Данилов-Данильян 2003]).

Начнем с так называемого классического варианта – определения, приведенного в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию ([Оуг... 1987], перевод на русский язык: [Наше... 1989: 50]) и до сих пор являющегося в некотором смысле официальным: оно используется в документах ООН, цитируется как базовое в энциклопедиях и учебниках и т. п. Согласно этому определению, «устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». На современном этапе развитие цивилизации устойчивым (если исходить из приведенного определения) не является уже потому, что «потребности настоящего времени» нельзя признать удовлетворяющими для значительной части человечества (по данным ООН, около 700 млн человек живут в нищете, более миллиарда не имеют удовлетворительного доступа к питьевой воде, более 2 млрд обитают в условиях антисанитарии и т. п.). Если же говорить о *переходе* к устойчивому развитию, то в экологическом аспекте современное человечество живет за счет будущих поколений: оно наносит биосфере невосполнимый урон и тем самым ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности, а если иметь в виду самые неблагоприятные сценарии предстоящих климатических изменений, то угроза нависает и над самым существованием этих поколений.

Таким образом, переход цивилизации к устойчивому развитию, трактуемому в духе «Нашего общего будущего», оказывается невозможным без решения глобальной климатической проблемы, причем это решение должно быть таким, чтобы не поставить под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои

собственные потребности. Сама принципиальная возможность для цивилизации решить климатическую проблему представляется небесспорной, тем более сомнительно, что решение может быть реализовано в условиях удовлетворения потребностей «настоящего времени» (пусть даже продвинутого на полвека вперед от современности, не говоря уже о 1987 г. как точке отсчета) и без серьезных потерь для будущих поколений, если понимать их потребности в системе представлений современной экономики благосостояния.

Цитированное выше определение встречает и ряд других возражений. Фактически оно предполагает только некое разрешение конфликта живущих и будущих поколений относительно удовлетворения потребностей или уровня благосостояния. При этом потребности будущих поколений остаются феноменом крайне неопределенным, никакому операциональному описанию не поддающимся. Реализованный в этой дефиниции подход – прямое следствие идеологии общества потребления, и вполне правомерно называть его *консьюмеристским*. Вряд ли устойчивое будущее человечества может определяться этой идеологией. Наоборот, едва ли не главной причиной неустойчивости нынешнего состояния цивилизации и ее взаимодействия с биосферой, выходящего за пределы каких-либо представлений об устойчивости, следует считать именно господство идеологии общества потребления в экономической, социальной и политической практике.

Вместе с тем было бы несправедливым сказать, что идеология общества потребления пронизывает весь доклад «Наше общее будущее». Весьма значительное влияние на авторов оказал, в частности, доклад Римскому клубу «Пределы роста» (перевод на русский язык: [Медоус и др. 1991]), подготовленный еще в 1972 г. Авторы этого доклада были озабочены отнюдь не достижением «идеалов» общества потребления для всего человечества, понимая полную иллюзорность подобных ориентиров. Их интересовала проблема выживания человечества, потребляющего ограниченные ресурсы планеты, среди которых рассматривалась и экологическая емкость, то есть предельно допустимое для биосферы общее (суммарное) антропогенное воздействие. Из этого доклада вытекало другое понимание устойчивого развития, не сформулированное в нем явно (да и термина *sustainable development* тогда еще не существовало). К другому пониманию пришли и многие исследователи, не испытывавшие прямого воздействия доклада «Пределы роста». Это понимание основывалось на убеждении в необходимости обеспечить выживание человечества, в то время как основная угроза этому выживанию виделась в самой цивилизации, в ее конфликте с биосферой, в распространении оружия массового поражения, способного уничтожить не только человечество, но и все высшие формы жизни. В соответствии с этим пониманием устойчивое развитие – это такое развитие, при котором угрозы, создаваемые цивилизацией своему собственному существованию, своевременно устраняются, и тем самым обеспечивается выживание человечества. (Естественно, имеются в виду угрозы развитию, возникающие вследствие самого развития, в определенном смысле внутренние для него; внешние угрозы [космические катастрофы и пр.] оставляются за рамками анализа.) Этот подход к пониманию устойчивого развития правомерно называть *сервайвелистским* (от англ. *survival* – выживание).

Могут ли климатические изменения представлять угрозу выживанию человечества? Современная климатология отвечает на этот вопрос безусловно утверди-

тельно. Больше того, она пытается определить ту границу, за которой эта угроза становится реальной. В качестве измеряемого параметра, для которого нужно найти значение соответствующего предела, выбирается рост среднеглобальной приземной температуры (СГПТ). Большинство климатологов в начале 2000-х гг. склонялось к мнению, что предельно допустимым является прирост СГПТ в 2 °С. Предполагалось, что превышение этого предела даст старт процессам с положительной обратной связью в климатической системе, то есть потепление будет происходить тем быстрее, чем большего значения достигла СГПТ, и глобальное потепление перейдет из относительно медленной фазы во взрывную. В последние годы преобладает мнение, что следует не допустить повышения СГПТ более чем на 1,5 °С относительно нынешнего уровня. Таким образом, при сервайвелистской трактовке устойчивого развития оно прямо соотносится с современным пониманием угроз, обусловленных климатическими изменениями.

Попытка конкретизировать понятие устойчивого развития в рамках сервайвелистских представлений предпринята в [Данилов-Данильян 2003]. Было отмечено, что устойчивость развития цивилизации определяется устойчивостью структур, которые обеспечивают воспроизводство человеческого сообщества. Эти структуры – биосфера, популяционное здоровье человека как биологического вида и стабилизационные механизмы социума. Предложенная дефиниция (в более поздней редакции – [Устойчивое... 2015: 39]) выглядит так: «...устойчивое развитие – такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества».

Соответственно, выделяются три направления (объекта) воздействия климатических изменений. Биосфера, как отмечено выше, весьма уязвима к ним, то же можно сказать и о популяционном здоровье человека. Любые климатические изменения негативно сказываются на самочувствии людей, о чем однозначно свидетельствуют наблюдения за их реакцией на погодные аномалии. Но есть и другие – косвенные – пути влияния. При потеплении климата существенно усиливаются инвазионные процессы, в частности, переносчики инфекционных болезней мигрируют из низких широт в местности, климат которых раньше был для них слишком холодным. Ничего хорошего не приходится ждать и от усиления дефицита пресной воды, которое неизбежно происходит во многих регионах из-за неблагоприятных изменений режима осадков. Обусловливаемый «разбалансировкой» климатической системы дискомфорт, несомненно, будет сказываться на росте психических заболеваний, суицидальных тенденций. Системам здравоохранения придется участвовать в жесткой конкуренции за финансовые средства, направляемые на адаптацию к климатическим изменениям. Это тоже вряд ли будет способствовать укреплению популяционного здоровья. В свою очередь, ухудшение популяционного здоровья неизменно является фактором, ослабляющим социальные механизмы стабилизации. Еще более сильное разрушительное воздействие на соответствующие выработанные веками структуры могут оказать процессы массовой миграции. Дестабилизирующим обществом фактором окажется и обострение конкурентной борьбы как между странами, так и внутри каждой страны между различными социальными группами – неизбежное следствие

ухудшения экономической ситуации, которое станет весьма ощутимым, как только понадобятся значительные затраты на адаптацию к климатическим изменениям. Огромных затрат следует ожидать в связи с предполагаемым подъемом уровня Мирового океана вследствие таяния материковых ледников Антарктиды и Гренландии и теплового расширения воды (следствием будет затопление низменных прибрежных территорий по всему миру, многие острова с расположенными на них государствами окажутся уже не сушей, а дном морей и океанов).

В дискуссиях по климатической проблеме еще в конце 1990-х гг. был поставлен вопрос о том, какую стратегию следует избрать для ее решения: 1) следует ли стараться предотвратить или хотя бы замедлить климатические изменения либо же 2) ограничиться только адаптацией к ним. Первоначально эти две стратегии рассматривались, по крайней мере некоторыми участниками, как конкурирующие. В пользу выбора адаптационной стратегии приводилось два основных аргумента: человек не в состоянии ни предотвратить, ни замедлить климатические изменения, поэтому адаптация не имеет реальных альтернатив; стратегия 1 слишком дорого стоит, и если можно обойтись только адаптацией, ею следует и ограничиться. Оба приведенных довода оказались несостоятельными. С одной стороны, произошел скачок в развитии энергетики на основе возобновляемых источников, это внушило надежду, что если не предотвращение, то хотя бы замедление климатических изменений – задача в принципе разрешимая. С другой стороны, появились веские аргументы в пользу того, что адаптация недостаточна, поскольку неуправляемое потепление с высокой вероятностью может привести к эколого-климатической катастрофе. Кроме того, стало очевидно, что обе стратегии вполне совместимы. Объем применения стратегии 1 должен соответствовать тому пределу роста СГПТ, который считается относительно безопасным – 1,5 °C. Однако и к таким климатическим изменениям необходима серьезная адаптация, требующая скоординированных мер. Этот подход полностью соответствует представлениям концепции устойчивого развития, особенно в трактовке третьего из рассмотренных определений: не допуская разрушения природной основы общественного развития, сделать адаптацию к происходящим климатическим изменениям предельно мягкой в отношении сохранения популяционного здоровья человека и предотвращения социально деструктивных процессов.

3. Ограниченные возможности прогнозирования климатических изменений и последствий предполагаемых действий

Необходимость мер по предотвращению глобального потепления сверх некоего климатологически обусловленного предела предполагалась еще Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (РКИК, принята 9 мая 1992 г., вступила в силу 21 марта 1994 г.). Статья 2 определяет: «Конечная цель настоящей Конвенции и всех связанных с ней правовых документов... заключается в том, чтобы добиться... стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему. Такой уровень должен быть достигнут в сроки, достаточные для естественной адаптации экосистем к изменению климата, позволяющие не ставить под угрозу производство продовольствия и обеспечивающие дальнейшее экономическое развитие на устойчивой основе» [Рамочная...]. Серьезных по-

пыток определить, какие сроки «достаточно для естественной адаптации экосистем к изменению климата», с тех пор не было заметно. Однако и климатологическое сообщество, и экономисты, занятые оценкой мер, необходимых для «стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере», в своем анализе и расчетах де-факто стали ориентироваться на 2100 г. (не предполагая, что желанная стабилизация наступит именно тогда). Единственным обоснованием этого выбора служит, конечно же, то, что 2100 – круглая дата. Отодвигать горизонт прогноза и анализа еще дальше практически нет смысла: для XXII в. невозможно получить сколь угодно обоснованные результаты приемлемой точности. Конечно, и для 2100 г. особой надежности добиться не удастся, по крайней мере, еще несколько десятилетий, но все же обозреть весь XXI в. уже в его первой четверти представляется весьма желательным. Что же можно реально спрогнозировать и оценить на конец XXI в.?

В данной работе нас интересует качество климатологических прогнозов не самих по себе, а как информационной базы, необходимой для анализа экономических последствий тех действий, которые предполагается предпринимать для предотвращения и замедления климатических изменений, а также адаптации к ним. Приходится признать, что ситуация, с которой в данном случае столкнулись экономисты, беспрецедентная. Такой ситуации, когда исходные данные для решения экономической задачи, на которую поступили социальный, государственный и международный заказы, были бы столь ненадежными, неполными, противоречивыми, в истории еще не случалось. Что, собственно, можно считать известным?

Во-первых, то, что продолжится тенденция роста СГПТ, статистически достоверно констатируемая для последних 100–150 лет, а темп, с которым будет происходить этот рост, зависит от объема антропогенных выбросов парниковых газов. Эта зависимость определена с не слишком высокой точностью, относительная погрешность оценки ожидаемого прироста СГПТ на конец XXI в., по видимому, составляет не один десяток процентов. Известно, что потепление происходит в высоких широтах сильнее, чем в низких, но оценки соответствующих различий в зависимости от широты или ожидаемого прироста среднерегиональной приземной температуры еще менее точны, чем среднеглобальной (чем выше уровень агрегирования, тем меньше ошибка прогноза). Рост приповерхностной температуры происходит неравномерно во времени: то замедляется, то ускоряется, может даже становиться отрицательным, и неоднородно по территории: кривая на земной поверхности, представляющая собой изотерму в конкретный момент (по данным, усредненным за последние 30 лет), через несколько десятилетий наверняка перестанет быть таковой.

Во-вторых, частота и сила стихийных бедствий растут, это факт. Но, опять-таки, оценки роста сильно расходятся: одни исследователи полагают, что удвоение числа стихийных бедствий происходит за 30 лет, другие – за 15 лет и т. п. И здесь имеют место те же географические трудности, что и в случае приземной температуры. Похоже, что в местностях с «беспокойным» климатом он станет еще более «беспокойным», в то время как там, где стихийные бедствия – исключительная редкость, они, возможно, учащаются, но останутся относительно редкими.

В-третьих, можно считать обоснованным, что водный режим будет претерпевать неблагоприятные изменения. Рост СГПТ влечет увеличение испарения с поверхности океана, объем осадков соответственно повысится, но при этом возрастет их неравномерность: мощные выпадения осадков за очень короткий период (несколько дней) с угрозой наводнения будут сменяться их отсутствием в течение нескольких месяцев, то есть засухами, в том числе и там, где, возможно, до сих пор сильных наводнений не наблюдалось, а засухи были большой редкостью.

На динамику климата влияет множество природных факторов – астрономических, геофизических, геологических, биологических и т. д., а также антропогенные воздействия. Хотя почти все астрономические факторы имеют регулярный характер и их влияние на климатическую систему описывается периодическими функциями времени, их наложения и сочетания с факторами иной природы таковы, что при изучении долговременных, а тем более кратковременных изменений климата ожидаемая регулярность в очень значительной мере искажается «шумами», которые нередко не удается объяснить даже на качественном уровне. Ясно, что ледниковые, межледниковые эпохи сменяют друг друга, как и ледниковые периоды, межледниковья и т. д. Но оценки длительности этих эпох, периодов и подпериодов имеют весьма значительный разброс. Границы так называемого Малого ледникового периода (МЛП) определены по историческим сведениям: 1312–1791 гг., но если заняться ретроспективным анализом и на основе данных о климате за предшествующий миллион лет попытаться спрогнозировать годы наступления и завершения МЛП, то не будет никаких оснований утверждать, что он не мог наступить на 100 или 150 лет раньше или позже, продолжаться на 100 или 150 лет меньше или больше, закончиться на 150 или 100 лет позже или раньше. Однако, анализируя возможные в XXI в. события и процессы, приходится работать с прогнозируемым промежутком времени (на данный момент) всего-то в 80 лет! Если для времени наступления МЛП и его продолжительности антропогенный фактор и сыграл какую-либо роль, то незначительную. Для XXI в. он имеет, по-видимому, решающее значение, и возможность достоверного прогнозирования всего лишь вероятности событий, подобных МЛП (сходных в отношении отклонения от долгосрочной тенденции на период в несколько столетий), от этого уменьшается в сравнении с задачей предсказания МЛП на основе данных о климате в предшествовавший период.

Что делать в случае столь высокой неопределенности? Совершенно правильный ответ на этот вопрос дает РКИК (ст. 3, п. 3): «Сторонам следует принимать предупредительные меры в целях прогнозирования, предотвращения или сведения к минимуму причин изменения климата и смягчения его отрицательных последствий. Там, где существует угроза серьезного или необратимого ущерба, недостаточная научная определенность не должна использоваться в качестве причины для отсрочки принятия таких мер, учитывая, что политика и меры, направленные на борьбу с изменением климата, должны быть экономически эффективными для обеспечения глобальных благ при наименьших возможных затратах». Надо разрабатывать политику и принимать меры, направленные на предотвращение дальнейших глобальных климатических изменений или хотя бы их замедление, а не бездействовать, ссылаясь на «научную неопределенность», то есть недо-

статочность знаний о протекании этих процессов и неточность оценок значимости различных факторов, на них влияющих.

Таким образом, для климатологических прогнозов период в 100 (или в 80) лет, с одной точки зрения, слишком мал, так как вероятность наступления событий, подобных МЛП, отнюдь не пренебрежима, а возможная оценка времени их наступления превышает длительность такого периода прогнозирования. Однако, с другой точки зрения, он слишком велик, поскольку разброс характеристик вполне достоверно прогнозируемых тенденций (рост СГПТ, частота и сила стихийных бедствий гидрометеорологического генезиса, изменения водного режима) становится к концу периода слишком большим. Для экономических прогнозов такой период – однозначно! – слишком велик. Долгосрочные прогнозы основаны на макроэкономическом анализе, значения каких-либо из макроэкономических показателей, собственно, и прогнозируются. Эти показатели либо выражаются в стоимостной форме (ВВП и т. п.), либо являются характеристиками динамики стоимостных показателей (темпы роста ВВП и пр.), либо определяются как функции стоимостных показателей (доля ВВП, используемая для достижения тех или иных целей, например снижения выбросов парниковых газов [Stern 2009], и т. п.).

Так или иначе, макроэкономический анализ и все методы долгосрочного экономического прогнозирования оперируют именно стоимостными показателями, определяемыми системой цен мирового рынка. Но эта система отличается очень высокой волатильностью, что стало особенно заметно в последние полвека на примере цен на нефть. Некоторые показатели высшего уровня агрегирования, такие как мировой валовой продукт, демонстрируют определенную инерционность, но отнюдь не это качество интересует тех, кто хочет получить экономические прогнозы в связи с проблемой климатических изменений. Главный вопрос, на который хотелось бы иметь ответ: во что обойдется реализация тех мер, которые, как предполагается, обеспечат достижение цели, сформулированной в РКИК, или каких-либо иных мер климатической политики? Правда, в соответствии с риск-ориентированным подходом этот вопрос следует считать некорректным (поскольку за пределами велика оценка риска тех последствий, которые ожидаются, если не добиться стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере на безопасном уровне), но его все равно задают и будут задавать еще не один десяток лет и, более того, в зависимости от ответа будут принимать или не принимать (во всяком случае, в наиболее адекватные сроки) решения, рекомендуемые климатологией и эколого-экономикой.

Волатильность мировых цен, обуславливаемая рыночной и политической конъюнктурой, – свойство, с точки зрения возможностей прогнозирования, крайне нежелательное. Однако в конечном счете, если исключить импульсы краткосрочной конъюнктуры, цены определяются структурой реального сектора экономики. Долгосрочные тенденции их изменения в значительной мере зависят от распространения научно-технических инноваций. Особенно заметно это на примере энергетики: смены базового источника энергии (дрова – уголь – нефть) были главным фактором соответствующих (грандиозных!) перестроек реального сектора и, соответственно, системы цен. Хотя, во-первых, каждая такая смена имеет комплексный характер и, во-вторых, основным двигателем не обязательно служит энергетика. Очередная смена (ее можно называть и переходом к новому

технологическому укладу [Глазьев и др. 1992]) происходит в настоящее время: уже не вызывает сомнений, что нефть (вместе с другими углеводородами) уступает главную роль возобновляемым источникам энергии, хотя еще четверть века назад это мало кому казалось возможным. Бесспорно, что эта смена в значительной мере ускорена осознанием опасности климатических изменений и стремлением к экологизации хозяйства. Синхронно со сменой главного источника энергии идет массовое распространение во всех сферах производства и управления технологий искусственного интеллекта; это способствует повышению эффективности использования природных ресурсов и, соответственно, сокращению антропогенного давления на биосферу, что согласуется со стратегией, диктуемой необходимостью решения климатической проблемы.

Отмеченный выше вопрос «во что обойдется достижение цели, сформулированной в РКИК» не только некорректен с позиций риск-ориентированного подхода, он бессмыслен и по своей экономической сути, если принять во внимание длительность периода, к которому он относится, и неизбежность хотя бы одного радикального сдвига в структуре реального сектора экономики в течение этого периода. Система цен, существовавшая до такого сдвига, в принципе не может служить измерителем ценностей после него. Сейчас в карманах, барсетках и дамских сумочках большинства жителей Земли находятся информационно-вычислительные мощности, вполне сопоставимые с теми, которыми 60 лет назад отличались лучшие электронно-вычислительные машины, насчитывавшиеся в мире десятками (если не единицами) и размещавшиеся каждая в специальном машинном зале. Как оцениваются нынешние «карманные» мощности в ценах 1960-х гг.?

Все это дает основания ставить вопросы экономического прогнозирования в связи с климатической проблемой принципиально по-иному. В случае проблем, характеризующихся недостаточной четкостью самой их постановки, высоким уровнем неопределенности, значительными погрешностями исходной информации и ее острым дефицитом, под научным прогнозированием следует понимать не предвидение и предсказание, как предполагалось классической традицией, а анализ возможного будущего [Медоус и др. 1991]. Относительно климатической проблемы нас интересует достижимость в возможном будущем цели, сформулированной в ст. 2 РКИК. Об этой достижимости надо судить на основе изучения того радикального сдвига в структуре реального сектора экономики, который происходит сейчас и определяет тенденции развития не менее чем на два-три десятилетия. В центре внимания должны быть не стоимостные макроэкономические показатели, а характеристики производства и потребления энергии в натуральном (физическом) выражении – валовые и, особенно, в разрезе энергоисточников. Такой анализ позволит оценивать главный целевой показатель – объем антропогенных выбросов парниковых газов в атмосферу и то время, которое понадобится, чтобы, снижаясь, он достиг своего желательного значения, обеспечивающего прирост среднелобальной приземной температуры не более чем на 1,5 °С. Конечно, хотелось бы учитывать не только соотношение различных энергоисточников и валовой объем производства энергии, но и более широкий круг факторов, составляющих антропогенное воздействие на климатическую систему, различные проходящие через эти факторы обратные связи в природе и экономике (как ком-

пенсационные, так и усилительные), и особенно реакцию биоты на ожидаемые климатические изменения соответственно их динамике.

Естественно, на все эти процессы ни в коем случае нельзя смотреть как на неуправляемые, происходящие стихийно. Возможности их регулирования имеются, они сосредоточены в экономической и социальной сферах, но существенно уже, чем хотелось бы [Глазьев и др. 1992]. Всякий раз, когда анализ с достаточной убедительностью показывает, что достижение целевых показателей вызывает сомнения, необходимо искать и применять меры по исправлению ситуации, усилению климатозащитных процессов в экономике, ослаблению подавляющих их ограничений и пр. Арсенал средств, которые при этом могут быть применены, постепенно расширяется. Последними находками здесь были предусматривавшиеся Киотским протоколом торговля разрешениями на выбросы парниковых газов, проекты совместного осуществления (эта идея пока не получила должного развития, но, возможно, оно еще последует) и механизм чистого развития. В конечном счете возможности регулирования определяются, во-первых, способностью живущего поколения ограничивать рост своего благосостояния и повышение качества жизни ради будущих поколений и, во-вторых, готовностью ведущих стран мира к взаимным уступкам для обеспечения координации усилий не только в решении глобальной климатической проблемы самой по себе, но и в создании благоприятных политических условий для согласованной совместной работы.

Литература

Вебер А. Б. Страсти по климату. Кто и почему против борьбы с глобальным потеплением? // Век глобализации. 2015. № 1. С. 3–13.

Глазьев С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М. : Наука, 1992.

Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. Вып. 2. С. 123–135.

Медоус Д. Х., Медоус Д. Л., Рэндерс Й., Беренс В. Пределы роста. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ, 1991.

Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М. : Прогресс, 1989.

Рамочная конвенция ООН об изменении климата [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 14.09.2019).

Снакин В. В. Глобальные тенденции в эволюции биосферы // Век глобализации. 2014. № 2. С. 3–13.

Устойчивое развитие: Новые вызовы / под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. М. : Аспект Пресс, 2015.

Ховавко И. Ю. Концепция устойчивого развития в контексте глобализации // Век глобализации. 2016. № 3. С. 71–84.

Our Common Future. New York : UN, 1987.

Stern N. H. A Blueprint for a Safer Planet. New York : Random House, 2009.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ – НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ильин В. В.*

Фронтальное социотехническое наступление на действительность явилось провозвестником поворотного момента истории:

– человек становится средоточием предметного мира; трансформируется статус homo pro se: облачение в тогу существа – источника собственности и творчества превращает его в маленького бога в ближайшем мире, обходящего микрокосм по персональной воле и личному подвигу. Человек-служитель-истолкователь природы (homo naturae minister et interpres) берет черты человека-мастера (homo artifex), человека-творца (homo creator) – хозяина, господина, владельца, распорядителя мирового целого;

– упраздняется привычное сущее – наличное «вообще бытие», упрочается человекоразмерное сущее – «бытие для нас», определяемое не объективным природным, а субъективным – проективным законом.

Ключевые слова: *потребное значимое, культивация сущего, выпуск креативных антропных ландшафтов.*

The frontal sociotechnical attack on reality was the harbinger of a turning point in history:

– a human becomes the focus of the objective world; the status of homo pro se is transformed: dressed in a toga of being the source of ownership and creativity transforms him/her into a small God in the near universe, cultivating the microcosm according to personal will and personal achievement. Man, the servant and interpreter of nature (homo naturae minister et interpres) takes the human features of Man, the toolmaker (homo artifex), Man, the creator (homo creator) – the owner, master, Keeper, steward of the whole world;

– the habitual being – the existence of being in general – is abolished, there has been a strengthening of man-sized being – ‘being for us’, defined not by the objective natural but subjective projective law.

Keywords: *necessary valuable, cultivation of being, issue of creative anthropogenic landscapes.*

XX век вошел в историю как время культов личностей (Ленин, Сталин, Мао, Ким(ы), Фидель и т. д.) и безличностей (электрификация, химизация, компьютеризация и т. д.). XXI век утверждается в истории как время культа технонауки – культа рукотворящего технологического сочинительства, изошренного постава, культа инструментального разума (ИР).

Вселенная в нашем космическом локале с данного периода эволюционирует в сторону, намечаемую, предугадываемую нами. Целью истории, общественной

---

* Ильин Виктор Васильевич – д. ф. н., профессор, советник президента НИЦ «Курчатowski институт». E-mail: vvilin@yandex.ru.

жизни объявляется полнота человеческого прогресса; сам же последний (движение к самореализации) зиждется на перепрофилировании назначения сущего, трактуемого как «бытие-для-другого», – реальность в модусе «изготовленного продукта».

Коренным образом меняется компетентностное амплуа разума: из средства постижения «порядка вещей» он становится средством обслуживания – удовлетворения проектов, планов, программ выпуска благ – превосходных вещей всех видов.

Утилитаризм, практицизм, эффективизм, техницизм оказываются рычагами полагания среды обитания – оперативными орудиями самозаявления «работающего общества» (К. Маркс), вне опыта которых нет никакого автономного существования.

Сказанное очерчивает парадигму антропного самовозвышения, оправдывающую поднятие человека выше человеческого.

Человекобожество – богочеловечество... Вне и помимо спекулятивных обременений (человекобожество – Ф. Ницше; богочеловечество – Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Франк) с доктринальных позиций оцениваемая диада не выступает конгломератом противопоставительным. Скажем больше: в прочтении позитивном она вовсе не диада, а выразительный хиазм, несущий единую идею родового призвания по части ответственного обихожения реальности, облигатного миротворения.

Стандартная для философской антропологии тема деятельностного титанизма верифицируется трактовкой человека как существа:

– имперфектного: человек – незавершаемый имперфект; как таковой – активист, сосредоточенный на саморазвитии, самосовершенствовании, высказывании обо всем «нового слова». Перефразируя И. В. Гете, уместно подчеркнуть: человек, чувствующий себя завершенным, молчит;

– трансцендирующего: человек прирастает потенциалом самопревозможения, перекрытия собственных заранее не установленных масштабов;

– свободного: человек обречен на свободу (Ж.-П. Сартр), хочет того, чего нет (непринужденно); посредством волеактивности претворяет чаемое, переводит возможное в действительное.

Три в одном означает: предметная, вещная среда в антропном контексте, если апеллировать к Л. Фейербаху, является желательной не потому, что она есть, наоборот, она есть потому, что является желательной. Отсюда уяснение: с определенного момента бытие включает человеческие смыслы. В творении действительности они онтологизируются, обретают субстанциальные очертания.

Оформление сущего (в традиционной метафизической транскрипции) идет не по основанию (Я. Бёме), воле (А. Шопенгауэр), бессознательному (Э. Гартман), жизненному порыву (А. Бергсон), а по деятельности. «Характерный признак человека, – отмечает Э. Кассирер, – основная черта, отличающая его от всех живых существ, – это не его метафизическая, не его психическая натура, а... труд... система деятельностей» [Cassirer 1960: 89]. Ничто не сделано, пока еще есть что-то несделанное! Человеческое оформление сущего, очеловечение бытия идет по «пламени труда» (К. Маркс) за счет внедрения знания в язык реальности. Торже-

ствующий дух Прометея материализуется полномочным представителем ИР – техногнозисом.

Мир не удовлетворяет человека; своим преобразовательным действием он изменяет его: «было» превращается в «стало». С рефлексивной точки зрения ситуация осмысливается оценкой техногнозисных трансформаций наличного в потребное, сущего в чаемое, действительного в возможное. В универсальном прочтении – предмет анализа покрывается чередой фазовых переходов «уже-сущего» (начальные элементы альтернатив) в «еще-не-сущее» (последующие их [альтернатив] элементы) с итоговым уяснением: как вследствие человеческой неумности (субъективная инициация, инспирация) сущее (естественное) обретает свойства насущного (искусственного).

Перед нами традиционная онтологическая сюжетика моделирования генеалогии, морфологии бытия; классический жанровый канон версифицируется тройко.

1. Участием «формы». Божественное творение «всего» из «ничего». Вариации: а) теоморфизм – библейские перипетии Саваофа – вседержителя, «владыки сил»; в) пантеизм – Всевышний – всеохватная универсальная производящая субстанция, верховная действующая причина природных вещей. В представлении И. Эриугены: «Богу со-вечно и со-сущностно его созидание... Для него нет различия между его бытием и его деланием... Когда мы слышим, что бог все создал, мы должны понимать под этим не что иное, как то, что бог есть во всем, то есть что он существует как сущность всех вещей» [Антология... 1969: 791–792].

2. Участием «формы» и «материи» – гилеморфизм. Оформление сущего изображается последовательным обретением материей (*hulē*) того, чего в ней не было (лишенность – *sterēsis*), – формы (*morphē*), легализующей «самобытность» (то, что делает вещь тем, что она есть).

3. Участием «материи». Объективный субстанциализм: конституирование сущего проводится наделянием безличного начала – материи – имманентной способностью закономерного прогрессивного самоизменения. (Рассмотрение материи как единственной основы превращения возможности в действительность – оправданная претензия глобального эволюционизма, креационистскую критику которого предлагает К. Трмонтан.)

Специфический вклад современности в ординарные морфогенетические философские размышления – акцент человеческого действия, его универсализация: не отрешенные абсолюты, а созидательное усилие возводится в ранг творящего начала; действительность объявляется порождением деятельности (ср. родственность немецких вокабул *wirken* – действовать; *wirklichkeit* – действительность); вещьность – материализацией человечности.

... Деятельность – начало и завершение бытия вещей...

Начальная точка деятельности как целенаправленного напряжения сил – «цель» – обслуживает:

– гносеологически – возведение сущего в мысль;

– социологически – потребность – «идеальный внутренне побуждающий мотив деятельности, ее предпосылка».

Завершающая точка – объективация, материализация, субстантивация, рефикация – обмирщение цели.

Очевидно, деятельность заполняет пространство известного цикла «распредмечивание – опредмечивание», где первое – мыслетворчество, рациональная реконструкция, имитационное экспериментирование, моделирование; второе – практическая конструкция, созидание реалити. Деятельность в начальной точке – миропонимание; деятельность в завершающей точке – мироустройство.

В доиндустриальную эпоху – топологически – данные точки разделены. В индустриальную и постиндустриальную эпохи они соединены, пребывают единым механизмом выстраивания техно-социо-антропомерных ландшафтов.

Деятельность заявляет и проявляет себя так, как будто вещь, о которой идет речь, реальна, и она в конце концов неизбежно вступает в такую связь с жизнью, что становится реальной.

Сбываются упования техноморфизма: Бог находит себя самого в человеке. Находит под формой не отрешенного самосознания (от И. Эриугены до Г. В. Ф. Гегеля), не богосочинительства (богоискательства), но особой «религии без бога», сакрализующей труд, технику, творчество (в социально-политической транскрипции возвеличивающей то марксизм как «высшую форму религии» и социализм как религию активизма, опыта, коллективизма, то прагматизм и инструментализм как линию замены «объектов» «созданиями»).

Concordia discors (марксизм – прагматизм) – не плод неряшливой синтетики, но указание на близость идеологий, принадлежащих, как ни странно, единому порядку мысли: мысли, оправдывающей преодоление противоречия «идеальность» укрупнением диаметра «Я» (зависящего от социальной активности) прямой интервенцией в природу (расцениваемой как «сырье»), влекущей подмену объектов (не «данными опыта», как в пресловутом эмпириокритицизме, неореализме), но созданиями, творениями, произведениями «данного», способами фабрикации вещного окружения. Прагматизм-инструментализм востребует «реконструкции» в философии; марксизм-ленинизм нацеливает на развертывание «новой» философии. И одна, и другая деятельностная вариация самосознания заявляет небывалый характер техноморфного оптимизма, предписывающего «всю жизнь пересоздать мечтой».

Назначение будирующей формы практически-духовного освоения мира – пропаганда самоутверждения и самопобуждения, – идейное программирование инициативы, избавляющей от рискованных, враждебных человеку проявлений реальности. Пребывание в сущем не безмятежно, – преодоление фундаментальной вселенской неустроенности, шаткости (едва не трагедийности) усматривается в совмещении (в противовес кантианству) «есть» и «должно», достигаемом в деятельности.

В прагматистской интерпретации деятельности утрируются предприимчивость, упорство в решении человеческих проблем на базе устойчивых верований, эффективизирующих «способы делания» существующего, «достижения блага», избегания зла, уменьшения страха.

В марксистской интерпретации деятельности утрируется элемент сознательности: при фазовом социально-политическом переходе к социализму стихийность объективных законов упраздняется планомерностью целереализации; чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль людей; с этого момента человечество начинает вполне сознательно самостоятельно

творить собственную историю. Планомерность, пропорциональность, продуманность искореняют влияние непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, чем и обеспечивают точное соответствие результатов установленным целям, а с этим – «полное благосостояние, свободное всестороннее развитие всех членов общества» [Ленин 1969: 232].

Гарантом безмятежного перспективного прогресса, гармонического сосуществования человека и мира в прагматизме объявляется «солидарность действия целого»; в марксизме – «массовость действия», основывающегося в первом случае на вере в разум (равно как благочестие, набожность); во втором – на вере в справедливость доктрины «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно».

Поскольку предмет нашего анализа – креативное ядро техноморфных претензий ИР, в порядке оценки охарактеризованных весьма туманных, причудливо-мечтательных видений грядущего наиболее кратко зафиксируем следующее.

1. Оба вида философии активизма верно схватывают преимущественную тенденцию универсализации человеческой практико-преобразующей деятельности. Наряду и параллельно с ними подобными занятиями обременялся космизм, подчеркивавший становление нового типа антропо-техно-социо-натурной реальности. Проблема заключается в том, что ни марксизм, ни прагматизм (ни в последующем космизм) не обозначают конкретного механизма, усилиями коего упорядочается нетрадиционный человекообразный мировой порядок. Апелляция к «действию», «деятельности», «опыту», «практической силе» сама по себе ввиду содержательной неконкретности на роль экспликации подобного механизма претендовать не способна.

2. Концептуально не проработано, в связи с чем человеческая активность, утрачивая стихийность, обретает полномочия агента упорядочения. Как отмечалось, деятельность как таковая (тем более широкоформатная) обременена неискоренимым «проклятием» плодить хаос.

Опыт архаичных – максимально нединамичных, аморфных, бездеятельных сообществ, живущих по традиции, завету предков, демонстрирует роковую неконкурентоспособность в контексте глобального выживания. Активность – инновационность, но и рисковость; пассивность – консервативность, но и такая же рисковость... Желанный баланс инициативы и охранения в жизни пока не найден.

3. Вызывает сомнение апелляция к «массовости». Мораль, выводимая из многотрудного мирового налаживания сферы управления, отменяет подвергшиеся обзору конструкции. Руководство социальной деятельностью в сложноорганизованном иерархизированном обществе – дело не массовое, профессиональное. Одновременно обособление управления в качестве особого рода специальных занятий чревато перерождением правящей элиты со склонностью к бюрократизму, коррупции, монополии на директивы с неперенными одиозными спутниками, какими являются дирижизм, декретирование, олигархизация, конфронтация с народом.

Противоядие против данных неприглядных явлений – не массовость, а работоспособность институтов, демократический контроль власти, предусматривающий предосторожность этатизма, авторитаризма, функционерной тирании:

– социологически: посредством общедоступности, ротируемости, правообеспеченности;

– технологически: посредством персональной ответственности, обозримости (мелиоризм), ресурсооправданности;

– политически: посредством критикуемости, прозрачности, легитимности.

Что касается практической реализации, то наш оценочный вердикт однозначен: метафизическая платформа техноморфизма-техногнозиса не воплотилась в технополитику; далее мировоззренческих апологий-утрированных человеческой устремленной стати ни прагматизм, ни марксизм не пошли. Между тем апология способности действовать – вовсе не действенная способность.

Судьбу своих идейных предтеч разделили довольно шумные несистемные культурные движения XX столетия – конструктивизм, футуризм, супрематизм, кинетизм, кубофутуризм, ответвления конкретного, аналитического искусства, представляющие – при желании квалифицировать их одним словом – репрезентацию абстракции без ее дееспособного воплощения.

Прославление техницизма, урбанизма, функционализма, фактурности, технологичности ограничилось довольно узким плацдармом приложений на экспериментальных площадках архитектуры (братья Веснины, М. Гинзбург, И. Леонидов); изобразительного искусства (В. Татлин, А. Родченко, Э. Лисицкий); призывной, мобилизующей поэзии (А. Гмырев, Ф. Шкулев).

Пафосные, возвышенные слова (возьмем лишь А. Гастева):

Мы согреем, мы осветим, мы сождем всю жизнь весной,
Мы прокатимся, промчимся по земле шальной волной,
Мы ударим!
Приударим!..

или:

Ты укрась машины свежими цветами,
Лаской, нежной грезой отумань, обвей,
Смелыми оденься, облачись мечтами!
Алые знамена на станках развей.

– вдохновляли, воодушевляли, но не венчались творческим созданием новой жизни.

Выполняя функции самосознания эпохи, традиционная философия совершенно справедливо акцентировала роль деятельностного фактора (под разными видами), заключающего в себе способность производить преобразования. В то же время трактовка его (фактора) в терминах устремительного действенного могущества, состояния активного влияния, не отличаясь эвристичностью, оборачивалась абстрактной апологией вселенского антропного призвания: волею судеб человек назначен на роль *persona dramatis*.

Сакраментализация человека как космической стихии, соразмерной великой природе, никак не находила операционального наполнения: пребывая сонмом отрешенных взглядов, пропагандирующая самоутверждение, традиционная философия не указывала механизма заметного проявления человеком своих выдающихся продуктивных возможностей. Традиционная философия выступала заинтересованным агитатором свободной субъективности, обслуживающей собственное саморазвитие; она выступала формой концептологии, отстраняющейся от тематизации выпуска вещей, производства потребного сущего.

Фронтальное переакцентирование профессиональных забот философии, отменялось, проводили прагматизм и марксизм, поднимавшие на щит в одном случае «действие», «опыт», в другом – «революционное действие», «труд». Опять же, отказываясь от оценки ранее оцененных взглядов, укажем лишь на их обреченную содержательную неконкретность. Суть в следующем.

С человеком всегда, везде, во всем правильно связывать тот или иной тип деятельностиного заявления: человек – носитель энергетики, неважно, какой, – духовной, практически-духовной, практической; ввиду деятельной стати человек – источник средового возбуждения; поэтому главное – определить и доопределить, каким именно образом в ходе задействия того или иного индуцирующего начала налаживается ток бытия, складываются морфогенетические акты.

Ни в прагматизме, ни в марксизме востребуемого не обнаруживается, что и оправдывает их зачисление в корпус классической философской концептологии.

Серьезный прорыв в философском самосознании отмечается обнаружением истинного смысла общеисторического творчества, достигнутого усилиями философии техники и релевантной критики философии марксизма, паушальный вклад которых в адекватную философию действия состоял в прорывах:

– основная, непосредственная, решающая производительная сила – сила технизированного знания (не «пролетариата», как близоруко обосновывал марксизм, а позднее – ленинизм);

– основная, решающая организующая сила жизненного процесса – сила профессионального (никак не массового – на базе непредумышленных вкладов дальнорских «кухарок») управления, обходящего мироустроение по лекалам техно-, социоморфизма.

Апология научно-технического органа (в широком понимании) как тактики и стратегии жизнеобеспечения – необходимая предпосылка философского обновления. Достаточная предпосылка его сложилась позже, когда рефлектирующее изменения в строе жизни чуткое самосознание обнаружило, наконец, земное ядро туманных представлений в лице самодействующего технонаучного комплекса, отправляющего продуктивные предметоопределятельные, предметооформительные функции.

Исполнив содержательную вариацию неисполнимой ранее темы, философия преобразилась, – порвав с прошлым, стала философией не в себе сущего (эссенция – экзистенция), а человекоразмерного сущего – сущего проективного, конструктивного, креативного.

Обновление философии означало ее творческое перерождение: из концептологии она трансформировалась в креатологию, озаботилась апологией не абстрактного, а конкретного – технонаучно опосредуемого ИР.

Относительно рационально выстраиваемая концептология действия *Antiqua mater* содержательно худосочна. Заслуживают упоминания (вне прямолинейных теистических допущений «внешней целесообразности»):

– платоновская эйдология: модель *mundus archetypus* – идеальных прообразов-праформ вещей, обуславливающих их реальность «претворением». Взаимодействие сверхприродного (бытия) и природного (инобытия) тематизируется в языке «образец – подобие»;

– аристотелевский гилеморфизм: различие «первой» и «конкретной» сущности дополняется уточнением: форма – эйдос, энергия, энтелехия; материя – субстрат, вещество. Вещественность – чистая возможность – превращается в действительность становлением (актуализацией).

Важный нам *punctum saliens* одного и другого: реальное происходит из потенциального под действием символически (высшего) целевого, – платоновский ум-демиург, мировая душа; аристотелевский нус, созерцающие подлинное – благое.

Опора жизненной, как организм, культуры, – *Homo innovaticus*, производящий идеи из спонтанной способности воображения. Если подходить формально, качество идей может быть всяким: продуктивным – непродуктивным, положительным – отрицательным.

ИР не способен проводить дифференцирование идей, осуществлять селекцию, – он получает задания и некритически их выполняет. Идеология и опыт техно-, социоморфизма основываются на тотальной дегуманизации – выхолащивающей человеческое рационализации. Отсюда умножение абстрактного знания – умножение зла.

Попытку поставить заслон на пути бездушного самозаявления разума предпринял И. Кант, в главной своей работе «Критика чистого разума» проведший дискредитацию духовной способности внепредметно творчески мыслить, производить умопостижимое. Гносеологическая база целого отсека познания подверглась разрушению: *Homo innovaticus* предвзято приравнялся к *Homo hereticus*, подвизающемуся на выпуске несуразного: концептуально пустых мыслей, социально пустопорожних затей.

Капитальный изъян разумодеятельности – беспредметное искушающее сочинительство – невыверенная генерация нелепых представлений, безосновных и соблазняющих.

Борясь со спекуляцией, необязательными порождениями интеллекта, Кант отказывает в правомерности любому отрывающемуся от реальности виду сочинительства, в первую очередь мечте. Кантовская гносеология – ничем не оправданный пуризм в отношении:

- источника познавательного нового – продуктивного воображения;
- результата мыслетворчества – умозрительных идей.

Теория познания Канта по причине сказанного неполна: ограниченная тематизацией экстенсивного расширения известного на большее число случаев, она не содержит трактовки интенсивного роста знания – техники внутреннего самопрогресса науки.

Исходя из того, что идеи не имеют прямого предметного наполнения (объектно-объективной значимости), они низводятся до упорядочивающего правила организации, – по директивам *als ob* привносящего «систематическое единство» в эмпирическое применение разума.

Гносеологическая девальвация иницирующего статуса идей оправдывает далеко идущее противополагание конститутивного – предметно наполненного, переводимого в остенсив показывающего понятия, регулятивному – предметно опустошенному направляющему понятию, относящемуся не к миру, а к способу его постижения.

На деле, как вытекает из сказанного, разрыв конститутивного – регулятивного мнимый; одно с другим связано капитальной стратегией исполнения сущего по принципам универсального конструктивизма (УК). Покажем это.

Идеепроизводство – мышление посредством понятий – концепционное моделирование реалий безотносительно чувственно воспринимаемому. Такую тактику генерации представлений И. Кант отвергает как содержательно беспредметную, гносеологически несостоятельную. Но именно на подобной тактике развертываются фундаментальные теории: классическая и тем более неклассическая механика, неевклидовы геометрии и т. д., получаемые как мысленные эксперименты «что будет в предположении...» [Ильин 2019].

В общем случае модельная фаза УК разрабатывает проект-программу возможного сущего. Макет возможного, расцененный под углом зрения обмирщения, получает статус будирующей мечты – своеобразного волевозбудителя преобразовательного действия. Отрешенная идея из фактора потенциального становится фактором реального – фактором мобилизации, стимуляции перевода возможного в действительное через воплощение.

На воплотительной (опредмечивающей) стадии УК включаются конституирующие значимость идей инстанции:

- форма знания – удостоверяет предметность – причастность *Status Rerum*;
- форма ценности – удостоверяет гуманитарность – причастность совершенному.

Обращаем внимание на примечательнейшее обстоятельство: созидание мира идет по создаваемым разумом (продуктивной способности воображения) абстрактным представлениям, по прошествии времени получающим вещное и антропное наполнение.

С позиций гносеологии идеи – предположения о действительном по понятию возможного, лишённого чувственного созерцания, но содержательно ведущего нас далеко в пересоздании действительного. Ведущего через атрибуцию возможного опыта в совмещении регулятивного (следует добиваться) и конститутивного (как именно это делать).

Идеи выводят за пределы опыта через расширение опыта; в данной своей склоняющей к действию функции они – причины мира, нашей антропной его части, формирующейся как преодоление границы природно данного, за которой не пустота (как мнилось И. Канту), а культивация, выпуск креативных контр-рельефов.

Сила идей в двоякообразном порождении вещного: сначала – в проектировании, затем – в объективировании. Подоснова сопряжения двух процессов – единство продуктивного созидания по универсальным канонам. Конструктивное исполнение идей и в мысли, и в действии архитектурно унитарно – удовлетворяет законам красоты; мастерство, умение, знание дела – эпистема и техне как творения – организуются по согласованности, стройности, упорядоченности частей в целом. Как именно? Гармонически.

Неслучайно во всех разрядах человеческой деятельности – от *fiction* до *science fiction*, от *technica* до *technica societas* – утрируется соблюдение точности, краткости, откровенности, изящества, ясности, простоты. Истинное искусство – преодолевать искусность, что удается учреждением плодотворно красивого, соразмерно-го своей цели, а потому – предметно выверенного.

И. Кант отстаивал необходимость цензуры чистого разума в виде запрета на генерацию идей. Наш тезис – прямо противоположного свойства: цензура чистого разума реализуется не как отказ от производства сверхчувственных понятий, но как предписание проводить их критику в виде концептуального и гуманитарного обсчета.

Фиксирующий происходящее закон природы обеспечивает выживание человечества как животного рода по адаптации; однако этого совершенно недостаточно: человечество позиционирует себя как образование, преодолевающее животное состояние. Наадаптивная сущность сапиента проявляется в способности не приспособливаться к окружению, но приспособливать его к себе. Последнее взыскует переориентацию деятельности с закона природы на закон свободы: что должно происходить.

Так возникает эпоха природного Апостата с целеустановкой преодолеть сущее в устремлении на потребное значимое.

Наступление на *Naturwelt* идет по всему фронту с усиленного плацдарма *Sinnwelt – Wertswelt* путем применения штыкового удара творческого полагания. Царство природы с его законами не удовлетворяет потребностей *Homo*; род превозмогает его, формирует иноприродное царство культуры – собственного антропного существования.

Поскольку создателем такового являемся мы сами, отпадает необходимость в предположении, что «некое высшее мыслящее существо все устроило согласно премудрым целям» [Кант 2003: 430]. «Все» в мире культуры устраивает человек. Совершенство его действий возможно устанавливать:

– *ad extra* – подобно тому, как в мире природы удостоверяется преимущественность тех или иных эволюционных форм, прошедших испытание отбором; однако, как отмечалось выше, данный путь не может быть принят как неоптимальный;

– *ad intra* – планированием порождающего процесса ориентацией на достоверное и благоприятное, что в отсутствие шанса обозреть законченное произведение – по отчетливому понятию созидания его фрагментов – позволяет выносить обоснованное квалифицирующее суждение о характере деятельности согласно целям и идеям разума.

Литература

Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 2. / под ред. В. В. Соколова и др. М. : Мысль, 1969.

Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М. : Проспект, 2019.

Кант И. Критика чистого разума. Симферополь, 2003.

Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 6. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969.

Cassirer E. Was ist der Mensch? Stuttgart, 1960.

КУЛЬТУРНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИНКЛЮЗИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ БРИКС*

Астафьева О. Н., Судакова Н. Е.**

В статье показано становление новой универсалии современной культуры – инклюзии, которая призвана укрепить императивы социальной справедливости и солидарности в масштабах глобального мира. Инклюзия как сложностная мировоззренческая универсалия культуры представлена в перспективе реализации новой культурной политики стран БРИКС. Подчеркивается, что опора на социокультурный опыт каждой страны позволяет рассмотреть особенности формирования инклюзивного мышления, мировоззренческим ядром которого становится понимание инклюзии как универсалии, стимулирующее внимание к ценностям гуманизма в новых культурных инициативах. В процессе исследования вскрываются проблемы бедности, гендерного неравенства, эксклюзии людей с разными формами дефицита в области здоровья, по-разному проявляющиеся в эпоху глобализации в странах БРИКС.

Ключевые слова: глобализация, культурные императивы, универсалии культуры, инклюзия, сложностность, культурная политика, БРИКС, Другой.

The article shows the formation of a new universal of modern culture – inclusion, designed to strengthen the imperatives of social justice and solidarity on a global scale. Inclusion as a complex worldview and integrated culture is presented in the further implementation of the new cultural policy of the BRICS countries. The authors emphasize that relying on the sociocultural experience of each country allows us to take into account all the complex features of the formation of a new form of inclusive thinking, which becomes a universal worldview, stimulating attention to the values of humanism in new cultural initiatives. The study reveals the problems of poverty, gender inequality, and the exclusion of people with various forms of health deficiency in the era of globalization in the BRICS countries.

Keywords: globalization, cultural imperatives, cultural universals, inclusion, complexity, cultural policy, BRICS, Other.

---

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-511-93002 КАОН_а «Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества».

** Астафьева Ольга Николаевна – д. филос. н., профессор, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», профессор кафедры ЮНЕСКО ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: on.astafyeva@igsu.ru.

Судакова Наталия Евгеньевна – к. пед. н., директор Института педагогики, психологии и философии образования АНО ДПО «Московская академия профессиональных компетенций». E-mail: sudakovane@bk.ru.

Введение

Усложнение глобализационного процесса, который, по противоречивым оценкам экспертов, то затухает, то нарастает с новой силой, однозначно приводит к изменению типов мышления и восприятия совместных форм бытия. Активные дискуссии и обсуждения возможностей распространения принципов межкультурного диалога и глобальной этики все больше смещаются в сторону признания особой роли универсалий культуры, меняющих понимание аксиологических оснований для включения этих идей в стратегии социальной и культурной политики. То, что сегодня при исследовании такой темы, как инклюзия, уже невозможно ограничиться каким-либо одним, пусть даже и очень широким, аспектом, игнорируя другие его составляющие, позволяет нам предположить, что представления об инклюзии в масштабах глобализирующегося мира так или иначе приобретают глобальный характер. Будь то образовательная или культурная политика, социальная или экономическая, вопросы, связанные с социальным равновесием, солидарностью в обществе, как пути к признанию равных прав людей, несмотря на их «непохожесть» (не в последнюю очередь в силу духовных или физических особенностей развития), актуализируют изучение ценностей инклюзии как особого типа мышления, как универсалии культуры.

Следует признать, что в современном мире возрастает число постулируемых императивов (что объясняется сложностью и динамичной изменчивостью мира, потрепанного макро- и микросдвигами, рисками и уязвимостями), однако ценности гуманистической морали и социальной справедливости сохраняют свое место в иерархии представлений о человечности и помогают сдерживать давление глобализации.

Собственно говоря, в контексте данной темы размышления об инклюзии приобретают более глубокое смысловое наполнение, поскольку позволяют включать в объект исследования не только Другого, но и его разнообразный социокультурный опыт. Такой подход позволяет ставить вопрос об укреплении ядра нового гуманизма за счет включения в него инклюзии как феномена, определяющего новый тип мышления современного человека, сдерживающего его обесценивание.

Инклюзивные инициативы, активно распространяющиеся по всей планете, вписываются в постнеклассическую парадигму с ее синергетической сложностью, опирающуюся на методологический каркас теорий К. Майнцера, Э. Морена, Э. Ласло и др. В этой связи целесообразно отметить, что признание динамической полицелостности культуры с ее сложностью и эмерджентностью согласуется с утверждением о том, что «построение пути в человекомерное будущее при всей его квантово-сложностной неопределенности и растущей рискованности возможно лишь при создании новых инновационных подходов и инструментов его конструирования в рамках становящейся парадигмы сложности» [Аршинов, Буданов 2016], где инклюзия занимает одну из приоритетных позиций.

В глобализирующемся мире, с одной стороны, культура как антропосоциокультурная система включает инклюзию, имеющую характер мировоззренческой универсалии [Судакова 2018а]. С другой стороны, инклюзия постепенно «детерминируется» современной культурой как сложный мировоззренческий инструмент [Ее же 2018б], укрепляющий безусловную ценность каждого человека

для развития глобального сообщества во всех возможных аспектах, в том числе экономическом, социальном, образовательном и др., что фиксируется расширением использования ресурсов инклюзии в различных сферах социальной жизни и обусловлено реализацией Целей устойчивого развития 2030, концептуально фиксируемых Декларациями ООН в последние десятилетия.

Таким образом, постепенно приходит понимание, что феномен инклюзии обнаруживает свою сложностную структуру, проявленную эмерджентностью, мозаичностью, неоднозначностью общемировых инклюзивных инициатив, возникающих случайно и независимо друг от друга в различных сферах жизнедеятельности современного общества, в центре которых – задача обеспечения инклюзивного разнообразия, измеряемого сегодня индексом инклюзивного развития. Существенной характеристикой инклюзии является ее способность к самовоспроизводству и самодостраиванию, где стоит сделать «акцент на процессах самоорганизации», обнаруживающих ее «внутреннюю неоднородность, многомерность, нелинейность развития» [Астафьева 2009: 133], что находит отражение в том числе в зарождении и репрезентации существующих инклюзивных проектов.

Обращая внимание на становление инклюзии как феномена, заметим, что акцентирование внимания на какой-то отдельной составляющей данной проблемы мешает не только ее целостному восприятию, но и разработке адекватной стратегии развития инклюзивной политики, способствующей укреплению позиций социальной справедливости.

Все вышеизложенное позволяет представить данный феномен объектом исследования социальной синергетики, базирующейся на междисциплинарности и трансдисциплинарности и позволяющей раскрыть глобальный и действительно универсальный характер инклюзии.

Понимание инклюзии в БРИКС: на пути к социальной справедливости

Увеличивающаяся потребность в социальной сплоченности, обусловленная высоким уровнем неравенства, бедности, дискриминации и насилия в странах БРИКС, требует признания серьезной взаимозависимости между всеми видами социального опыта, включая его экономическую, культурную, политическую и другие составляющие. Этот аспект, имеющий значение для всех стран современного мира, приобретает особый смысл в условиях роста сложных социокультурных взаимосвязей между нациями, где параллельно разворачиваются как процессы мультикультурализма, так и отражающие их активность устремления к сохранению позиций культурного суверенитета.

Дж. Хагг и П. Кагванджа, исследующие проблемы культурного разнообразия и его влияния на развитие сообществ в регионах Южной Африки, обращают внимание на существующую зависимость между различными видами социального опыта. Они считают, что преодоление внутренних конфликтов, имеющих характер гражданских войн, вскрывающих проблемы идентичности, невозможно без выработки новых подходов [Hagg, Kagwanja 2007]. В центре данных процессов оказываются, по мнению Кофи Аннана, «разнообразие и сложность» [Annan 1998], которые в буквальном смысле исчерпывают собой нарастающий инклюзивный дискурс.

Соответственно, востребуется потенциал общемировых инклюзивных инициатив к масштабированию новой формы гуманистического мышления, способствующей преодолению нарастающих угроз и деструкций, где страны БРИКС не являются исключением.

Еще одним значимым аспектом является дихотомичность, проявленная как универсальностью, так и уникальностью инклюзивных инициатив, получивших свою реализацию в странах БРИКС. Это объясняется историко-культурными особенностями конкретного региона, влияющими на общественное восприятие инклюзии и определяющими государственную политику в отношении наиболее уязвимых слоев населения. Тем не менее не стоит нивелировать универсальные механизмы развития инклюзивного мышления, находящие свое отражение в странах БРИКС, где основные надежды сообществ закономерно связаны с развитием инклюзивных образовательных программ.

Наибольшую уязвимость во всех регионах БРИКС демонстрируют люди с разными формами дефицита в области здоровья, отношении к которым позволяет признавать их значимость для сообщества. Вместе с тем на поверхности оказываются множество других контекстов преодоления уязвимости человека как отличающегося от социальной нормы. Это проявляется прежде всего в актуализации внимания к проблемам бедности, гендерной, расовой и других форм дискриминации. Данные тенденции обнаруживают необходимость обеспечения права каждой личности на полноценное включение в социокультурную жизнь.

Изучая отчет об анализе реализации основ политики трансформации Гаутенга для уязвимых и выделенных групп на 2016–2020 гг. [Kanyane, Bohler-Miuler *et al.* 2017], можно сделать вывод о том, что в фокусе оказываются шесть из них, включая проблемы женщин, нуждающихся в расширении своих прав и возможностей, ветеранов войны, мигрантов, молодежи, пожилых людей, а также людей с ограниченными возможностями здоровья. Их жизненные перспективы во многом зависят от эффективности инструментов инклюзивной политики, направленной на обеспечение защиты прав человека и ведущей к укреплению позиций социальной справедливости, устраняющей социальный дисбаланс. Такой целостный и комплексный подход к исследованию проблем уязвимых групп обнаруживается как в стратегических документах, так и в исследовательских работах ученых Южной Африки, в том числе в итоговом отчете «Основы политики трансформации Гаутенга для уязвимых и обозначенных групп 2016–2020 гг.: теория изменений» [Kanyane, Hagg, Raseala 2017], а также в статьях К. Ндинда, Т. П. Ндхлову «Гендер, бедность и неравенство: исследование с точки зрения преобразования» [Ndinda, Ndhlovu 2018], М. З. Пири, Н. Молотья, Х. Макелане, Т. Купамупинди, К. Ндинда «Инклюзивные инновации и неравенство в Южной Африке: пример трансформирующей социальной политики» [Phiri *et al.* 2016]. Во многом изложенные там принципы согласуются с концепцией сложности в понимании инклюзии.

Исходя из этого, очевидно, что проблемы гендерного неравенства, являющиеся, по мнению З. Хузвайо, производными главенствующего в культуре Южной Африки патриархата [Khuzwayo 2014], не могут быть решены без содействия

формированию инклюзивно обусловленного мировоззрения, преодолевающего существующее обесценивание женщин.

Рассматривая пути распространения инклюзии в регионах БРИКС, обратимся к опыту Бразилии, где не вызывает сомнений инклюзивный характер распространения ценностей культуры посредством медиатехнологий. Открытые модели сетевой социальности в Бразилии демонстрируют признаки цифровой инклюзии, которая расширяет доступ к потреблению медиатехнологий маргинальным слоям населения. Важным является утверждение Х. А. Хорста, исследующего социокультурный ландшафт Бразилии, что «инклюзивность, открытость и социальность уникальны для бразильцев и не встречаются в других странах и контекстах» [Horst 2011: 438]. Важен и его вывод о том, что информационные технологии и бразильцы «составляют идеальный брак» [*Ibid.*: 440], поскольку исторически заинтересованы в технологиях и имеют существенный по сравнению с другими странами прирост молодежи, способной их освоить. Данные представления помогают сделать вывод, что в Бразилии уже сформировалась определенная культура инклюзии, обладающая уникальностью и берущая начало в традиционных для данного региона социокультурных практиках взаимодействия, нашедших свое воплощение в современных формах мультимедийного творчества. Государственная поддержка цифровой инклюзии в области культуры и образования, по мнению Х. А. Хорста, вызвала становление в обществе нового понимания социальной справедливости, преодолевающей социальные и цифровые различия. Этот подход также демонстрирует сложный характер инклюзии, рассматриваемой как инструмент преодоления любых форм уязвимости.

Безусловно, данный аспект не исчерпывает собой контексты исследования и реализации инклюзивной политики в Бразилии, где одной из базовых организаций выступает «Бразильская ассоциация социального обеспечения, социальной интеграции, культуры и окружающей среды – оценка (Рио-де-Жанейро)» [Fundo Brasil 2019], которая действует в интересах прав заключенных, чернокожих женщин и других слоев населения, имеющих какую-либо форму уязвимости. Таким образом, инклюзивный дискурс в Бразилии, по мнению М. Н. Хтуна, формируют проблемы половой и расовой дискриминации [Htun 2003], которые невозможно решить без новой стратегии культурной политики, способной изменить представление о значимости каждого человека для развития страны. Но самой актуальной на сегодняшний день является проблема бедности, которая касается 16 млн человек, живущих в условиях крайней нищеты [The World Bank 2014]. Нельзя не замечать и того, что она усугубляется увеличивающимся неравенством (на что обращает внимание Д. Биллер), ведь начиная с 2012 г. неравенство доходов в Бразилии достигло своего максимального значения: «...в 2018 году 10 % самых богатых бразильцев имели 43,1 % национального дохода по сравнению с 41,4 % в 2015 г. В то время как самые бедные 30 % работников увидели, что их доходы упали с 2017 г.» [Biller]. Таким образом, проблема бедности коснулась не только безработных, но и тех, кто потерял в заработной плате, что увеличило коэффициент расслоения общества по доходам и отодвинуло Бразилию на самые нижние позиции индекса инклюзивного роста.

Вместе с тем с 2003 г. в Бразилии реализуется политика инклюзивного образования. Основной проблемой воплощения данной инициативы является ее отвержение учителями общеобразовательных школ, которые выражают сомнение в целесообразности обучения детей с ограниченными возможностями здоровья в единой образовательной среде. Обратим внимание на то, как ведется подготовка учителей для работы в системе инклюзивного образования. Весь процесс обучения реализуется в формате *online* и длится около 9 месяцев. Можно предположить, что столь поверхностный подход к данной проблеме не способствует формированию не только инклюзивного мышления, но и необходимых для работы навыков. Непопулярность и низкая оплата труда учителя в Бразилии серьезно усугубляют ситуацию, о чем можно судить по работам А. Ченчи, Д. Ф. Вилаш Боаш, М. Ф. Дамиани [Cenci *et al.* 2016], а также М. Т. Э. Мантоан [Mantoan 2000].

Осмысляя инклюзию в Индии, обратимся к выработанной Национальным фондом при Министерстве социальной справедливости и расширения прав и возможностей инициативе «Инклюзивная Индия: на пути к инклюзивной Индии» [Press... 2017], устремленной к инклюзивному образованию, расширению прав и возможностей лиц с ограниченными интеллектуальными возможностями и нарушением развития. По замыслу ее организаторов, в данной инициативе должны принять участие около 2000 организаций корпоративного сектора, как государственных, так и частных, содействующих трудоустройству людей с ограниченными возможностями здоровья.

Рассматривая аспекты инклюзивной политики, выделим разные точки зрения на данную проблему. Одна из них, представленная Н. Сингал, вскрывает устойчивое отчуждение людей с ограниченными возможностями здоровья в Индии. Отсутствие четких статистических данных о численности людей с нарушениями в области здоровья, по ее мнению, связано с необходимостью семьи скрывать наличие инвалида, что способствует его стигматизации. Такое отношение к данной категории людей, по мнению Н. Сингал, во многом обусловлено социокультурными особенностями данного региона, где центральным философским понятием выступает карма (*karma*), вскрывающая причинно-следственные связи и отождествляющая инвалидность с расплатой за грехи, совершенные членами семьи в прошлой жизни [Singal 2008]. Таким образом, в Индии, где проблема обесценивания людей с дефицитом в области здоровья имеет глубокие социокультурные основания, инклюзия не может рассматриваться вне существующего контекста. Данное отношение к проблеме инвалидности, по мнению Сингал, «усиливает дистанцию ответственности» [*Ibid.*]. Обозначенная ситуация требует не только своего преодоления, но и глубокого изучения с позиции формирования инклюзивного мышления, становление которого в принципе возможно лишь в опоре на собственный социокультурный опыт региона. Вместе с тем возникает ситуация, когда опыт социокультурного взаимодействия может оказать существенное влияние в том числе на национальную культурную политику, где партнерство стран в формате БРИКС может изменить ситуацию в лучшую сторону.

Рассматривая различные аспекты становления инклюзии в странах БРИКС, обратим внимание на то, что полноценное понимание и основанное на нем про-

гнозирование ее развития затруднено вне комплексного, а именно междисциплинарного анализа.

Китай и Россия: новые императивы культурной, образовательной и экономической политики

Трансформация системы образования Китая и России имеет под собой те же основания, что и в других странах БРИКС, поскольку отвечает стратегическим инициативам ЮНЕСКО, регламентирующим общемировые реформы образования в инклюзивном ракурсе.

Обратим внимание на численность людей с инвалидностью в Китайской Народной Республике, которая, по сведениям второго национального выборочного обследования по инвалидности, проведенного в 2006 г., составляет около 82,96 млн человек, или 6,34 % от общей численности населения [Huiqing 2019].

Осмысляя отношение к инвалидности в Китае, заметим, что серьезное влияние на его формирование имеют традиционные для данной местности религиозные воззрения, а потому проблема инвалидности не может быть рассмотрена вне контекста имеющих вес конфуцианства и буддизма, где, так же как и в Индии, по мнению населения, она является следствием искупления семейных грехов [Chan 1992; Chinese... 2005]. Таким образом, по мнению Ч. Чена, неудивительно, что в Китае семья стыдится инвалидности, что особенно ярко заметно по отношению семьи к родственнику с нарушениями интеллекта [Chen, Simeonsson 1994]. Негативизм в отношении к людям с дефицитом в области здоровья формируется традиционными культурными императивами и усугубляется тем, что родители избегают социальных контактов своего ребенка. Данное отношение укрепляет стереотипы относительно человека с нарушениями здоровья, которые не позволили полностью реализоваться инклюзивным инициативам. Более того, насаждение идеи инклюзивного образования не привело к положительному результату, поскольку молодое поколение китайцев демонстрирует негативное отношение к модели совместного образования. На существующее положение повлияла и ограничительная демографическая политика [Мао 1998].

Данная проблема является значимой для Китая, где для ее решения в 80-е гг. XX в. впервые создали программы обучения людей с инвалидностью в высшей школе. Таким образом, к концу 2016 г. в Китае функционировало 21 высшее учебное заведение для лиц с нарушениями в области здоровья. Закон о защите прав инвалидов от 1990 г. (дополненный в 2008 г.) и положение «О внедрении методов интегрированного обучения в работе по развитию малолетних детей с ограниченными возможностями» от 1994 г. способствовали расширению позиций инклюзии в этой стране [Мэн 2004].

Актуализируются сегодня в Китае и проблемы гендерного равенства, где равным возможностям женщин уделяется особое внимание. Цели устойчивого развития 2030 задают тон развитию мировой инклюзивной экономики, где инициативы Китая значительно расширяются. Очевидно, что для обеспечения экономического роста требуется реформирование всей системы образования, что актуально как для Китая, так и для России. Этот вывод согласуется с Всемирным докладом по мониторингу образования, в котором заявлено, что «образование является двига-

телем экономического роста, способствует росту доходов беднейших слоев населения и, при условии справедливого распределения создаваемого богатства, сокращению неравенства» [Всемирный... 2016]. Принятая в Циндао в 2015 г. Декларация «Использовать цифровые возможности, возглавить трансформацию образования» [Qingdao... 2015], отображающая новое видение Образования 2030, призывает сообщества строить инклюзивные общества знаний, основанные на справедливом и инклюзивном доступе к качественному образованию для всех на протяжении всей жизни. Инклюзивность и доступность объявляются приоритетными, а «технологии предоставляют беспрецедентные возможности для преодоления разрыва в обучении» [*Ibid.*: 32]. Согласно данному документу, информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) способствуют обеспечению гендерного равенства, а также помогают людям с нарушениями в области здоровья получить максимальный доступ к образованию и возможностям для самореализации.

Таким образом, мировое сообщество постепенно укрепляется в понимании, что квалифицированные трудовые ресурсы не могут быть приоритетом без формирования инклюзивного мышления, способного транслировать ценности разнообразия, социальной справедливости и значимости каждого человека. Несмотря на то, что наиболее высокие темпы роста экономики ожидаются в Китае и Индии, социокультурные особенности данных регионов стигматизируют роль Другого в развитии сообщества. Данный ракурс делает еще более значимым понимание, что инклюзивный дискурс не может полноценно расширяться, не имея социокультурного базиса в роли новой формы сложностного мышления, диагностирующего уязвимость человека и способствующего ее преодолению. Разнообразие проблем и контекстов обесценивания человека, разнообразие социокультурного опыта предопределяет сложностный характер инструментов для формирования инклюзивного отношения к Другому.

В Китае наряду с государственными проектами реализуются инициативы ЮНЕСКО по искоренению неравенства с разных сторон, в том числе в ракурсе поддержки мигрантов. В 2001 г. проект экспериментального исследования «Вместе с мигрантами» вскрыл проблему интеграции в городское сообщество мигрантов из сельской местности [«Together...» 2010: 21]. В мае 2009 г. в Пекине при содействии ООН запустили трехлетний проект по поддержке молодых мигрантов из сельских регионов стоимостью 7 млн долларов. Возросшие с 2004 г. миграционные потоки молодых китайцев, имеющих лишь неполное среднее образование, стали серьезной проблемой для экономики Китая, не только обеспечивающей города дешевой рабочей силой, но и усугубляющей конфликтогенную составляющую, обусловленную увеличением разрывов в благосостоянии и возможностях для самореализации [China... 2009: 10].

Востребованными являются и различные аспекты реализации инклюзивных инициатив в области цифровой экономики, что показывает ее неотделимость от культурной политики, где концепция инклюзивного финансирования активно расширяется. Статистика свидетельствует, что 95 % населения Китая имеют доступ к Интернету в своих мобильных устройствах, а также могут рассчитывать на разнообразные инструменты финансового кредитования [The Hong Kong...

2017]. Инклюзивные инновации постепенно расширяют доступ к основным товарам и услугам для всех людей, что улучшает качество жизни и формирует новые возможности для удовлетворения потребностей. Этот аспект является важным, поскольку растущее неравенство между бедными и богатыми формирует новые угрозы, что видно из доклада Всемирного банка «Китай. Инклюзивные инновации для устойчивого инклюзивного роста» 2013 г.: «Быстрый и последовательный экономический рост Китая за последние несколько десятилетий существенно сократил число людей, живущих в бедности, но резко увеличил неравенство в доходах» [Financial... 2013]. Данное расширение заметно в том числе в контексте 13-кратного разброса в доходах бедных и богатых, что, безусловно, ограничивает возможности бедного населения для реализации своих прав. Вместе с тем с дефицитом финансирования до сих пор сталкиваются более 230 млн человек взрослого населения, не имеющего банковского обслуживания.

Очевидно, что проблемы инклюзии не могут быть рассмотрены вне проблем бедности: «В Китае и во всем мире “обездоленные”, “экономически исключенные” или “бедные ресурсами” не имеют доступа к основным жизненным потребностям, таким как чистая вода, санитарные услуги, доступное жилье, питание, базовое здравоохранение, электричество, дороги, базовое образование и финансовые услуги» [Ibid.]. Для решения данной проблемы нужна целенаправленная государственная политика, где инклюзивный рост не только выступает в роли ценностной составляющей цивилизованного общества, но и является инструментом формирования «умной» экономики, преодолевающей проблему социального дисбаланса и способствующей экономическому развитию общества, в которое каждый член общества приносит свой посильный, но продуктивный вклад. Выработка целостной инклюзивной инновационной стратегии позволяет достигнуть максимальных результатов для реализации Целей устойчивого развития 2030, что согласуется с заявленной позицией Всемирного банка.

Инклюзия в России развивается не менее активно, вскрывая необходимость трансформации мировоззренческих императивов, традиционных для нашей страны. Переоценка авторитета России в общемировом контексте в 90-е гг. XX столетия вызвала необходимость переосмысления роли человека и его вклада в социальный прогресс. Данный вопрос впервые актуализировал возможности самореализации Другого, который подвергался эксклюзии. В первую очередь эта проблема, как и в других странах БРИКС, наиболее значима для человека с какими-либо формами дефицита в области здоровья. В России, где число инвалидов, согласно официальным данным ПФР [Пенсионный... 2019], в августе 2019 г. составляло более 11,3 млн человек, среди которых 6,4 млн – женщины, а инвалидов трудоспособного возраста (до 60 лет) – 4,2 млн человек, проблема инклюзии имеет актуальный характер. Поиски способов реализации «философии независимой жизни» для 8 % от общего населения России активно обсуждаются на многих общественных и научных площадках. Очевидно, что разворот в сторону проблем социального включения инвалидов свидетельствует о серьезной смене ценностных императивов, демонстрируемой российским обществом и влияющей на стратегию его развития. В ситуации, когда высокотехнологический ресурс доступен для большинства людей в мире, когда уже не вызывают ажиотажа ни аддитивные техно-

логии и их возможности, ни новые возможности машинного обучения, выраженные в том числе ресурсами нейронных сетей глубокого обучения, открывающие невиданные ранее перспективы анализа многомерных данных, ни набирающий обороты киберспорт, значимость проблем тех, кто не может самостоятельно выйти из дома, открыть дверь или посчитать сдачу, становится еще более ощутимой. Недоумение вызывает и то, что возможность не только работать, но и получать доход, а значит, вписываться в «философию независимой жизни», имеют, по оценкам российских специалистов, только 16 % инвалидов [Инвалидность... 2017], что демонстрирует масштабное нарушение прав людей с дефицитом в области здоровья на достойную жизнь, где базовые потребности человека в активной социальной жизни и творческой самореализации не находят отклика. Безусловно, сама акцентуация проблемы инвалидности в России стала возможна лишь после ратификации Конвенции о правах инвалидов, датированной 13 декабря 2006 г., а потому этот день можно считать официальным стартом инклюзивных преобразований.

Современная Россия демонстрирует стремительный рост инклюзивных инициатив во всех областях жизнедеятельности, что символизирует возросшую активность общества в решении проблем преодоления социального дисбаланса. В 2012 г. был принят новый закон «Об образовании» [Федеральный... 2012], запустивший правовой механизм реализации идеи инклюзивного образования, получившей за прошедшее время значительное распространение во всех регионах Российской Федерации, где модернизация всех областей жизнедеятельности согласуется с образовательными изменениями, цель которых – постепенное повышение качества жизни каждого человека. Безусловно, ее реализация вскрывает множество проблем социокультурного характера, ведущих к экономическим последствиям, где инклюзивное мышление, опосредующее ценности социального равенства и солидарности, лишь обнаруживает необходимость своего формирования. Само становление инклюзивного мировоззрения в России имеет неравномерный характер, где большинство существующих проектов реализуются общественными организациями разного масштаба и характера, основной задачей которых является поддержка человека с ограниченными возможностями здоровья.

Вместе с тем становление социокультурной реальности нового формата, обусловленной инклюзивными ценностями, происходит весьма по-разному, что подтверждается разнообразными проектами, в том числе российского формата. Параллельно с государственными программами развития инклюзивного образования в России, выраженными в том числе в Национальной стратегии действий в интересах детей до 2017 г. [Указ... 2012], Стратегии развития воспитания до 2025 г. [Стратегия...], государственной программе «Доступная среда» до 2020 г. [Государственная...], формируется значительная общественная поддержка идеи инклюзии. Самыми востребованными среди них являются: АНО «Центр проблем аутизма» [АНО «Центр...»], оказывающая содействие носителям данной формы дефицита, многие проекты которой поддержаны Фондом президентских грантов; АНО «Белая трость» [АНО «Белая...»], способствующая распространению новой формы инклюзии – философии экстрабилити как пространства дополнительных возможностей людей с дефицитом в области здоровья, возникающих в процессе

развития компенсаторных функций организма; АНО Центр социокультурной анимации «Одухотворение» [АНО Центр...], занимающаяся реализацией множества проектов, направленных на формирование культуры инклюзии. Данные инклюзивные инициативы вписываются в актуальную стратегию культурной политики России, обновляемую при государственной и общественной поддержке, где при содействии организации «Рыбаков Фонд» реализуется новая федеральная программа «Равенство возможностей» [«Равенство...»], направленная на создание социокультурного пространства равных возможностей.

Заключение

Представленные инициативы, получившие глобальное распространение, демонстрируют сложностный характер инклюзии, где не важен статус реализации какого-либо проекта, так как его востребованность и жизнеспособность не являются значимыми для дальнейшей реализации целей инклюзии, поскольку «ризوما может быть разбита, разрушена в каком-либо месте, но она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим своим линиям» [Делез, Гваттари 2010: 16]. Это позволяет говорить о способности инклюзии к самовоспроизводству и самодостраиванию, которая может быть рассмотрена лишь в контексте комплексной, междисциплинарной методологии, эффективной в том числе для анализа инклюзивного социокультурного проектирования в странах БРИКС. Глобализация формирует новые траектории культурно-цивилизационного проектирования, где активно завоевывает авторитет новая универсалия современной культуры – инклюзия, претендующая на то, чтобы стать ядром планетарного мировоззрения современной эпохи.

Литература

АНО «Белая трость». [Электронный ресурс]. URL: <https://extrability.org/projects/school-of-inclusion/>

АНО «Центр проблем аутизма». [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/file/d/1iLXsHQ_ZwoIVRu2i3_kKVguu5seRG1hF/view.

АНО Центр социокультурной анимации «Одухотворение» [Электронный ресурс]. URL: <http://oduhotvorenje.com/>

Аршинов В. И., Буданов В. Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59–70.

Астафьева О. Н. Целостность культуры как «единство множественности» // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика: сб. ст. / ред.-сост. О. Н. Астафьева, В. Г. Буданов. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

Всемирный доклад по мониторингу образования. Устойчивая и инклюзивная экономика как залог благополучия. Б. м.: ЮНЕСКО, 2016.

Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/6kKpQJTEgRlVmijjyqi6GWqrAoc6OmnC.pdf>.

Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010.

Инвалидность и социальное положение инвалидов в России / под ред. Т. М. Малевой. М. : ИД«Дело» РАНХиГС, 2017.

Мэн Д. Многоуровневая модель образования и схема инклюзивного образования в Китае // Китайское инклюзивное образование. 2004. № 6. С. 1–7.

Пенсионный фонд РФ. Численность инвалидов. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost?territory=1>.

«Равенство возможностей». Инициатива «Рыбаков Фонда» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ravniy.com/>

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf>.

Судакова Н. Е. Инклюзия в системе универсалий культуры: самоценность Другого в становлении соучастного бытия // Человек. Общество. Инклюзия. 2018а. № 3(35). С. 32–38.

Судакова Н. Е. Человек в эпоху инклюзии: рождение соучастного Бытия. М. : Буки Веди, 2018б.

Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70183566/>.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

Annan K. The Causes of Conflict and the Promotion of Durable Peace and Sustainable Development in Africa: Report of the Secretary-General. 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ecosocdev/geninfo/sgreport/report.htm>.

Biller D. Brazil's Income Inequality Hits Highest Since at Least 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.yahoo.com/news/brazils-income-inequality-hits-highest-164444279.html> (дата обращения: 17.10.2019).

Cenci A., Vilas Bôas D. F., Damiani M. F. The Challenge of Inclusive Education in a Brazilian School: Teachers' Concerns Regarding Inclusion [Электронный ресурс] : Research, Society and Development. 2016. No 2(2). Pp. 94–106. URL: https://www.researchgate.net/publication/327294020_The_challenge_of_inclusive_education_in_a_Brazilian_School_teachers'_concerns_regarding_inclusion.

Chan S. Families with Asian Roots. Developing Cross-Cultural Competence. Baltimore : P. H. Brookes, 1992. Pp. 181–258.

Chen J., Simeonsson R. Child Disability and Family Needs in the People's Republic of China // International Journal of Rehabilitation Research. 1994. No 17. Pp. 25–39.

China: UNESCO Pilot Project on the Rights of Young Migrant // SHSviews. 2009. No 25 [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000183490_rus?posInSet=2&queryId=3b85fa4f-b509-4a28-8426-6a55322ea199.

Chinese. General Information. The Multicultural Disability Advocacy Association of New South Wales. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mdaa.org.au/publications/ethnicity/chinese/general.html>.

Financial and Private Sector Development East Asia and Pacific Region. China. Inclusive Innovation for Sustainable Inclusive Growth. 2013 [Электронный ресурс]. URL:

<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/26333/revised08251900Box0382083B00PUBLIC0.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

Fundo Brasil. Brazilian Association for Social Welfare, Social Inclusion, Culture, and Environment – Estimate (Rio de Janeiro State). 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fundobrasil.org.br/en/>

Hagg G., Kagwanja P. Identity and Peace: Reconfiguring Conflict Resolution in Africa. *African Journal on Conflict Resolution*. 2007. No 7(2). Pp. 9–35.

Horst H. A. Free, Social, and Inclusive: Appropriation and Resistance of New Media Technologies in Brazil // *International Journal of Communication*. 2011. No 5. Pp. 437–462.

Htun M. N. Dimensions of Political Inclusion and Exclusion in Brazil: Gender and Race. 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://iknowpolitics.org/sites/default/files/dimensions_of_political_inclusion_and_exclusion_in_brazil.pdf.

Huiping C. Information Center of China Disabled Persons Federation. The Development of ICT Accessibility for Persons with Disabilities in China. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/disabilities/documents/egm2012/Cui.PresentationPPT.pdf>.

Kanyane B., Bohler-Muller N., Hagg G., Chiumbu S., Hart T., Makiwane M., Steyn J., Kotze S., Houston G., Pophiwa N., Gordon S., Alubafi F., Ngungu M., Zikhali T., Viljoen J., Wentzel M., Mdlongwa T., Raseala P., Majozi N. Gauteng Transformation Policy Framework on Vulnerable and Designated Groups 2016–2020: A Situation Analysis Report. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hsrc.ac.za/en/research-outputs/view/8615>.

Kanyane M., Hagg G., Raseala P. Gauteng Transformation Policy Framework on Vulnerable and Designated Groups 2016–2020: Theory of Change: Final Report. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hsrc.ac.za/en/research-outputs/view/8748>.

Khuzwayo Z. Addressing Gender Inequality // *South African Labour Bulletin*. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hsrc.ac.za/en/research-outputs/view/7106>.

Mantoan M. T. E. Special Education in Brazil – from Exclusion to Inclusion // *ETD – Educação Temática Digital*. 2000. No 1(3) [Электронный ресурс]. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-106349>.

Mao X. Chinese Geneticists' Views of Ethical Issues in Genetic Testing and Screening: Evidence for Eugenics in China // *American Journal of Human Genetics*. 1998. No 63. Pp. 688–695.

Ndinda C., Ndhlovu T. P. Gender, Poverty and Inequality: Exploration from a Transformative Perspective // *Journal of International Women's Studies*. 2018. No 19(5). Pp. 1–12.

Phiri M. Z., Molotja N., Makelane H., Kupamupindi T., Ndinda C. Inclusive Innovation and Inequality in South Africa: A Case for Transformative Social Policy [Электронный ресурс] : *Innovation and Development*. 2016. No 6(1). Pp. 123–139. DOI: 10.1080/2157930X.2015.1047112. URL: https://www.researchgate.net/publication/279159847_Inclusive_innovation_and_inequality_in_South_Africa_A_case_for_transformative_social_policy.

Press Information Bureau Government of India Ministry of Social Justice & Empowerment. National Trust under M/O Social Justice & Empowerment Launches 'Inclusive India Initiative'. Aspiring for Inclusive Education, Empowerment and Community Life to Persons with Intellectual and Developmental Disabilities. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=164434>.

Qingdao Declaration. Seize Digital Opportunities. Lead Education Transformation. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000233352>.

Singal N. Forgotten Youth: Disability and Development in India. Working Paper 14. Research Consortium on Educational Outcomes and Poverty. University of Cambridge (UK). 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://recoup.educ.cam.ac.uk/publications/WP14-NS.pdf>.

The Hong Kong University of Science and Technology. FinTech and Financial Inclusion in China. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://iems.ust.hk/tlb20>.

The World Bank. Productive Inclusion in Brazil. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/results/2014/05/29/brazil-productive-inclusion-efforts-increase-equality>.

«Together with Migrants» to Eradicate Poverty in China // SHSviews: Special Issue. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187407>.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

РИМСКИЙ КЛУБ: К ИТОГАМ ПОЛУВЕКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Чумаков А. Н., Штарк Л. П.*

В статье рассматриваются ключевые аспекты создания и деятельности Римского клуба в контексте пятидесятилетнего юбилея этой организации. Показаны роль и значение Клуба в становлении и развитии глобалистики как междисциплинарной области научного знания. Отмечается, что теоретические основы глобалистики закладывались в 60–70-х гг. XX в., когда научное сообщество стало все больше осознавать глобальный характер происходящих в мире перемен и обострение проблем планетарного масштаба. В первую очередь внимание привлекли экологические, а затем экономические, социальные и политические проблемы, которые побудили А. Печчеи и его сторонников предпринять практические действия и создать общественную организацию, основной целью которой стали исследование глобальных проблем и выработка практических рекомендаций по их преодолению. Оценивая пятидесятилетние итоги деятельности Римского клуба, авторы дают свою интерпретацию противоречивым мнениям и суждениям, которые имеют место в отечественной и зарубежной литературе.

Ключевые слова: Римский клуб, глобальные проблемы, глобализация, глобалистика, Аурелио Печчеи, доклады Римскому клубу, международные отношения.

The article discusses the key aspects of the formation and activities of the Club of Rome in the context of the fiftieth anniversary of this organization. The role and importance of the Club in the formation and development of global studies as an interdisciplinary field of scientific knowledge are shown. It is noted that the theoretical foundations of global studies were laid in the 60s – 70s of the 20th century, when the scientific community became more aware of the global nature of the changes taking place in the world and the aggravation of problems of a planetary scale. First of all, attention was drawn to environmental, and then economic, social and political problems, which prompted A. Peccei and his supporters to take practical actions and create a public organization whose main purpose was to study global problems and develop practical recommendations for overcoming them. Assessing the fifty-year results of the Club of Rome, the authors give their interpretation of the contradictory statements and judgments that take place in domestic and foreign literature.

---

* Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, в. н. с. Института философии РАН. E-mail: chumakov@iph.ras.ru.

Штарк Лев Павлович – студент 3 курса факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: levkashstark@mail.ru.

Keywords: Club of Rome, global issues, globalization, global studies, Aurelio Peccei, reports to the Club of Rome, international relations.

К истории создания организации

В 2018 г. широко известная международная неправительственная общественная организация «Римский клуб» отметила свой пятидесятилетний юбилей. В этой связи встает правомерный вопрос – не иссяк ли творческий потенциал этой организации, не устарели ли формы и методы ее работы? Частично ответ на него уже содержится в специальном докладе, который подготовили к этой дате члены Клуба под руководством двух своих бывших президентов – Эрнста Вайцеккера и Андерса Вийкмана. Доклад, озаглавленный как «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» [von Weizsäcker, Wijkman 2018], вызвал широкий резонанс и привлек к себе особое внимание по ряду причин. Во-первых, он продолжил серию фундаментальных публикаций самой авторитетной международной организации, исследующей глобальные проблемы, процессы и тенденции. Во-вторых, выразил консолидированную позицию членов этой организации в оценке современного состояния мировой социально-политической и экономической ситуации, которая характеризуется предельной опасностью и тем, что требует кардинальных перемен.

Таким образом, возникает вполне закономерный интерес к событиям пятидесятилетней давности, которые привели к появлению Римского клуба и его широко известным докладам, направленным на исследование глобальных тенденций и их последствий для мирового сообщества. Но почему за столь продолжительное время, несмотря на всестороннее изучение глобальной проблематики и активную деятельность по реализации соответствующих выводов и предложений, приходится снова констатировать крайне неблагоприятное состояние дел на мировой арене? Ответ на этот вопрос, конечно, нельзя получить из анализа деятельности только одной, пусть даже и самой влиятельной организации, но основные направления исследований глобальных процессов и усилий по преодолению глобальных проблем проследить можно.

В этой связи отметим, что Римский клуб, ориентированный на решение глобальных проблем и привлечение к ним внимания мирового сообщества, был создан по личной инициативе крупного бизнесмена, впоследствии видного общественного деятеля Аурелио Печчеи, который стал не только организатором, но и первым президентом этой необычной организации [Глобалистика... 2016: 158–160].

Еще до появления соответствующей структуры Аурелио Печчеи пришел к выводу, что проблемы, с которыми мировое сообщество столкнулось к середине XX в., имеют глобальный характер, а их безотлагательное решение возможно лишь при объединении усилий как минимум большинства населения Земли. Вместе с тем было вполне очевидно, что не только мировое сообщество не готово к решению такой задачи, но и общественное сознание и даже научное сообщество никак не реагировали на новые, все нарастающие угрозы глобального масштаба. Отсюда А. Печчеи видел свою задачу в том, чтобы показать людям всю серьезность глобальных проблем и важность объединения усилий для их решения. Однако он понимал, что одному в этом предельно сложном деле ему не справиться, и пришел к выводу, что для объединения усилий следует создать общественную

организацию. Позже он писал: «Один я не мог сделать ничего, и тогда решил создать небольшой круг единомышленников, с которыми можно было бы вместе подумать о том, как сформулировать эти мировые проблемы и предложить новые подходы к их изучению» [Печчеи 1985: 121].

В итоге на первую встречу сторонников А. Печчеи, которая состоялась в 1968 г. в Академии деи Линчеи в Риме, собралось три десятка ученых, представителей деловых кругов и общественных деятелей. Эта встреча и положила начало деятельности международной неправительственной общественной организации, которая получила свое название по месту первой встречи ее основателей – Римский клуб.

Достаточно скоро был создан «постоянный комитет», в состав которого, помимо А. Печчеи, вошли ставшие впоследствии широко известными Э. Янг, А. Кинг, Г. Тимман и др. [Глобалистика... 2016: 98–99; 234–235]. Было принято также решение, что членов Клуба будет не более ста и они должны представлять «срез современного прогрессивного человечества». Очень скоро состав Римского клуба пополнился видными общественными, политическими и государственными деятелями (как правило, отставными политиками), представителями деловых, промышленных и финансовых кругов из развитых и развивающихся стран мира. Тогда же в различных странах (в том числе и в России) стала формироваться разветвленная сеть национальных ассоциаций содействия Римскому клубу. Они создавались в соответствии с принятым в 1987 г. в Варшаве Уставом Ассоциаций и согласно ему были обязаны следовать линии, проводимой Римским клубом.

Состав Римского клуба постоянно обновляется, но его структура и формы работы остаются по существу теми же самыми. Так, в результате выборов 2018 г. сопрезиденты Клуба Эрнст Ульрих фон Вайцеккер (Германия) и Андерс Вийкман (Швеция), которые выступили авторами юбилейного доклада Клуба «Come On», вышли в отставку. Сопрезидентами Клуба впервые в его истории стали две женщины: Мампела Рампеле из Южной Африки и Сандрина Диксон-Деклев из Кембриджского института лидерства в области устойчивого развития.

Члены клуба сформулировали основные принципы своей работы, ключевыми из которых стали: а) помощь людям в осознании стоящих перед ними мировых проблем; б) выработка способов решения этих проблем посредством использования всех доступных знаний, отношений, институтов; в) широкая просветительская деятельность и оказание соответствующего влияния на лиц, принимающих решения на международном уровне. При этом Римский клуб изначально не связан с каким-либо государством, организацией или политической партией. Нет у него и постоянного бюджета, так как, по мнению создателей организации, это могло бы ограничивать свободу их действий [Глобалистика... 2003: 893–896].

Преодоление непонимания и безразличия

Поскольку основной целью Римского клуба было исследование глобальной проблематики и поиск оптимальных путей решения общечеловеческих проблем, а также привлечение к ним широкого внимания мировой общественности, то члены этой организации изначально сосредоточились на поиске своих сторонников. Они посетили много стран, провели множество всевозможных встреч и обсуждений, пока наконец не пришли к выводу, что ни многолика научная обществен-

ность, ни тем более широкие слои населения еще не поняли в должной мере опасности, нависшей над человечеством. В лучшем случае люди проявляли беспокойство по поводу того, что происходило рядом с ними, что непосредственно затрагивало их личные интересы, но вовсе не были готовы погружаться в данную проблематику и тем более предпринимать какие-то конкретные шаги, если дело касалось человечества в целом.

Впоследствии, вспоминая то время, А. Печчеи писал: «Как будто бы глобальные проблемы, к которым мы стремились привлечь всеобщее внимание, касались вовсе не нашей, а какой-то совсем иной, далекой планеты. Создавалось впечатление, что большинство людей, которых мы встречали в наших странствиях, готовы были всячески приветствовать создание Римского клуба – при условии, однако, что он никоим образом не будет вмешиваться в их повседневные дела и не посягнет на их интересы» [Печчеи 1985: 99]. Таким образом, становилось все более очевидным, что только лишь призывами и воззваниями ситуацию изменить не удастся. Нужен был иной образ действий, который заставил бы людей посмотреть на современный мир и на свое место в нем по-другому. «Нам оставалось констатировать, – вспоминал потом Печчеи, – что никто не только не выразил готовности уделить на благо будущего всего человечества хоть какую-то долю своего времени, денег или общественного престижа и влияния, но даже, по видимому, и не верил, что подобные жертвы с их стороны могут привести хоть к какому-нибудь положительным результатам» [Там же].

Теперь, по прошествии полувека, особенно хорошо видно, что основные причины такой реакции людей заключались не только в том, что к ним обращались представители организации, которая тогда никому не была известна, не представляла никакой политической партии, «не отождествляла себя ни с какой идеологией», не имела «единой системы ценностей», «единой точки зрения» и «вообще не стремилась к единомыслию», но и в том, что люди, поглощенные повседневностью, оставались равнодушными к своей собственной судьбе. Они не видели, не понимали и, что более всего озадачивало членов Римского клуба, не хотели осознавать нараставшие угрозы. Слова, призывы, обращения представителей Римского клуба, скажет потом А. Печчеи, «нашли не больше отклика, чем проповеди папы римского, увещевания Генерального секретаря ООН У Тана или, скажем, предостережения обеспокоенных ученых и мыслителей. Создавалось впечатление, что их забывали еще до того, как слышали» [Там же].

В такой ситуации требовалась смена парадигмы действий. Нужна была сенсация, которая стала бы чем-то абсолютно необычным, шокирующим, способным заставить людей задуматься над собственной судьбой и увидеть принципиально новые опасности глобального масштаба. При этом было вовсе недостаточно отыскать необходимые средства и организовать соответствующие исследования. Требовалось также найти адекватную форму подачи материала, чтобы широко заявить о результатах таких исследований и привлечь к ним внимание мировой общественности. И такая задача была успешно решена посредством того, что Клуб стал определять тематику и последовательность проведения исследований, привлекая для этого необходимые ресурсы и поручая проведение работ известным ученым и специалистам. Результаты таких исследований с тех пор стали подаваться в виде докладов Римскому клубу, которых к настоящему времени насчи-

тывается уже более сорока. Последний из них был представлен в начале 2019 г. под названием «Управление устойчивыми преобразованиями. Новая теория и практика достижения целей устойчивого развития» [Kuenkel 2019].

А начало таким докладам было положено в 1972 г., когда многонациональная группа ученых, работавшая под руководством Д. Медоуза, подготовила первый доклад Римскому клубу под названием «Пределы роста» [Meadows *et al.* 1972]. Доклад получил широкий резонанс, поскольку в нем вырисовывалась апокалипсическая перспектива мирового развития по причине ограниченных возможностей для экономического роста в планетарном масштабе. Переведенный практически сразу почти на полсотни языков доклад разошелся многомиллионными тиражами по всему миру, а Римский клуб с этого времени оказался в центре всеобщего внимания. Затем последовала серия очередных докладов, которые еще больше укрепили авторитет этой организации в качестве ведущего мирового центра в области глобальных исследований. Вот только некоторые из них, публикация и широкое обсуждение которых возвели Римский клуб на высокий пьедестал и сделали его серьезной силой, влиятельным субъектом в сфере международных отношений, экономики и политики: «Человечество на перепутье» [Mesarovic 1974]; «Пересмотр международного порядка» [RIO... 1976]; «За пределами века расточительства» [Gabor 1978]; «Цели для человечества» [Laszlo *et al.* 1977]; «Римский клуб – подтверждение миссии» [King 1986]; «Первая глобальная революция» [Кинг, Шнайдер 1991] и др.

Истоки глобалистики и международного взаимодействия

Деятельность Римского клуба сыграла определяющую роль в становлении и развитии глобалистики. Его доклады не только смогли привлечь внимание мировой общественности к изучению глобальных проблем, но и стали теоретической базой зарождавшейся тогда глобалистики. Острые вопросы, актуальные задачи, насущные проблемы и подходы к их решению, сформулированные даже в первых докладах, не говоря уже о более поздних, по большей части не утратили своей актуальности и сегодня. И дело не только в том, что, например, демографическая, продовольственная, сырьевая или экологическая проблема, а тем более предотвращение войны и сохранение мира, равно как и преодоление социально-экономической отсталости, до сих пор находятся в поле зрения большинства ученых, политиков и общественных деятелей. Римский клуб оперативно и со всей основательностью и теперь относится ко всему новому, необычному, неожиданному, в частности к угрозам, порождаемым современным научно-техническим прогрессом, идеологическим противоборством, а также экономической и социально-политической нестабильностью в мире. Примерами таких проблем являются глобальный терроризм, усиление нелегальной миграции, транснациональная киберпреступность и т. п. Примечательно и то, что глобальное моделирование, которое впервые полноценно и весьма эффективно использовалось уже в первых докладах Римского клуба, получило дальнейшее развитие и активно применяется в современной глобалистике, в частности, в компьютерных моделях социально-экономического развития, математическом моделировании системы «общество – природа» и т. п.

Таким образом, не приходится сомневаться, что Римский клуб вписал яркую, весьма значительную и неповторимую страницу в историю развития глобалистики.

Среди многочисленных футурологических организаций, появившихся на волне бурного обсуждения глобальных проблем, а впоследствии и процессов глобализации, он явно выделяется как основательностью своих исследований, так и масштабами деятельности, что сделало его серьезным фактором формирования мирового общественного мнения.

К Римскому клубу можно относиться по-разному, как, собственно, и происходит на самом деле. Но вполне очевиден тот факт, что усилиями именно данной организации впервые перед мировым общественным сознанием раскрылись принципиально новые угрозы, предельно актуальные для всего человечества, и был поставлен вопрос о необходимости безотлагательно заняться глобальными проблемами во всей их целостности и взаимосвязи [Чумаков 1994]. Членам и активистам Римского клуба удалось подключить к этой работе видных ученых и специалистов, а также создать широкую сеть своих отделений и организаций, разбросанных по всему миру. Так, почетными членами Римского клуба в разные периоды времени были бывший президент СССР М. С. Горбачев, бывший президент Германии Рихард фон Вайцзеккер, первый президент Чехии Вацлав Гавел, президент Венгрии Арпад Гёнци, президент Аргентины Карлос Менем, такие нобелевские лауреаты, как Илья Пригожин, Лоуренс Клейн и др. [Global... 2014: 79–80].

Многогранная деятельность Римского клуба проявилась и в создании им национальных ассоциаций содействия Клубу, которые действуют в соответствии с принятым в 1987 г. в Варшаве Уставом Ассоциаций и согласно ему должны следовать линии, проводимой головной организацией. Начало формированию такой международной структуры было положено с появлением первой Ассоциации в Нидерландах. Это была общественная реакция на первый доклад Римскому клубу «Пределы роста». Помимо большинства развитых капиталистических стран, подразделения Римского клуба были созданы также в Латинской Америке (Аргентина, Чили, Пуэрто-Рико, Венесуэла). В СССР Ассоциация содействия Римскому клубу была создана в 1989 г. В последующем она реформировалась в Российскую ассоциацию содействия Римскому клубу. В разное время действительными членами Клуба были академики Д. М. Гвишиани, Е. К. Федоров, Е. М. Примаков, А. А. Логунов, В. А. Садовничий, писатель Ч. Айтматов, профессор С. П. Капица [Глобалистика... 2016]. После распада социалистической системы национальные ассоциации были образованы и в Восточной Европе: Болгарии, Хорватии, Чехии, Грузии, Венгрии, Румынии, Словакии, Словении, Украине. В Польше к тому времени подобная структура уже существовала.

Единство теории и практики

Оценивая с позиции сегодняшнего дня полувековую деятельность Римского клуба, нельзя не признать его конструктивную и положительную роль, которую он сыграл в условиях холодной войны и жесткого противостояния двух общественно-политических систем. Так, в сентябре 1969 г. видные члены Клуба Эрих Янч и Хасан Озбекхан были приглашены в Европейский летний университет в Альпбахе (Австрия) на семинар по глобальным проблемам человечества. После этого австрийский канцлер Йозеф Клаус пригласил членов Клуба выступить перед его кабинетом в Вене, и это положило начало многочисленным встречам чле-

нов Римского клуба с главами государств, общественными деятелями, представителями бизнеса и др. В частности, в 1974 г. по инициативе Римского клуба в Австрии собрались руководители и политические лидеры девяти государств, которые высказались за разрядку международной напряженности, установление мира и развитие сотрудничества на планете. Успех этой встречи имел свое продолжение на следующий год, когда представители уже 23 государств собрались на аналогичную встречу в Мексике. Другим примечательным событием стало то, что перед саммитом в Рейкьявике, в октябре 1986 г., Эдуард Пестель и Александр Кинг разослали подготовленный меморандум главам враждующих держав – М. Горбачеву и Р. Рейгану. Лидерам СССР и США было предложено принять участие в совместной работе по сокращению экспорта вооружений в беднейшие страны мира, что, по мнению авторов меморандума, могло бы принести сверхдержавам если не экономические, то огромные политические дивиденды, а также стало бы уникальным опытом совместной конструктивной работы. Подчеркнем и то, что члены Римского клуба неоднократно посещали Советский Союз, а впоследствии Россию, выступали с докладами перед советскими и российскими учеными, которые изначально проявляли большой интерес к деятельности этой организации, активно обсуждали ее доклады и даже участвовали в подготовке некоторых из них.

Важной формой работы Римского клуба является и проведение ежегодных конференций, творческих встреч, специальных заседаний в различных регионах мира. Последнее такое заседание состоялось в марте 2019 г. в Дубровнике (Хорватия) и было посвящено теме «В поисках новой парадигмы для новой цивилизации». Заседание, в котором приняли участие и российские ученые (Ю. Н. Саямов, А. Т. Гаспаришвили, А. Н. Чумаков), проходило под председательством сопresidenta Римского клуба Р. Мампеле в Университетском центре Дубровника – одном из наиболее известных мест проведения многих международных научно-образовательных мероприятий. Основными темами обсуждения стали: направленность и содержание необходимых социальных изменений в современном мире; анализ существующих взглядов на мироустройство в ближайшей и отдаленной перспективе; обсуждение инструментов и механизмов цивилизационных трансформаций; перспективы выхода из экстремального состояния нынешней мировой социосистемы и построение новой цивилизации.

Важно подчеркнуть, что встречи и конференции такого рода позволяют решать актуальные проблемы и в то же время налаживать плодотворные контакты между лидерами и активистами различных стран. Они также способствуют лучшему пониманию специфики проблем отдельных регионов, дают лучшее представление о восприятии различными субъектами международных отношений глобальных вызовов и выбранного ими способа поведения в глобальном мире. Важной частью работы Римского клуба являются регулярные консультации ее членов с лицами, принимающими ответственные решения в международных организациях, правительственных кругах, деловом сообществе и гражданских институтах.

Суммируя, можно сказать, что члены и сторонники Римского клуба выполнили задачу принципиальной важности – они уже с самого начала своей деятельности заставили представителей политических, общественных и деловых кругов обратить серьезное внимание на мировые проблемы. В итоге сначала экологиче-

ская проблема, затем ресурсная, демографическая, а потом и весь спектр глобальной проблематики стали неотъемлемой частью социально-экономических и политических программ любого политического деятеля или партии, претендующей на власть практически в любой стране мира.

Неординарные выводы и прогнозы докладов Римского клуба неизменно вызвали большой резонанс среди мировой общественности, в научных и политических кругах, оказывая, таким образом, серьезное влияние на формирование глобального сознания в масштабах планеты. Различные науки широко используют методологические принципы, разработанные и впервые примененные этой организацией, а выводы и практические рекомендации многих докладов были положены в основу при прогнозировании социально-экономического развития отдельных стран и регионов.

Оценки и суждения

Как уже отмечалось выше, в оценке деятельности Римского клуба имеет место широкий разброс мнений: от восторженных отзывов, доказывающих несомненную ценность его проектов, до прямо противоположных суждений. В то же время в основном преобладают взвешенные оценки и внимательное отношение к достигнутым результатам. Так, еще в 1976 г. немецкий ученый Э. Гартнер под впечатлением от первых докладов писал: «Римский клуб завоевал большую симпатию среди многих критически настроенных ученых и публицистов благодаря тому, что он называет своими именами те вещи, систематическая недооценка и утаивание которых в западном послевоенном мире были результатом страха разрушить образ “процветающего общества” и “постиндустриального общества” будущего» [Gartner 1976: 5]. В этом суждении явно отразилось мировоззрение значительной части либерально настроенных научных, политических и деловых кругов Запада и их отношение к актуальным проблемам современности. Схожих высказываний немало и в отечественной литературе. Так, например, академик Н. Н. Моисеев подчеркивал в свое время, что исследования Римского клуба утверждают «объективную необходимость поиска новых путей развития нашей цивилизации, необходимость нового понимания процесса мирового развития» [Моисеев 1987: 223].

Что касается критических замечаний и менее лестных оценок деятельности Римского клуба, то следует отметить, что определенные причины для этого имеются. В частности, глобализация и сегодня еще остается предметом дискуссий и противоречивых оценок. И когда она понимается как некий проект или целенаправленный замысел тех или иных сил, якобы преследующих таким образом собственные интересы, то среди субъектов, «ответственных» за глобализацию, нередко называют и Римский клуб. Случается и так, что дело доходит до обвинений в конспирологии... Для серьезных специалистов, принимающих во внимание прежде всего объективно-историческую природу глобализации, вполне очевидно, что это, как правило, досужие домыслы людей, плохо знакомых с основными положениями и достижениями современной глобалистики. Вместе с тем не стоит недооценивать влияние этих людей на общественное мнение и массовое сознание, поскольку часть из них занимают определенные позиции в политических и деловых кругах, науке, образовании, наконец, в средствах массовой информации.

Среди упреков, которые высказываются в адрес Римского клуба, можно встретить и отсутствие должного прогресса в преодолении глобальных проблем, и нарастание все новых опасностей, тогда как деятельность этой организации теряет свою динамику. Подобные высказывания не лишены оснований, и в Римском клубе на это не закрывают глаза, по крайней мере с 1990-х гг. Так, например, в 1993 г., выступая на заседании Римского клуба, представитель Японии Йоши Кайя заявил: «Мы должны честно признать, что сегодня Клуб гораздо менее влиятелен, чем в 70-е гг., несмотря на несколько организованных им блестящих конференций с участием политиков и ученых высшего класса. Можно насчитать несколько так называемых “глобальных организаций”, работающих над серьезными глобальными вопросами, и некоторые из них по общему признанию лидируют в этом направлении. Я серьезно сомневаюсь, находится ли Римский клуб в числе влиятельных организаций» [Римский... 1997: 269]. Однако здесь следовало бы заметить, что решение задач такого масштаба – прерогатива всего человечества, а заслуга в том, что некоторым негативным тенденциям мирового развития и мрачным прогнозам, как теперь уже вполне видно, не суждено будет сбыться (по крайней мере, в предсказанные сроки), несомненно, принадлежит и Римскому клубу.

Итак, возвращаясь к первоначальному вопросу о современном потенциале Римского клуба и его способности продолжать плодотворную работу, следовало бы вспомнить слова основателя этой организации касательно перспектив развития Клуба. «Он должен быть готовым к тому, чтобы исчезнуть, как только в нем отпадет необходимость: нет ничего хуже идей или институтов, которые пережили собственную полезность», – писал он, рассуждая о будущем своего творения [Печчеи 1985: 108]. В этой связи вполне логично сделать вывод: поскольку (и это следует из сказанного выше) потребности в исследовании глобальной проблематики только возрастают, а интерес к деятельности Римского клуба остается на достаточно высоком уровне, то и пятьдесят лет истории этой организации еще не предел ее существования.

Литература

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М. : Кнорус, 2016.

Глобалистика: Энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003.

Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М. : Прогресс, 1991.

Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М. : Наука, 1987.

Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1985.

Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / под ред. Д. М. Гвишиани. М. : УРСС, 1997.

Чумаков А. Н. Философия глобальных проблем. М. : Знание, 1994.

Gabor D., Colombo U., King A., Galli R. Beyond the Age of Waste. Oxford : Pergamon Press, 1978.

Gartner E. On the “Second Phase” of the Work of the Club of Rome // *Scientific World*. 1976. Vol. 20. No. 4. Pp. 5–28.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B. V., 2014.

King A. The Club of Rome – Reaffirmation of a Mission // *Interdisciplinary Science Reviews*. 1986. Vol. 11. No. 1.

Kuenkel P. *Stewarding Sustainability Transformations. An Emerging Theory and Practice of SDG Implementation*. N. p. : Springer International Publishing, 2019.

Laszlo E. *et al.* *Goals for Mankind: A Report to the Club of Rome*. New York : Dutton, 1977.

Meadows D. H. Meadows D. L., Randers J., Behrens III W. W. *The Limits to Growth*. New York : Universe Books, 1972.

Mesarovic M., Pestel E. *Mankind at the Turning Point*. New York : Dutton, 1974.

RIO – *Reshaping the International Order* / coordinator J. Tinbergen. New York : E. P. Dutton, 1976.

Weizsäcker E. von, Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. New York : Springer, 2018.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Снакин В. В.*

В статье рассмотрены естественно-исторические корни глобализации и ее воздействие на функционирование экосистем и человеческий социум. Глобализация порождена безудержной экспансией живого вещества (так называемым давлением жизни) и сопровождается глубокими преобразованиями окружающей природной среды биологическими видами, в максимальной степени выраженными у человека. По мере исчерпания экстенсивного пути развития степень этого преобразования среды обитания резко возрастает. К настоящему времени биосфера стала для человеческой популяции единым жизненным пространством, преобразуясь как внешне, так и в самой сути происходящих в ней процессов. Часть следствий глобализации воспринимаются позитивно (окультуривание ландшафтов, охрана природы, снижение агрессивности и конкуренции в человеческом социуме), какие-то – с негативным оттенком (загрязнение практически всех природных сред, инвазии, исчезновение видов). Глобализация вызывает множество других неоднозначно воспринимаемых процессов: изменения в культурном разнообразии, антропогенное расселение видов, миграции населения, демографические взрыв и переход, смещение стратегии выживания в пользу К-отбора, феминизация мужчин и маскулинизация женщин и др. Но все эти процессы являются следствием развития биосферы, для которой человек на этапе глобализации стал самым мощным орудием ускорения эволюции.

Ключевые слова: *глобальные природные процессы, эволюция биосферы, глобализация, антиглобализм, локализация, давление жизни, биоразнообразие, антропогенное расселение видов, инвазия, великие вымирания видов, миграции населения, культурное разнообразие, демографический переход, загрязнение природы, охрана природы, природопользование, преобразование окружающей среды, скорость эволюции, стратегия жизни популяций, агрессивность, маскулинизация, феминизация.*

The natural historical roots of globalization and its impact on the functioning of ecosystems and human society are considered. Globalization is generated by the rampant expansion of living matter (the so-called pressure of life) and is accompanied by deep transformations of the natural environment by biological species that are most pronounced in humans. As the extensive development path is exhausted, the extent of this habitat transformation increases dramatically. By now, the biosphere has become a single living space for the human population, transforming both externally and in the very essence of the processes occurring in it. Some of the consequences of globalization are perceived positively (reclaiming landscapes, pro-

---

* Снакин Валерий Викторович – д. б. н., профессор, заведующий сектором Музея земледения МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующий отделом экологии Института фундаментальных проблем биологии РАН. E-mail: snakin@mail.ru.

tecting nature, reducing aggression and competition in human society), some with a negative connotation (pollution of almost all natural environments, invasions, disappearance of species). Globalization causes many other ambiguously perceived processes: changes in cultural diversity, anthropogenic resettlement of species, population migration, demographic explosion and transition, shift of survival strategy in favor of K-selection, feminization of men and masculinization of women, etc. But all these processes are a consequence of the development of the biosphere, for which a person at the stage of globalization has become the most powerful tool to accelerate evolution.

Keywords: *global natural processes, the evolution of the biosphere, globalization, anti-globalization, glocalization, life pressure, biodiversity, anthropogenic settlement of species, invasion, great extinctions of species, population migration, cultural diversity, demographic transition, pollution of nature, environmental protection, nature management, environmental transformation environment, the rate of evolution, the strategy of living populations, aggressiveness, masculinization, feminization.*

Введение

Характерным и во многом определяющим современное развитие биосферы процессом является глобализация. Под нею, как правило, понимают всеобъемлющий рост степени регулирования экономики и социальных аспектов в мире, проявляющийся в интернационализации капитала, создании транснациональных компаний, международных правительственных и негосударственных организаций, всеобщих баз данных, регламентирующих деятельность каждого человека. Но глобализация – гораздо более широкий процесс, захватывающий не только природопользование, но биосферу в планетарном масштабе, в разной степени практически все природные процессы.

Ниже рассмотрены современные явления в природе и обществе, представляющие собой экологические следствия глобализации. Некоторые аспекты этой проблемы были затронуты ранее [Иванов, Снакин 2016; Чумаков 2016; Снакин 2017; 2018 и др.].

1. Глобализация и ее естественно-исторические предпосылки

Глобализация обусловлена главными направлениями эволюции биосферы, связанными с экспансией живого вещества (*давлением жизни*) и углублением степени взаимосвязанности биосферных процессов. Согласно В. И. Вернадскому, живое вещество в процессе эволюции биосферы, по мере захвата жизнью все новых местообитаний, усилило свое преобразующее давление на окружающую неживую природу и на самое себя. При этом давление жизни, экспансия живого вещества лимитируются лишь ограниченностью ресурсной базы.

Человек – самый активный представитель биологического мира, благодаря своей деятельности, по сути, соединивший разрозненные континенты, элиминирующий действие фактора географической изоляции. В результате биосфера стала еще более единой в экологическом отношении. Промышленная и научно-техническая революции значительно расширили ресурсные возможности человечества, резко увеличив тем самым давление жизни.

Следует заметить, что процесс глобализации не ограничивается современностью и имел влияние в прошлом, о чем, в частности, свидетельствует исследование [Freeman *et al.* 2018], в котором анализируются проблема формирования устойчивых сообществ и потребление энергии человеческими популяциями в последние 10 тысяч лет. Тем не менее именно в наше время порожденная человеком миграция вещества в биосфере достигла невиданных ранее масштабов.

2. Глобализация и преобразование окружающей среды (природы)

Преобразование природы – один из важных механизмов эволюции биосферы, реализуемый благодаря деятельности живых организмов, которые не только адаптируются к имеющимся условиям окружающей среды, но активно преобразовывают ее, увеличивая свою независимость и давая возможность для появления новых форм жизни. Преобразование окружающей среды обитания особенно ускорилось с появлением человека, порождая не только новые возможности улучшения качества окружающей среды, но и множество экологических проблем. Непрерывно увеличивая свою ресурсную базу, человечество изменило лик Земли, превратилось в геологический фактор огромной мощности.

Сельскохозяйственное производство, добыча полезных ископаемых, строительство поселений, регулирование гидросети, создание огромных водохранилищ, образование отходов производства и потребления ведут к нарушению земель и гидрогеологического режима, гибели лесов, опустыниванию, глубоким изменениям местного климата.

Так, площадь обрабатываемых угодий в ходе сельскохозяйственной деятельности (пашня, сады, плантации) составляет 1507 млн га, или 11,2 % всего земельного фонда планеты. По данным Росприроднадзора, на начало 2016 г. в России имелось 1244,7 тыс. га нарушенных земель, в 2016 г. было дополнительно нарушено 111,4 тыс. га, а рекультивировано – 92,1 тыс. га. Наиболее распаханной частью света является Европа (32 % занимают пашни). Из самых крупных стран мира особенно высокой степенью распаханности земельного фонда выделяются Индия (54 %) и Аргентина (40 %). В России в Центрально-Черноземном районе при средней распаханности территории района в 61,9 % доля сельхозугодий в структуре землепользования достигает 81 % (Орловская область).

Лесистость (отношение покрытой лесом площади к общей площади района) Земли в целом составляет 30,3 % с тенденцией к сокращению (на 0,4 % только за 1990–2005 гг.) [Состояние... 2009]. Лесистость территории России составляет 45,4 %; при этом в европейской части России 300 лет назад она составляла около 52 %, к 1920-м гг. снизилась до ~27 %, а к XXI в. несколько возросла (до 38 %), преимущественно за счет зарастания лесом заброшенных пашен и лугов, переводимых затем в категорию лесных земель [Национальный... 2007].

Одной из глобальных экологических проблем стало всеобщее загрязнение природы. Загрязнены не только необъятные просторы Мирового океана (так называемые «мусорные острова», сопоставимые по площади с крупными государствами), но и космос, что может вызывать трудности в функционировании космических и наземных устройств (особенно радиотехнических и астрономических). По инициативе ООН и Европейского космического агентства предпринима-

ется ряд мер по очистке околоземного космического пространства от техногенного мусора и усовершенствованию защиты космических аппаратов.

Многочисленные данные свидетельствуют о том, что загрязнение превратилось в глобальную экологическую проблему с тенденцией к росту. В то же время глобализация с возрастающим уровнем научно-технического прогресса впервые привела к тому, что часть развитых стран добилась на своих территориях уменьшения загрязнения окружающей среды [Тарко 2016]. Проникновение в развивающиеся страны передовых технологий вселяет надежду на решение проблемы загрязнения природы в глобальном масштабе.

Наряду с замусориванием окружающей среды имеет место химическое загрязнение самыми разными загрязняющими веществами и физическое загрязнение различными физическими агентами (повышение радиационного фона за счет искусственных радионуклидов, радиационных катастроф; дополнительное привнесение в экосистемы самых разнообразных иных источников энергии: тепла, света, шума, вибрации, гравитации, электромагнитного излучения и т. п.).

Загрязнение воздуха в силу быстрого перемещения воздушных масс стало всеобщим, вызывая загрязнение других компонентов биосферы. Трудно разлагаемые (персистентные) хлорорганические вещества (в том числе ДДТ) уже обнаруживаются в теле животных, обитающих в Антарктиде, а радиоуглерод (^{14}C) от ядерных испытаний обнаружен даже в Мариинской впадине на глубине 11 км [Wang *et al.* 2019].

Особое значение и существенные эволюционные последствия имеет биологическое загрязнение – привнесение в экосистемы и размножение чуждых им видов организмов: заражение микроорганизмами, привнесение биологических видов в ходе акклиматизации и биотехнологических работ, включая лабораторные штаммы микроорганизмов, искусственные гибриды и генетически измененные организмы.

3. Глобализация и динамика биоразнообразия

Глобализация связана как с расширением сферы деятельности человеческой общности и, соответственно, с сокращением ареалов диких растений и животных, так и с целенаправленной и случайной (инвазия) интродукцией чуждых данной местности видов животных и растений, что приводит к снижению роли географических барьеров, вытеснению местных видов и, как следствие, к ускорению вымирания видов и сокращению биоразнообразия [Снакин 2016].

В качестве противоположного процесса следует отметить развитие селекции и особенно генной инженерии, которые ведут к появлению новых сортов растений и подвидов животных. Сама деятельность человека порождает новые экологические ниши, способствующие видообразованию, что ведет к увеличению биоразнообразия. Этому процессу содействует создание криобанков и других форм сохранения генофонда.

Благодаря глобализации интенсифицируется антропогенное расселение видов. Инвазия связана с развитием транспорта (каналы, соединяющие различные морские бассейны; межконтинентальные морские и авиаперевозки), со случайными завозами животных и растений при интродукции, а также с образованием

новых экологических ниш при создании техногенных ландшафтов. Так, по Суэцкому каналу в Средиземное море попал красноморский краб *Neptunus palagioussis*, а по Волго-Донскому каналу из Черного моря в Каспийское распространились водоросль *Eutonema oligosporum* и медуза *Blackfordia virginica*; при интродукции белого амура и толстолобика в Среднюю Азию были завезены 10 видов других дальневосточных и китайских рыб, а при интродукции аквариумных растений попала в водоемы Евразии «водяная чума» – *Elodea Canadensis*.

Создаваемые человеком новые местообитания активно заселяются биологическими видами. Из 311 выделенных на ЕТР ключевых орнитологических территорий более 20 имеют антропогенное происхождение [Национальный атлас... 2007]. Популяция попугаев какаду (*Cacatuidae*) обосновалась в Сиднее (Австралия), а желтоголовые амазоны (*Amazona oratrix*) – в Штутгарте (Германия), весьма далеко от их естественных ареалов обитания; попугаи-монахи (*Myiopsitta monachus*) расселились в Буэнос-Айресе благодаря введению в культуру человеком древесных пород, необходимых для их гнездования, и уверенно вытесняют из городской среды голубей; они же освоили окрестности Храма Святого семейства (Саграда Фамилия) в Барселоне. Крупнейшее местообитание вымирающего американского ламантина (*Trichechus manatus*) наблюдают в последнее время у берегов Флориды благодаря подогреву воды теплоэлектростанциями.

Экономические потери от инвазии в мировом масштабе оцениваются более чем в 10 млрд долларов в год (потери сельскохозяйственных культур, стоимость контроля чужеродных видов, расходы на разработку и применение средств защиты, траты на лекарства от аллергии и других заболеваний, охрана редких и исчезающих видов и пр.). Так, истребление популяции завезенных человеком на Галапагосские острова козлов, уничтоживших растительность на островах и угрожавших исчезновением гигантским черепахам, продлилось 52 месяца и стоило более 6,1 млн долларов.

Несмотря на отмеченное разнонаправленное воздействие на динамику биоразнообразия, в целом глобализация ответственна за современную тенденцию сокращения биоразнообразия, отмечаемую многими исследователями. Так, в работе [Seballos *et al.* 2015] на основании подсчета частоты исчезновения млекопитающих и растений утверждается, что в XX в. скорость вымирания видов возросла в 114 раз. По мнению авторов этой работы, темпы вымирания животных в последние два столетия стремительно приближаются к тому, с какой скоростью вымирали представители флоры и фауны 66 млн лет назад, когда исчезли динозавры, морские рептилии и птерозавры, и это может привести к шестому великому вымиранию. Однако следует помнить, что, как отмечал Ч. Дарвин, вымирание видов в результате естественных процессов – нормальное явление, сбалансированное в геологическом времени появлением новых видов и являющееся почти неизбежным следствием принципа естественного отбора [Darvin 1859]. Неоднократно имевшие место в истории биосферы великие вымирания завершались новым витком видообразования на основе наиболее эволюционно приспособленных видов, и после них численность видов обычно превосходила исходный уровень.

4. Глобализация и охрана природы

Человек, пожалуй, единственный вид, который осознанно занимается охраной природы. Именно процессы глобализации к середине XX в. подняли охрану при-

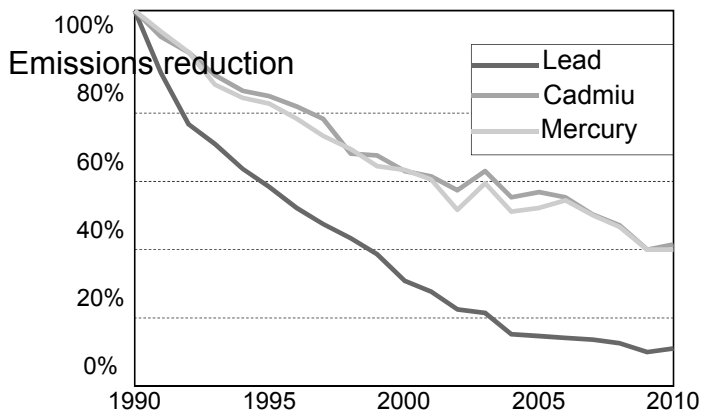
роды до уровня межгосударственной деятельности. Возникли международные организации и проекты (МСОП, ВВФ, ЮНЕП, Программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера», «Всемирная стратегия охраны природы» и др.), подписаны многочисленные международные конвенции и соглашения, призванные разрабатывать и координировать совместные природоохранные действия государств. В качестве мотивов, побуждающих человека охранять природу, следует указать: утилитарный (сохранение природы, в частности биоразнообразия, полезно), научный (удовлетворение природного любопытства человека при изучении дикой природы), а также активно развиваемый в последнее время этико-эстетический (сохранение природы ради нее самой, обладающей самоценностью).

Охрана природы, по сути, представляет собой развитие отрицательной обратной связи в системе «человечество – биосфера», нехарактерной для других биологических видов, кроме человека, и стабилизирующей эту систему.

В условиях негативных изменений окружающей человека среды роль международного сотрудничества неизмеримо возрастает, обеспечивая экологическую безопасность государств и рациональное использование природных ресурсов как общечеловеческого достояния, что невозможно без обращения к международному праву – основному регулятору межгосударственных отношений. Реестр международных договоров и других соглашений в области окружающей среды непрерывно растет: если в 1991 г., согласно данным ЮНЕП, было 152 соглашения, то в 1994 г. отмечали около 300 общих, региональных и двусторонних международных соглашений, непосредственно затрагивающих проблему охраны окружающей среды. Растет и число стран, принимающих участие в международных договорах. В настоящее время Россия является участницей примерно 100 многосторонних соглашений и основных протоколов к ним в рассматриваемой области.

Опыт показывает растущую эффективность международных усилий по улучшению охраны природы: пресекаются многочисленные попытки контрабанды редких и исчезающих видов животных и растений (конвенция СИТЕС), а также трансграничное перемещение опасных отходов (Базельская конвенция); в существенной мере прекращено производство озоноразрушающих веществ (Монреальский протокол), ограничиваются выбросы оксидов серы и азота, тяжелых металлов (Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния). В то же время международные конвенции подчас малоэффективны из-за отсутствия четких научно обоснованных критериев контроля и оценки эффективности, а также из-за неучастия в их деятельности ряда ведущих стран мира (например, Россией не ратифицированы Орхусская конвенция, Стокгольмская конвенция и ряд других).

Высокая эффективность природоохранных мероприятий отмечается в рамках деятельности Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния ЕЭК ООН (CLRTAP). За сорокалетнюю историю этой конвенции были практически решены вопросы превышения на территории Европы критических выпадений кислотообразующих агентов (оксидов серы и азота), существенно уменьшены эмиссии персистентных органических соединений и тяжелых металлов (рис. 1).

Рис. 1. Сокращение эмиссии ряда тяжелых металлов за 1990–2012 гг. по данным Метеорологического синтезирующего центра «Восток» [MSC-E... 2015]

Важно подчеркнуть, что природоохранное движение должно быть основано на научных знаниях, а не на предположениях. К сожалению, некоторые международные соглашения (Киотский протокол, Парижское соглашение по климату) не имеют достаточного научного обоснования, что снижает эффективность работы в таких направлениях, а также способствует развитию экологического нигилизма [Снакин 2019].

5. Глобализация и культурное разнообразие

Согласно Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001), будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие также необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы.

Подчеркивая необходимость его сохранения, важно отметить, с одной стороны, стремительное сокращение разнообразия жизненных укладов и культурных традиций народов мира (так, коренное население тундры, тропических стран, пустынь безвозвратно утрачивает навыки традиционного природопользования). С другой стороны, растет сложность мироустройства, народного хозяйства, приемов и методов использования природных ресурсов, резко возросла информационная компонента, что в целом делает картину мирового разнообразия все более сложной и насыщенной.

Унифицируя многие стороны деятельности человечества, глобализация активизировала развитие глокализации – сложного процесса сочетания разнонаправленных глобальных тенденций общественного развития и локальных, местных особенностей экономического, социального и культурного развития тех или иных народов [Глобалистика... 2003]. В результате вместо ожидаемого исчезновения региональных отличий происходит их сохранение и порой усиление. Вместе со слиянием и унификацией возникают и набирают силу явления иного направления: сепаратизм, обострение интереса к локальным отличиям, рост интереса к традициям глубокой древности и возрождение диалектов. Так, если до Второй мировой войны в мире было около 50 стран, то в 2016 г. в составе ООН насчитывалось 193 страны, и число их неуклонно растет. Таким образом, глобализация, с одной стороны, ведет к унификации экономических и культурных укладов,

а с другой, – сопровождается движением по сохранению культурного разнообразия как феномена всеобщего разнообразия природы.

6. Глобализация и демографические проблемы

Ослабление географических барьеров, развитие путей сообщения по всему миру с неизбежностью ускоряют всевозможные миграционные процессы, в том числе активную миграцию населения, провоцируемую социально-политическими аспектами: бедностью, военными и этническими конфликтами, климатическими бедствиями.

Миграция населения, по сути, аналогична миграции животных и может возмещать естественную убыль населения страны (депопуляцию). С другой стороны, она создает проблемы как для стран, переживающих массовый выезд, так и для тех мест, куда они направляются («утечка мозгов», проблемы ассимиляции с местным населением, изменение демографической структуры, культурных традиций и др.). Миграция населения характеризуется неравномерностью и является яркой иллюстрацией давления жизни.

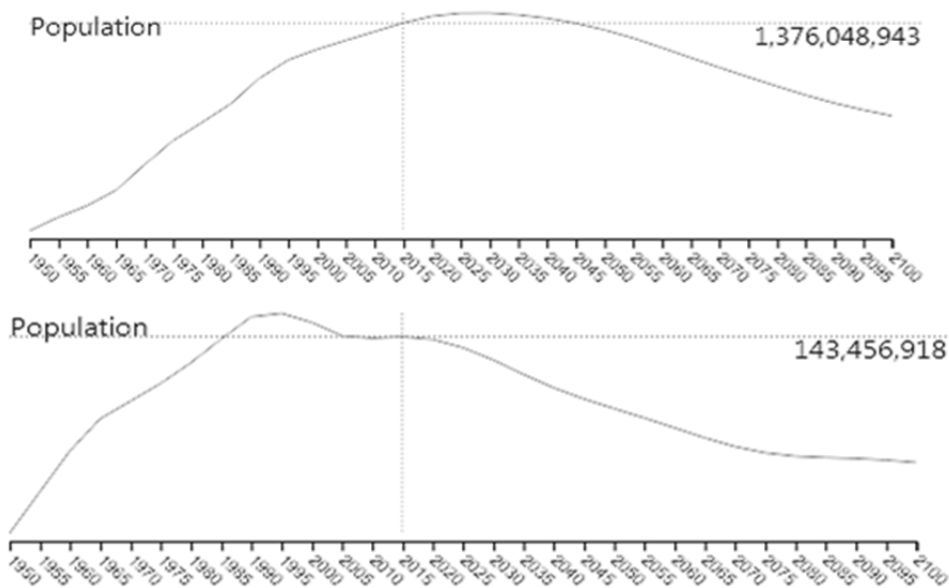
Современные процессы глобализации облегчают и ускоряют миграционные процессы, в то же время активное перемещение населения наблюдалось и в прошлой истории человечества. Так называемое Великое переселение народов – совокупность этнических перемещений в Европе в IV–VII вв. – привело к падению античного мира (прежде всего Римской империи) и становлению Средневековья. Оно началось с движения готов, мигрировавших с территории Центральной Швеции (Готии) к побережью Черного моря (III в.), затем гуннов с востока. Несмотря на множество версий, до сих пор неясно, что стало главной причиной движения варваров, откуда пришли гунны, кем были праславяне. По всей вероятности, имели место проблемы, связанные как с перенаселенностью, социальным расслоением, так и с изменениями климата. Известно, что одним из ключевых событий того времени был климатический пессимум раннего Средневековья, достигший своего пика приблизительно к 535 г. Если в I в. до н. э. потепление помогло римлянам продвинуться в сторону Германии и Испании, то в IV в. н. э. замерзшие реки способствовали движению гуннов на Рим.

В связи с усилением миграционных процессов правительствами многих стран уделяется существенное внимание демографической политике – целенаправленной деятельности государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения в желательном для себя направлении (достижение демографического оптимума). Среди ее направлений выделяют: государственную помощь семьям с детьми, создание оптимальных условий для совмещения профессиональной деятельности с выполнением семейных обязанностей, улучшение качества жизни, регулирование миграции населения и др. При этом история демографической политики свидетельствует, что она далеко не всегда заметно влияла на воспроизводство населения.

Создается впечатление, что естественные эволюционные процессы, регулирующие рождаемость, являются до настоящего времени главными действующими факторами в динамике населения Земли. Усилия правительств отдельных стран по регулированию численности населения (стимулирование рождаемости или, напротив, мероприятия по ее сокращению) оцениваются всего лишь в 8–15 %

от общего процесса изменения численности людей. При этом ряд мер (таких как запрет аборт или так называемый материнский капитал) не меняют ситуации в целом, а лишь изменяют динамику народонаселения, делают ее неравномерной (ускоряют или откладывают рождение ребенка).

Так, результаты политики правительства Китая по ограничению рождаемости (программа «Одна семья – один ребенок», начатая в 1978 г.) оцениваются неоднозначно. Динамика роста населения Китая и России имеет практически одинаковый характер (рис. 2), хотя в России проводились меры по стимулированию рождаемости. В значительной степени падение рождаемости является неотъемлемым следствием экономического прогресса и доступа женщин к образованию.

Рис. 2. Динамика и численность населения в 2015 г. для Китая и России соответственно [Population... 2017]

В то же время в отдельных регионах возможны колебания численности населения, обусловленные деятельностью правительств (репрессии сталинского режима в СССР – около 0,8 млн расстрелянных и более 4 млн репрессированных; массовое убийство в Руанде племени тутси в 1994 г. по приказу правительства хуту – от 0,5 до 1 млн уничтоженных; геноцид режима «красных кхмеров» в Камбодже – от 1,7 до 3,0 млн человек и др.).

7. Глобализация и изменение стратегии биологических видов (социобиологические аспекты глобализации)

Век глобализации связан с переходом от преимущественно экстенсивного пути развития человечества к интенсивному, с ростом плотности человеческой популяции и связанным с этим изменением поведенческих стереотипов.

Стратегия популяций может быть охарактеризована большим набором частных признаков, наличием разных жизненных форм, а также интегральными признаками: конкурентоспособностью, толерантностью, реактивностью. Так, по одной из клас-

сификаций стратегии растений, предложенной в 1938 г. Л. Г. Раменским, различают виоленты (конкурентоспособные «растения-львы»), пациенты (выдерживающие недостаток факторов среды) и эксплеренты (пионерные виды, «растения-пролетариаты» с высокой скоростью размножения). Выделяют также *r*-стратегию – высокую способность к репродукции при отсутствии заботы о потомстве и *K*-стратегию – низкую скорость репродукции при высокой степени заботы о потомстве.

Концепция *r*- и *K*-отбора предложена американскими зоологами Р. МакАртуром и Э. Уилсоном [MacArthur, Wilson 1967] на основе анализа смены стратегии на примере островных популяций. *K*-отбор благоприятствует более эффективному использованию ресурсов, например пищевых; *r*-отбор благоприятствует более высоким темпам роста популяции и высокой продуктивности; это ведущая форма при ухудшении условий окружающей среды, при освоении новых территорий, у пионерных сообществ. Между этими видами отбора имеется фундаментальное отличие. На самых ранних стадиях заселения островов доминирует *r*-отбор; большинство видов, занимающих стабильные биотопы, при достижении ими максимальных размеров популяции имеют тенденцию к снижению *r*-отбора. Одновременно существует тенденция к росту *K*-отбора благодаря более тонкой адаптации к локальным условиям. Относительное количество видов в *r*- и *K*-отбором определяется стабильностью локальной среды обитания. В периоды с неблагоприятными условиями преимущество вновь получает *r*-отбор.

Эта концепция согласуется с наблюдающейся динамикой численности человечества (демографический переход), когда в развитых странах число детей в семьях неуклонно сокращается при увеличивающейся заботе о потомстве, то есть наблюдается преобладание *K*-стратегии над *r*-стратегией. Аллегорией *r*- и *K*-отбора является древнегреческий миф о многодетной супруге фиванского царя Ниобе, упрекнувшей богиню Латону (Лето) в малодетности; оскорбление (гибрис) было жестоко отомщено: дети Латоны – легконогая Артемида и златокудрый Аполлон – поразили всех сыновей и дочерей Ниобы стрелами (рис. 3).

Рис. 3. Картина И. Конига (1586–1642) «Смерть детей Ниобы»

В последнее столетие в эволюции человеческой популяции четко прослеживается замена *r*-стратегии на *K*-стратегию, что объясняет наблюдаемое в последнее время снижение численности населения во многих странах. Снижение количества детей на одну женщину, переход от многодетных семей к семьям с одним-двумя детьми, более позднее рождение детей и большая забота о воспитании детей ведут к повышению уровня образованности, большей конкурентоспособности в условиях растущей сложности общественных и производственных отношений.

Рост сложности мирового хозяйства ведет также к возрастанию численности экологических ниш, что способствует снижению степени конкуренции в обществе, это особенно важно в условиях высокой численности (плотности) населения.

Еще одним аспектом современного периода является отмечаемая многими исследователями феминизация, то есть возрастание роли и влияния женщин в обществе. Активизировавшееся в последнее столетие движение за равенство полов (феминизм) связано не только с феминизацией, но и с маскулинизацией, то есть изменением некоторых функций мужских и женских особей, своего рода сближением мужского и женского начал.

Ряд исследователей [Pinker 2011] отмечает также снижение уровня жестокости в человеческом обществе, обусловленное как усилиями власти и закона в этом направлении, так и рассмотренными выше процессами феминизации и снижения степени конкуренции.

Заключение

С одной стороны, глобализация приводит к упорядочению и усложнению мирового хозяйства, к снижению степени конфронтации государств, возможности эффективного решения некоторых глобальных проблем, ускоряет миграцию населения. С другой стороны, происходят размывание национальных культур (даже вымирание целых народов, не вписывающихся в процесс глобализации), потеря индивидуальности человека, получающего всеобщий идентификационный номер (типа ИНН), то есть своеобразное уменьшение разнообразия на человеческом уровне, снижение культурного разнообразия, что ведет к активности сторонников глокализации.

При этом углубляется социально-экономический разрыв между развитыми («золотой миллиард») и развивающимися странами, что является источником антиглобализма. По мнению И. Пригожина, проблема в том, чтобы найти узкий путь между глобализацией и сохранением культурного плюрализма, между насилием и политическими методами решения проблем, между культурой войны и культурой разума [Prigozhine 2000].

С экологических позиций глобализация, вызванная безудержной экспансией живого вещества (давлением жизни), оказывает всестороннее воздействие на современные природные процессы, вызывая множество экологических проблем.

Глобализация сопровождается невиданной ранее степенью преобразования естественных экосистем. В целях расширения сельскохозяйственного производства, добычи полезных ископаемых, строительства поселений и соответствующей инфраструктуры уничтожаются и замусориваются естественные ландшафты,

сокращаются ареалы обитания диких растений и животных. Всеобщей становится проблема загрязнения воздуха и природных вод.

Глобализация существенно ускоряет целенаправленное (интродукция) и случайное (инвазия) распространение чуждых данной местности видов животных и растений, что приводит к снижению роли географических барьеров, вытеснению местных видов и, как следствие, ускорению вымирания видов и сокращению биоразнообразия [Снакин 2016]. Особенно губительна глобализация в отношении островных сообществ.

Такая ситуация с неизбежностью вызывает ответную реакцию человечества. Человек стал единственным видом, охраняющим природу как самоценность. Создается система особо охраняемых природных территорий, становящаяся все более репрезентативной. Создаются эффективно действующие международные природоохранные соглашения, основанные на научных знаниях и охватывающие целые континенты.

Активные миграционные процессы, растущая плотность населения ведут к интеграции человеческого социума и дальнейшей эволюции человека, приспособленного к жизни в условиях глобализации. Изменяется популяционная стратегия размножения, наблюдаются процессы феминизации, ведущие наряду с другими факторами к снижению уровня жестокости и конкуренции в обществе, к изменению демографической ситуации. Несомненно, что столь существенные процессы в социуме ведут также к изменениям других аспектов социального поведения личности (экопсихологии), отвечающих за приспособляемость (выживаемость) особи в меняющихся условиях среды: альтруизму, кооперации, мутуализму, толерантности и т. п. Выявление этих изменений – важная задача предстоящих биосоциологических исследований.

Несомненно, что порождаемая человеком глобализация оказывает существенное влияние на все аспекты функционирования природных экосистем и на сам человеческий социум. При этом очевидно, что глобализация – это очередной важный этап развития биосферы, на котором человечество (антропогенный фактор) играет роль основного ускорителя эволюционных процессов.

Литература

Глобалистика: Энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Радуга, 2003.

Иванов О. П., Снакин В. В. Глобализация с позиции экологии, синергетики и теории сложных систем // Век глобализации. 2016. № 4. С. 3–12.

Национальный атлас России: в 4 т. Т. 2. Природа. Экология. М. : Роскартография, 2007.

Снакин В. В. Географическая изоляция видов как фактор глобальной динамики биоразнообразия // Жизнь Земли. 2016. Т. 38. № 1. С. 52–61.

Снакин В. В. Глобализация и социобиология // Век глобализации. 2017. № 4. С. 23–32.

Снакин В. В. Глобализация и экология // Жизнь Земли. 2018. Т. 40(4). С. 465–472.

Снакин В. В. Глобальные изменения климата: прогнозы и реальность // Жизнь Земли. 2019. Т. 41. Вып. 2. С. 148–164.

Состояние лесов мира / под ред. А. Перлиса. Рим : ФАО, 2009.

Тарко А. М. О настоящем и будущем России и Мира. Тула : Промпилот, 2016.

Чумаков А. Н. Триосфера, эпометаморфоз и новые задачи глобалистики // Век глобализации. 2016. № 3. С. 3–15.

Ceballos G., Ehrlich P., Barnosky A., García A., Pringle R., Palmer T. Accelerated Modern Human-induced Species Losses: Entering the Sixth Mass Extinction // *Science Advances*. 2015. Vol. 1. No. 5. June 19.

Darwin Ch. *The Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life*. London : John Murray, Albemarle Street, 1859.

Freeman J., Baggio J. A., Robinsone E., Byers D. A., Gayof E., Finleya J. B., Meyerg J. A., Kellye R. L., Anderiesh J. M. Synchronization of Energy Consumption by Human Societies throughout the Holocene // *PNAS*. 2018. Vol. 115(40). Pp. 9962–9967. DOI: www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.1802859115.

MacArthur R., Wilson E. O. *The Theory of Island Biogeography*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1967.

MSC-E presentation. EMEP/WGE Bureaux. March 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.msceast.org/index.php/publications/presentations>.

Pinker S. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence has Declined*. New York : Viking, 2011.

Population Pyramids of the World from 1950 to 2100. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.populationpyramid.net/>.

Prigozhine I. The Die is Not Cast [Электронный ресурс] : *Futures*. 2000. Vol. 25. No. 4. URL: http://sdo.uni-dubna.ru/jornal/view_pub.php?id=64.

Wang N., Shen C., Sun W., Ding P., Zhu S., Yi W., Yu Zh., Sha Zh., Mi M., He L., Fang J., Liu K., Xu X., Druffel E. R. M. Penetration of Bomb ¹⁴C into the Deepest Ocean Trench [Электронный ресурс] : *Geophysical Research Letters*. 2019. DOI: 10.1029/2018 GL081514.

ГЛОБАЛИСТИКА ВСЕМИРНОЙ НЕТОКРАТИИ XXI В.

Скаленко А. К.*

В данной работе представлена концепция антикризисного мирового развития по инновационно разработанной автором глобально-системной методологии, основу которой составляет процессуальная взаимосвязь факторов: человека, экосферы (экологии и экономики) и информатизации мира. Впервые по-новому также определена глобалистика как наука о фундаментальных факторах и механизмах всеобщесистемного управления мировыми процессами. Названы и раскрыты в сущности основные глобализирующие факторы современной трансинформационной мирохозяйственной жизни как формы – инструменты нетократии.

Ключевые слова: развитие, человек, экосфера, глобалистика, информация, механизм, нетократия, кризис.

This paper presents the concept of anti-crisis world development based on the global system methodology developed by the author, which is based on the procedural interconnection of factors: man, the ecosphere (ecology and economics) and the informatization of the world. For the first time, globalization is also defined in a new way as the science of the fundamental factors and mechanisms of the system-wide control of world processes. The main globalizing factors of modern transformational world economic life as a form-instrument of netocracy are named and disclosed in essence.

Keywords: development, man, ecosphere, globalization, information, mechanism, netocracy, crisis.

В соответствии с императивно и очевидно неотвратимо проявленными реалиями и тенденциями развития мира в XX–XXI вв. сегодня вполне закономерно возникла острая потребность по возможности научно и всеобщесистемно увязать наиболее влияющие на жизнь человечества глобальные факторы роста в процессе их взаимодействия. Речь прежде всего пойдет о феноменах до сих пор загадочной глобализации и суперинтенсивной информатизации мира. Это, как нам представляется, уже возможно и следует незамедлительно сделать, но только лишь суть фундаментально-научно рассматривая по-современному динамическую мир-системную структуру факторов «Человек, экосфера (экология и экономика) и информатизация мира» в их сущностной роли и основных функциональных взаимосвязях для лучшей формы «нетократии» сегодня.

Феномен трансинформационной глобализации мира XXI в.

Во всей своей очевидной реальности явления суперинтенсивной информатизации и весьма «ощутимой» глобализации в человеческой жизни исторически

---

* Скаленко Алексей Карпович – доктор философии (PhD), академик МАИ при ООН, ведущий научный сотрудник Института всемирной истории Национальной академии наук Украины (г. Киев), президент Международного фонда «Единение». E-mail: icf_unity@ukr.net.

возникли почти одновременно, однако с некоторым запаздыванием процесса так называемой глобализации. Но это можно научно объяснить непреложностью действия причинно-следственного закона. Здесь мы лишь подтверждаем неразрывную связь этих феноменов.

Несмотря на уже полувековое внимание многих авторов исследований к сфере возникшей проблематики, размер процессов могущественного воздействия указанных феноменов на нашу жизнь во всех ее проявлениях, сама их сущность, роль и функции реального влияния на осуществляемые человечеством социокультурные и политико-экономические усилия к прогрессу фактически остаются на обочине познания.

По этому поводу известный специалист в области глобалистики А. Н. Чумаков пишет, что глобалистика «объективно выполняет интегративную роль в сфере науки и практики, заставляя многих ученых, политиков и общественных деятелей по-новому посмотреть на современный мир и осознать свою сопричастность единой судьбе человечества. Она заставляет задуматься над тем, что глобализация и порождаемые ею проблемы не оставляют человечеству иного выбора, как, преодолевая раздробленность и разногласия, идти к своему *единству* (выделено мной. – А. С.), по возможности сохраняя самобытность культур, вековых традиций и основополагающих ценностей отдельных наций и народов. Но такое единение и согласованность действий может обеспечить лишь адекватное понимание происходящих в современном мире процессов и событий, знания о которых вырабатываются и формулируются в глобалистике, где ближайшие цели и отдаленная перспектива рассматриваются в тесной взаимосвязи» [Чумаков 2008: 16].

Таким образом, если не только прагматически, но и по-научному методологически, то есть глобально и системно, подходить к проблемам, так или иначе связанным с уже реально существующим кризисом общемирового масштаба, то в первую очередь надо зафиксировать наиболее реальную картину социально опосредствованного мира как свидетельство его всеединства и закономерной глобальности. Данная *объективная глобально-системная* реальность такова, что начиная с доисторических времен современное многомиллионное человечество со своими потребностями принципиально не может изменить, а тем более отменить глубочайшие **основы** своего существования. Именно на этом основании люди всегда строили общества, а суть объединяющим фактором закономерно выступали информационные знания о необходимых законах природы, включая сущность человека.

Здесь напомним, что всеобщим основанием и фундаментом в глобальном плане нашего рассмотрения всегда были, есть и будут *материально-энергетическая первооснова и идеальная информационно-целевая основа* социокультурной и технико-экономической деятельности в естественном, объективно существующем мировом пространстве. Но информация – это лишь некий «*посол действительности*».

Глобалистика – наука о фундаментальных факторах и механизмах всеобщесистемного управления мировыми процессами

Таким образом, обобщая изложенное, в данной части работы представляем действительную роль и основные, то есть ключевые, функции *идеально-инфор-*

мационных знаний как глобального системного ориентира поведения, гаранта нашего безопасного существования в естественной среде и главным образом как *суть рычага возвышения цивилизационного уровня жизни людей путем формо-творческой деятельности и методом совершенствования процессов самоуправления*, то есть **нетократией** [Бард, Зодерквист 2008; Скаленко 2018].

1. Идеальное и абстрактное, то есть практически и по сути – *трансформационное*, опосредствование социализированной формы развития мира предоставляет человеку возможность самопознания не только как его неотъемлемой части, но и как *активно творческой личности и синергетически действующего субъекта* в сфере объективно существующей вещественно-энергетической среды. Именно поэтому **глобалистика** определена нами как **наука** о фундаментальных факторах и механизмах всеобщесистемного управления мировыми социализированными процессами [Скаленко 2018].

2. Идеальный информационный ресурс практически функционирует в социально-экономической сфере как *мерило реальности*, то есть как глобально ориентирующие, универсальные знания о мировых процессах и их законах. Этот ресурс исторически накапливается и без всяких ограничений может быть использован в любой системе оперативной и стратегической деятельности. Здесь еще раз обратим внимание на то, что будучи *единым «полномочным» представителем объективно существующего материального мира*, именно таким законным образом информационные знания утверждают свою приоритетно стратегическую роль, ведущие функции и свой **глобально** влиятельный статус в личностной и мировой социально-экономической жизни, а также в цивилизационном процессе. В этом и состоит особенность также пока весьма таинственной *нетократии*.

3. Далее, объективно единственный ресурс трудового *целеполагания* – *идеальные информационные знания* – функционирует в сфере человеческой деятельности целиком в качестве *системообразующего* фактора, то есть фактора формирования целей и их реализации, в том числе и в первую очередь – в процессах самоуправления трудовыми системами. Именно таким образом в функциональной структуре каждого трудового процесса возникают так называемые *прямая и обратная связи*, а также по уже нашей *инновационной методологии* – еще и *глобально-системная связь*.

4. Идеальный информационно-знаниевый ресурс своей глобально влиятельной, необходимо даже сказать – *суперфункцией* предоставляет чудесную возможность *Ното sariens* для *начала* теоретически выходить именно в *идеальную сферу закономерных возможностей природной*, то есть *объективной материальной среды*, и уже активно творчески используя знания, осуществлять *трансформационное моделирование* и выбор вариантов практической реализации проектов, направленных на удовлетворение социально-культурных и экономических потребностей.

Именно таким является очень непростой путь обеспечения весьма естественных людских потребностей и самоусовершенствования человеческой жизни, и он по сути имеет *глобально-системное измерение*. Следовательно, его на всех основаниях можно назвать *ноосферно-общецивилизационным*. Также глобально-системно углубляя конечный вывод по данному тезису, необходимо назвать осо-

бо выделенную нами здесь *суперфункцию по существу идеальных информационных знаний глобально прогрессотворческой*.

5. Будучи абсолютно идеальным феноменом и подчиняясь лишь компетентной человеческой воле, информационные знания имеют фундаментальное свойство свободно, то есть специфически, без традиционных препятствий и ограничений, распространяться в социально-экономической сфере. Это специфическое свойство информации особенно influentially проявилось в наш век супервысоких электронных и интернет-технологий с их *мобильно сверхскоростными носителями информации*. Именно поэтому феномен глобализации предстал миру так императивно и неотвратно. В первую очередь в социально-экономических процессах, где, например, финансово-денежная сфера, какова она есть, *по сути является лишь практически опосредующей, товарно-эквивалентной, информационно-идеально-целевой специализированной подсистемой* во всемирной научно-информационной системе, однако *экономически супервыгодной*. Эта функция информации должна быть признана сегодня одной из глобально важнейших в целостном механизме цивилизационного процесса, и наиболее конкретно – в реальных механизмах социокультурной и политэкономической деятельности, а также в активизации мирового цивилизационного прогресса на основе постоянно накапливаемого научно-информационного ресурса [Скаленко 2013].

Из изложенного материала весьма логично следует сделать вывод, что с принятой автором в данной работе *глобально-системной точки зрения* в сфере реальной человеческой жизни *действительно* существуют лишь два глобализирующих фактора:

А. Объективно ориентирующий трансформационный фактор – это единый генетический, гносеологический и праксеологический фактор, функционирующий в качестве необходимого, особо уполномоченного представителя естественных закономерностей осуществления всех без исключения процессов мировой и человеческой жизни. По своей фундаментальной сути это **абсолютный глобализирующий фактор** как наиболее глубинная основа, ресурс и рычаг всеобщесистемного управления реальными социокультурными и мирохозяйственными процессами. Итак, по своей сути *информационные знания* – это фундаментально единая *глобально-системная связь* не только в земном, но и в космическом измерении. Именно данная связь является глобальной основой нашего так называемого *нетократического modus vivendi*.

Б. Человеческий или гуманитарный трансформационный фактор – это закономерно естественный и поэтому необходимо функционирующий в социально-экономической жизни суть *глобализирующий фактор* во всех без исключения процессах активной творческой деятельности. Но будучи глобально и закономерно естественной, даже *единой движущей силой всех трансформационных трудовых процессов*, человеческий фактор имеет лишь **относительную возможность** управления мировыми процессами. Именно поэтому *глобально-системный механизм* труда и цивилизационного развития следует обозначить как *целостный транс-психо-информационно-технологический комплекс-процесс*, который по своей глубинной сущности объединяет все возможности выживания и совершенствования человеческой жизни. И именно этот фактор является глобально дви-

жушим рычагом антропо-социализированной деятельности и цивилизационного прогресса, то есть глобальной сущностью **нетократии**.

Особо зафиксируем, что человеческий фактор принципиально может быть реально действенным, успешно творческим и антикризисным *только на основе абсолютно глобализирующего фактора*, то есть на основе «живых» – объективных закономерностей природы, даже если эта деятельность имеет недостаточно осознанный, некомпетентный, аморальный или криминальный характер.

Однако, с оглядкой на реальное состояние человечества сегодня, наибольшего внимания требует проблема осознания проявляющейся угрозы *глобально-системного кризиса современной цивилизации*, главными причинами которого в соответствии с принятой автором методологией обозначены сверхопасное распространение по сути *дезинформационных и дезинтеграционных* явлений во всех сферах мировой общественной жизни.

Дело здесь в том, что в действительности идеальный информационно-целевой ресурс как глобально единый ориентир и гарант трудового успеха только *законно изначально* открывает человеку возможности всесторонне эффективной деятельности, социально-экономического и глобального цивилизационного прогресса. И именно поэтому сама жизнь сегодня четко указывает на *самую главную возможность современности – науку как наиглавнейшего производителя достоверного, высококачественного информационного ресурса*. И не случайно теперь об информации как единомцелевом ресурсе знаний говорят: **информация правит миром**. Но сегодня в мире свирепствует именно несовершенная система *нетократии*.

Поэтому фактически неотрицаемым явлением в реальной жизни людей XX–XXI вв. предстали так называемые системные кризисы и глобальные проблемы почти во всех сферах деятельности и развития. Все чаще ученые вспоминают о *кризисе общемирового масштаба*. Но о чем же они ведут речь? К сожалению, большей частью они говорят только о кризисах планетарной экосферы, не принимая во внимание *космическую*.

Здесь, в нашей работе, хотя по необходимости и в реферативном изложении, но по содержательно углубленной сущности, представлены дополненные автором общие концептуальные положения инновационного определения глобально-системного кризиса современной цивилизации как процесса мирового развития на приоритетно стратегической, иерархически и оперативно решающей основе информационно-целевых знаний.

К большому нашему сожалению, *идеально-информационному, то есть по существу абстрактному разделению мира перманентно сопутствует глобально-системно связанная «иерархическая цепь» дезинформационно-дезинтеграционных эффектов* во всех сферах практической социально-экономической деятельности и вообще во всем цивилизационном процессе. Здесь приведем системно показательный пример: современные подходы к проблемам построения так называемого *информационного общества*, а следовательно, и к проблемам научно-практического познания явлений, свойств и закономерностей развития, то есть реализации процессов в объективно реальных условиях вещественно-энергетической среды, точно так же, к сожалению, не имеют соответствующей реальному состоянию и потребностям человечества *всесторонне взвешенной*,

но не разделяющей, а как раз всесторонне объединяющей глобально-системной методологии.

Именно поэтому исторически нагроможденные во всем мире ресурсы *информационных знаний* сегодня большей частью представляют собой фактически надлежащим образом не систематизированные массивы различных, скажем, не совсем доброкачественных, сообщений, неоконченных результатов исследований, не до конца обоснованных идей, умозрительных предположений и другой *по существу дезинформации*. Удивительно, что эти, мягко говоря, парадоксы сегодня господствуют на *исторически наиболее ответственном этапе эпохи революционной информатизации и построения информационно-ноосферного образа жизни*. Это существенным образом усложняет и затрудняет ход *по сути нетократического* самоуправления нашей жизнью.

Категорический императив единения на основе экологизации современного психоинформационного пространства

Но судьба человечества сложилась так, что, как показано выше, все *«неприятности»*, особенно на современном этапе развития, не только продолжают *«абстрактно-греховную»* инерцию бытия, но и добавляют новейшие, даже катастрофические проблемы в глобально-системном масштабе. Поэтому мы внимательно проследим *основные моменты разделения основ* социально-экономической жизни на глубинном, фундаментальном уровне как фактора возникновения *глобально-системных, но по своей сути и влиянию дезинформационных* и в конечном счете *кризисогенных эффектов* во всех социокультурных и экономических процессах. Итак, проследим некоторые из этих моментов.

1. Абстрактногенное *«разделение» объективно единого мира* в процессах познания и на всех уровнях деятельности и развития. 2. Систематизация взаимосвязей явлений, свойств и закономерностей природных процессов исключительно интеллектуальным путем, то есть *трансинформационно-разделительно, или опять «условно абстрактно»*. 3. Производственное формообразование *синергетически социализированным* путем, то есть разделением собственно трансинтеллектуального труда между отдельными людьми – субъектами, а также между коллективами, отраслевыми или даже международными организациями в процессах их сотрудничества. 4. *Специализация труда и дифференциация наук* в их системной несоразмерности. 5. Подготовительные и научно-образовательные процессы по *разным идеологиям и методикам*. 6. Использование существенно различных по *«психоинформационному здоровью»*, *общему образованию, моральности, правосознанию* (здесь напомним, что законы не действуют в аморальном обществе) и *специальной подготовке* людей как суть личностей и индивидуальных субъектов труда. 7. *Дезинформационные и психотронные войны* на всех уровнях и формах сосуществования людей, их жизнедеятельности и пр.

Как уже понятно из вышеизложенного материала, все эти по влиянию *узловые моменты* не только усложняют трудовые процессы, но и являются *дезинтеграционными факторами*, в том числе и в первую очередь они – *действительные причины целевого излома и развала систем* всякой социально-экономической деятельности, всей сферы жизнеобеспечения людей и *нетократического искривления общецивилизационного процесса*.

И, наконец, по сути, самый главный момент: следовательно, естественно, что глобально и объективно обусловленная закономерность именно *трансформационного социоэкономического (цивилизационного) целеполагания* выводит жизнь людей на *виртуальный уровень бытия* или, так сказать, на *информационно-эквивалентный принцип человеческого существования* и *«цивилизационного прогресса»*, в котором «греховным» образом круто смешивается «божий дар с яичницей». К великому сожалению, современная жизнь человечества почти полностью очутилась, мы уже имеем право еще раз так сказать, в *«вульгаризированных тенетах трансформационной финансово-денежной эквивалентности»*. Главным образом потому, что *монетарная сфера как интегрированная основа и рычаг самоуправления развитием* по своей сущности является только *специализированной информационной подсистемой общемировой научно-прикладной информационной системы*, способной к конвертации. А так называемый *монетаризм* является вообще «диким образом социализированным», но *«психотехнологически»* наиболее влиятельным *рычагом и могущественным инструментом* в механизме *глобально-системного* управления социально-экономическими процессами. Следовательно, этот рычаг не только обладает известным *функциональным позитивом*, но и *глобально-системно опасен*. Без соответствующего контроля этот **рычаг** может представлять собой грозное *оружие дезинформационных войн и способ извращения психики людей* и всего *социально-психологического пространства*. А сигнализируют об этом прежде всего симптомы **глобально-системного кризиса трансформационной цивилизации**.

Добавим, что поскольку феномен информации и человеческая психика существуют и функционируют в *непосредственном единстве*, то теория и практика в исследовании механизма информационного процесса фактически совпадают. Живая диалектическая взаимосвязь этих факторов в условиях *дефицита правосознания граждан и морали в обществе* предоставляет некоторым людям возможности не только *злоупотреблять информационными ресурсами, но и очень опасно манипулировать всеобщим человеческим социально-психологическим пространством*. Классическое выражение *«Диалектичен переход не только от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли»* [Ленин 1986] в целом подтверждает эти опасные возможности. А постоянно идущий *процесс виртуализации жизни* фактически является процессом *отчуждения людей от живой реальности*, следовательно – *от природы, может привести и, как уже было сказано, невидимо, но ощутимо приводит к кризису околкатастрофического глобально-системного масштаба*.

В качестве основного вывода методологически утвердим, что сегодня пришел час кардинального изменения подходов и систем самоуправления нашей деятельностью и развитием в соответствии с формулой философии *«единичное – особенное – всеобщее»*. Раньше ученые исследовали единичное с переходом к изучению особенного, а теперь появилась возможность познания способов всеобщесистемного (*глобально-системного*) самоуправления человеческой жизнью. Но такая возможность может быть реализована лишь в глубоко экологизированном обществе, где показателем экологичности выступит духовно и морально обогащенная наука, производящая высококачественные знания как информационный ресурс ноосферно-нетократического самоуправления человеческой жизнью.

Литература

Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. СПб. : Стокгольмская школа экономики, 2008.

Ленин В. И. Философские тетради. М. : Политиздат, 1986.

Скаленко А. К. Финансовые ресурсы как специализированная часть единой информационной системы мирового развития // Философия финансовой цивилизации: человек в мире денег: сб. ст. Киев : УБС НБУ, 2013.

Скаленко А. К. Глобалистика трансформационной цивилизации. Beau Bassin : LAP, 2018.

Чумаков А. Н. О предмете и границах глобалистики // Век глобализации. 2008. № 1. С. 7–16.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ОСТАНОВИТ ЛИ ПАРИЖСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ?

Тарко А. М.*

Исследуется возможность сокращения индустриальных выбросов двуокиси углерода в атмосферу и уменьшения глобального потепления. Высокотехнологичное развитие в ряде развитых стран приводит к уменьшению глобальных выбросов CO₂ и загрязнений. Показано, что сокращение выбросов CO₂ в развивающихся странах не может проводиться без уменьшения выбросов загрязнений и высокотехнологичного развития. С помощью математической модели глобального цикла двуокиси углерода в биосфере получены прогнозы развития глобального потепления. Проанализированы планы и возможности уменьшения глобального потепления при реализации Парижского климатического соглашения 2015 г.

Ключевые слова: *высокотехнологичное развитие, глобальное потепление, загрязнение среды, двуокись углерода, математическое моделирование, низкоуглеродная экономика.*

The possibility of reducing of industrial carbon dioxide emissions into the atmosphere and inhibiting of global warming is investigated. High-tech development in a number of developed countries leads to a decrease in global CO₂ emissions and pollution. It is shown that reducing CO₂ emissions in developing countries cannot be done without reducing pollution and high-tech development. With the use of a mathematical model of the global carbon dioxide cycle in the biosphere, the forecasts of global warming are calculated. The plans and possibilities of reducing global warming in the implementation of the Paris climate agreement 2015 are analyzed.

Keywords: *high-tech development, global warming, pollution, carbon dioxide, mathematical modeling, low carbon economy.*

Солнце жжет, палит леса.
Птички в рощах замолчали;
Ищут только холодка.
Ручейки журчат престали;
Истошилася река.
Агнец пици не находит:
Черен холм и черен дол.

---

* Тарко Александр Михайлович – д. ф.-м. н., профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник Вычислительного центра им. А. А. Дородницына РАН Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук.

Конь в степи печально бродит;
Тош и слаб ревуший вол.
Ах! Такой ли ждал награды
Земледелец за труды?
Гибнут все его плоды!..

Н. М. Карамзин

В статье поставлена задача исследовать решение проблемы глобального потепления. Для этого мы проведем анализ экономических, энергетических, природоохранных процессов в мире; сделаем прогнозы роста индустриальных выбросов CO₂ в атмосферу с помощью глобальной пространственной модели цикла двуоксида углерода и оценим возможности торможения выбросов CO₂, в том числе проанализируем планы реализации Парижского климатического соглашения 2015 г.

Количественные данные берутся из базы данных: Всемирного банка *World Development Indicators* [World...]; Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [Федеральная...]. Данные об индустриальных выбросах CO₂ брались из сообщений *Carbon Dioxide Information Analysis Center (CDIAC), U.S. Department of Energy* [Carbon...], а также от Евросоюза [European...].

Человеческая цивилизация всегда использовала природные ресурсы, во-первых, «по потребностям» – стремясь в наибольшей степени удовлетворять свои потребности в повышении уровня жизни, а во-вторых – «по способностям» – использование ресурсов на любой ступени развития цивилизации было ограничено техническими и экономическими возможностями. С течением времени технологическая мощь увеличивалась и приобрела глобальный масштаб. Нанесение вреда природе и тем самым человеку было осознано и сформулировано в давние времена. Однако в глобальном плане емкость биосферы долгое время считалась бесконечной. Поэтому старались лишь локально уменьшить воздействие на природу: применяли по возможности неразрушающие методы, причем иногда удачно, например, в гидромелиорации. Сейчас такое понимание проведения политики природопользования полностью изменилось. Сохранение биосферы стало насущной задачей всего человечества.

Важным этапом, объединившим разработку и совершенствование высоких технологий с восстановлением природы в развитых странах, стали 1970-е гг., годы энергетического кризиса. В развитом мире проблемы рационального природопользования и сохранения окружающей среды превратились в одни из первостепенных. Достижение достойного и высокого уровня жизни стало подразумевать возможность жить в среде с чистым воздухом, чистой водой, находиться на природе, не изуродованной урбанизацией.

К 70-м гг. прошлого века произошло сильное загрязнение среды в развитых странах, нарушение отмечалось как на локальном и региональном, так и на глобальном уровне. Довольно быстро пришло и осознание угрозы происходящего. Было принято жесткое законодательство, направленное на сохранение природной среды, коренным образом пересмотрены нормы воздействия на нее, перестроены и разработаны новые технологии в экономике, в том числе предусматривающие минимизацию производства загрязнений на единицу продукции. К 1990-м гг. в развитых странах были предприняты меры по восстановлению локальных и ре-

гиональных параметров среды – значительно сокращены индустриальные выбросы, выделяющиеся при сжигании каменного угля, нефти, природного газа и продуктов из них – соединений азота и серы, являющихся главным компонентом кислотных дождей. Кроме того, удалось добиться значительного сокращения выбросов тяжелых металлов при производстве стали и других металлов.

Постепенно были достигнуты большие успехи в ликвидации опасных и наиболее распространенных причин, воздействующих на здоровье людей и природу, – уменьшены загрязнения воздушной и водной среды. Если раньше в странах Западной Европы и Северной Америки от кислотных дождей в сухое жаркое лето погибали крупные массивы лесов, то после мер, принятых в 1980-е и 1990-е гг., это явление практически исчезло. Ранее сильно загрязненные Великие озера на Американском континенте и почти погибшие озера в Скандинавии «ожили», вода, растения и запасы рыбы в них пришли в норму.

Следующим этапом стало сохранение природы в глобальном масштабе. Были приняты меры по сохранению озонового слоя атмосферы (Монреальский протокол 1987 г. по веществам, разрушающим озоновый слой, к Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г.), а также по сокращению выбросов парниковых газов, в первую очередь двуокиси углерода (Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г. [ООН 2015], Киотский протокол 1997 г.). В 1992 г. была также принята Конвенция ООН о биологическом разнообразии. Наконец, в 2015 г. было принято Парижское соглашение, призванное на новом уровне решить проблему глобального потепления. Речь об этом соглашении впереди.

При реализации Киотского протокола между руководителями развитых и развивающихся стран возникли непримиримые противоречия. Часть развитых стран отказались сокращать выбросы, объясняя это тем, что при достигнутом ими высоком уровне технологий величины выбросов CO₂ на единицу производства энергии существенно меньше, чем в развивающихся странах. Поэтому такое сокращение должны проводить развивающиеся страны. Последние отказались от сокращений выбросов, объясняя, что им надо кормить свое население, а сокращение выбросов будет тормозить развитие и увеличивать бедность. Поэтому, считали они, сокращение должны проводить богатые развитые страны.

Однако отрицать пользу Киотского протокола было бы неправильно. Несомненно, он вдохновил государства на сокращение не только выбросов CO₂, но и обычных загрязнений. Развитые страны активизировали действенные меры, приведшие к заметным результатам по совершенствованию технологий и повышению эффективности производства. Сейчас в большинстве развитых стран выбросы CO₂ сокращаются (рис. 1), а в развивающихся – растут (рис. 2). Заметим, что уменьшение обычных загрязнений и выбросов CO₂ в развитых странах, по мнению автора статьи, одно из важнейших достижений глобализации, о котором мало кто знает. Хотя формальные условия Киотского протокола в части CO₂ не были выполнены, тем не менее в результате совершенствования технологий сокращение выбросов достигнуто в большом количестве стран, особенно в Евросоюзе. В России при все более слабом технологическом уровне происходит спад темпов

выбросов CO_2 , он связан с усилением кризисных явлений в экономике [Тарко, Усатюк 2014].

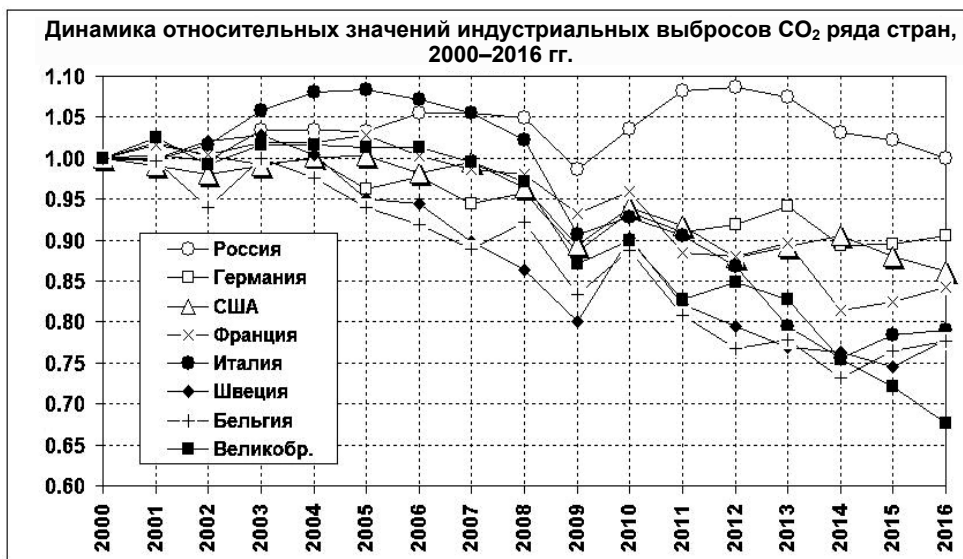

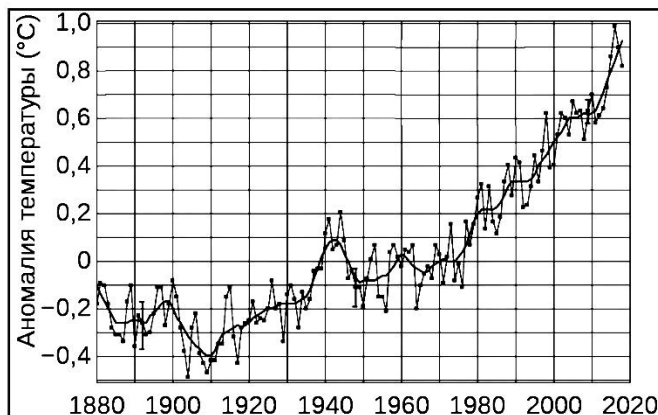
Рис. 1. Динамика относительных значений промышленных выбросов CO_2 стран с преимущественным спадом выбросов в 2000–2016 гг.

Рис. 2. Динамика относительных значений промышленных выбросов CO_2 стран с преимущественным ростом выбросов в 2000–2016 гг.

В то же время рост концентрации CO_2 в атмосфере не замедляется, продолжается рост глобальной температуры атмосферы (рис. 3). В связи с этим в 2015 г.

было принято Парижское климатическое соглашение, которое должно привести к уменьшению глобального потепления.

Рис. 3. Изменение глобальной температуры атмосферы в 1880–2019 гг.
Сглаженная линия – пятилетние скользящие средние значения.
Данные WMO (Всемирная метеорологическая организация)

Борьба с глобальным потеплением постепенно стала одной из самых неожиданных и важных проблем человечества. Она началась задолго до возникновения термина «глобализация», сделалась не только ее нежелательным спутником, но и фактором развития, причем одновременно и тормозом, и двигателем. Многочисленные неблагоприятные явления и последствия, такие как изменения глобального климата, биосферы (таяние ледников, подъем уровня Мирового океана), разрушение береговой полосы, учащение и усиление лесных пожаров, необходимость изменения сельскохозяйственного производства, нарушение ритмов человеческой жизни), наконец вызвало необходимость вмешательства и перестройки мировой экономики.

С чем мир встречает сегодня глобальное потепление? К настоящему времени пришло понимание, что потепление вызвано экономической деятельностью человечества, и оно развивается, как лесной пожар, — само не остановится. Отличие состоит в том, что убежать и спрятаться «где-нибудь» на другом острове не получится — на глобальной Земле природные процессы тоже глобальные, в новом месте через несколько лет может оказаться еще хуже, чем было дома. Процесс необходимо затормозить или обратить вспять. Причем уменьшение выбросов не должно снизить уровень жизни ни в развитых, ни в развивающихся странах — лидеры стран знают, что их население не любит ничего получать за счет самоограничения и самопожертвования.

Двуокись углерода является одним из парниковых газов атмосферы. Она присутствует в атмосфере в очень малом количестве, ее современная объемная концентрация составляет 400 объемных частей на миллион. Тем не менее CO_2 является важным фактором, определяющим климат Земли и процессы в биосфере. Хотя водяной пар, метан и другие парниковые газы также являются важными факторами, влияющими на климат, их значение в настоящий период намного меньше по сравнению с атмосферным CO_2 .

Рост CO_2 в атмосфере определяется, с одной стороны, его выделением в результате экономической деятельности: сжиганием органических ископаемых видов топлива (индустриальные выбросы) – 9,75 Гт С/год¹ (согласно данным Евросоюза в 2016 г.), эрозией почв – около 1,2 Гт С/год, вырубкой лесов – около 1,6 Гт С/год, с другой стороны – поглощением экосистемами суши и океаном.

Эпоха глобализации привела к новым явлениям, связанным с выделением загрязнений. Во-первых, развитые страны вывели большие части своего производства в развивающиеся, это затормозило рост выбросов в развитых странах и привело к увеличению выброса загрязнений с территории развивающихся стран. Во-вторых, глобализация привела к усовершенствованию технологий в развитых странах, уровень которых повысился настолько, что удалось уменьшить часть выбросов, загрязнений и CO_2 при положительном росте экономики.

В целом благодаря глобализации в значительной части развивающихся стран произошло ускорение развития экономики. Однако это привело и сейчас приводит к увеличению роста загрязнений в этих государствах, так как в условиях бедности они не хотят сдерживать развитие новых производств и, как и развитые страны, не желают снижать уровень жизни населения. Одна из особенностей здесь – технологии, перенятые у развитых стран, часто уже не используются в последних по причинам, связанным с охраной здоровья населения и сохранением окружающей среды. Однако они годятся для менее развитых стран. Примером является Россия, собирающаяся строить мусоросжигательные заводы по технологиям, давно не применяемым в странах-разработчиках.

Более совершенные технологии или слишком дороги для большинства развивающихся стран, или уровень производственной культуры населения слишком низок для работы с ними. Примером здесь является авария на химическом заводе в индийском городе Бхопал в 1984 г., повлекшая смерть 18 тыс. человек.

Сейчас мировыми рекорсменами по загрязнению являются страны с большими территориями, первенство принадлежит самым крупным и экономически развитым государствам – Китаю, США, России, Японии, Южной Корее. Но их теперь догоняют другие крупные и малые развивающиеся страны – Индия, Индонезия, Бразилия, Мексика, Судан.

Следует отметить, что США хотя и являются одним из самых крупных выделителей загрязнений и CO_2 , но темпы роста загрязнений у них стремятся к сокращению, как и выбросы CO_2 . Нет сомнений, что это связано с высокотехнологичным прогрессом. То же происходит в большей части стран Европы.

Иная ситуация в России, Китае, Индии и большинстве активно развивающихся стран, где происходит сильный рост загрязнений и выбросов CO_2 . Это обстоятельство показано на примере развития нескольких групп стран, учитываемых Всемирным банком (рис. 4). Видно, что самый быстрый относительный рост выбросов CO_2 происходит в наименее развитых странах (терминология ООН), в более богатой Южной Азии рост выбросов слабее. В странах с высоким доходом, Северной Америке и в Евросоюзе выбросы CO_2 в целом уменьшаются.

---

¹ С – здесь и далее означает массу, выраженную в углероде.

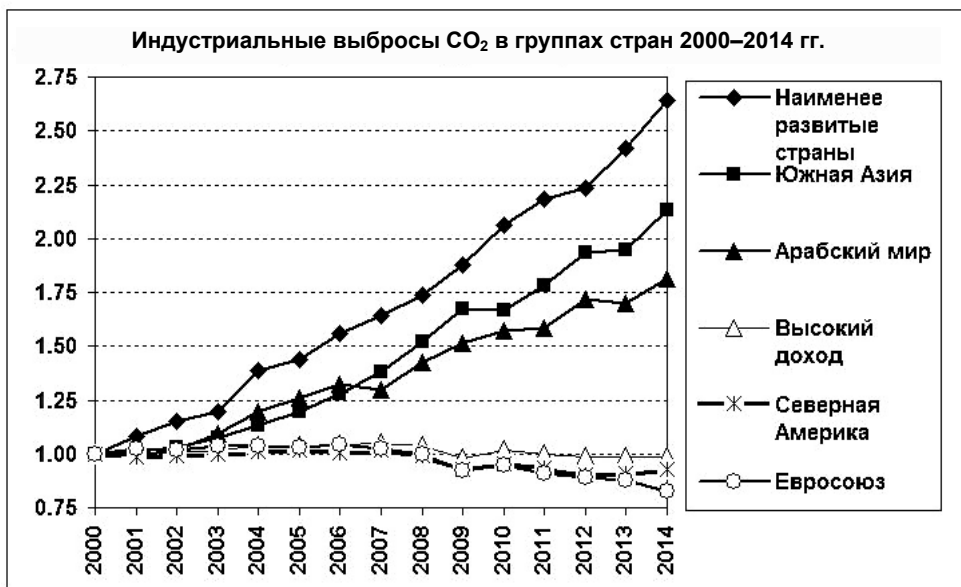

Рис. 4. Выбросы CO₂ в группах стран в 2000–2014 гг.

Китай фактически является одновременно как развитой, так и развивающейся страной. Большая часть населения не связана с высокотехнологичным производством и имеет не очень высокие доходы. Это проявляется в том, что ВВП на душу населения в Китае невелик, он в 1,7 раза меньше, чем в России, и в 3 раза меньше, чем в США. На душу населения в Китае приходится в 1,9 раза меньше выбросов двуокси углерода, чем в России (при величине выброса в 5,7 раза больше), в 2,5 раза меньше, чем в США, и в 6,6 раза меньше, чем в Катаре. Этим определяется отчасти быстрый темп роста загрязнений в стране. В настоящее время Китай является самой большой загрязняющей страной в мире.

Необходимо подчеркнуть, что отличие достижений в развитых и развивающихся странах состоит в том, что развитые страны достигли значительных успехов в сокращении загрязнений, а проблема сокращения выбросов CO₂ решена лишь частично. В развивающихся странах идет бурный рост как загрязнений, так и выбросов CO₂. То есть одни страны имеют одну нерешенную проблему, другие – две.

Рассмотрим развитие альтернативных источников энергии, мощное развитие которых предусмотрено в Парижском соглашении 2015 г. На рис. 5 показана динамика их развития (проценты от общего энергопотребления) в нескольких странах с наиболее эффективно развивающейся энергетикой этого типа, а также в России, в 1971–2015 гг. Мы видим, что с 1971 г. до 1980-х гг. для части стран и в 1971–2000 гг. для другой части происходил быстрый рост этого вида энергетики. Однако после 2000 г. наблюдалась относительная стабилизация прироста. Главным препятствием здесь является трудность повышения КПД данного вида энергетики. Только в Норвегии после 1983 г. идет сокращение этого вида энергопотребления.

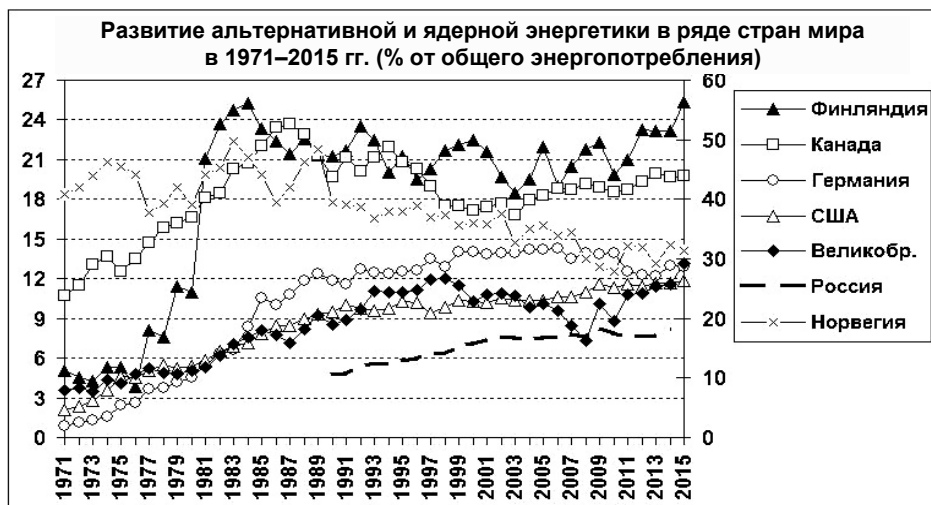

Рис. 5. Динамика развития альтернативной и ядерной энергетики в 1971–2015 г.

Указанное обстоятельство является частым в развитии производства, требующего мощного научного исследования. Быстрые успехи развития через несколько лет резко сменяются замедлением. Работа переходит в стадию «в грамм добыча, в год труды». Данное явление знакомо физикам и инженерам, когда разработка технологий сталкивается с серьезными научными и технологическими проблемами. При этом нельзя определенно сказать, через сколько лет будут достигнуты решительные успехи. Примером здесь является развитие термоядерной энергетики, разработки которой значительно затормозились после первых лет больших надежд.

Отметим, что еще в 1975 г. на научной сессии, посвященной 250-летию Академии наук СССР, академик и Нобелевский лауреат П. Л. Капица сделал доклад, в котором показал, что при существовавших тогда технологиях альтернативной энергии применение их в качестве основного источника бесперспективно. Он пояснил, что необходимо значительно увеличить КПД этого вида получения энергии для сколько-нибудь заметного применения.

В настоящее время КПД используемых подобных устройств составляет около 10 %, однако теоретически может быть доведено до 85 %. Работы по повышению КПД требуют больших научных и финансовых затрат, но более важным является то, что, как уже говорилось, быстрые успехи здесь невозможны.

Перейдем к математическому моделированию глобального биогеохимического цикла CO_2 . Расчеты динамики биосферных процессов с учетом влияния экономической деятельности для всего мира, стран и регионов проведены автором с помощью пространственной математической модели глобального цикла двуокиси углерода в системе «атмосфера – экосистемы суши – океан» «Московская модель биосферы» [Тарко; Тарко 2005].

В модели территория всей планеты разделена на ячейки размером $0,5 \times 0,5$ географической сетки (приблизительно 50×50 км). Предполагается, что в каждой ячейке суши находится растительность одного типа согласно мировой классификации. Каждая ячейка характеризуется количеством углерода в массе растительности, органического вещества почвы (гумус и подстилка). Происходит обмен

углеродом в форме CO_2 с атмосферой, общее количество углерода в которой также является переменной модели. Модель описывает процессы роста, развития и отмирания растительности, накопления и разложения гумуса в терминах обмена углеродом между атмосферой, растениями и гумусом почвы в каждой ячейке суши. Климат в каждой ячейке характеризуется среднегодовой температурой воздуха у поверхности земли и количеством осадков за год. Модель содержит более 100 тыс. дифференциальных уравнений и реализована на ЭВМ.

Динамика биосферы моделировалась с 1860 по 2100 г. Был принят следующий базовый сценарий. Антропогенное поступление CO_2 в атмосферу начинается в 1860 г., оно происходит в результате индустриальных выбросов CO_2 , вырубки лесов и эрозии почв, связанной с неправильным землепользованием. Были использованы данные CDIAC об индустриальных выбросах в странах мира до 1970 г. и данные Евросоюза вплоть до 2016 г. После 2016 г. строились прогнозы выбросов, для которых применялась новая методика расчета – отдельного прогноза для каждой страны. К этому времени применяемый до сих пор метод на основе «суммарного показателя стран» устарел в данной тематике и дает большие ошибки при прогнозировании.

Построим две группы прогнозов. В первой рассматриваются все страны мира, после 2016 г. для каждой страны строится индивидуальный прогноз на основании: 1) экспоненциальной регрессии («Экспонента»); 2) параболической регрессии (полином 2-й степени) («Парабола»); 3) линейной регрессии («Линейный»). Прогнозы строятся на основании данных 5 лет, предшествующих 2016 г. Во всех случаях исключаются выбросы, за которые принимаются слишком большие темпы роста выбросов. На приведенном графике (рис. 6) отмечены моменты достижения кривыми концентрации CO_2 значений, соответствующих прохождению через температуру атмосферы $1,5^\circ\text{C}$ и 2°C , то есть внимание обращалось на достижение критических значений температуры, заданных в Парижском соглашении.

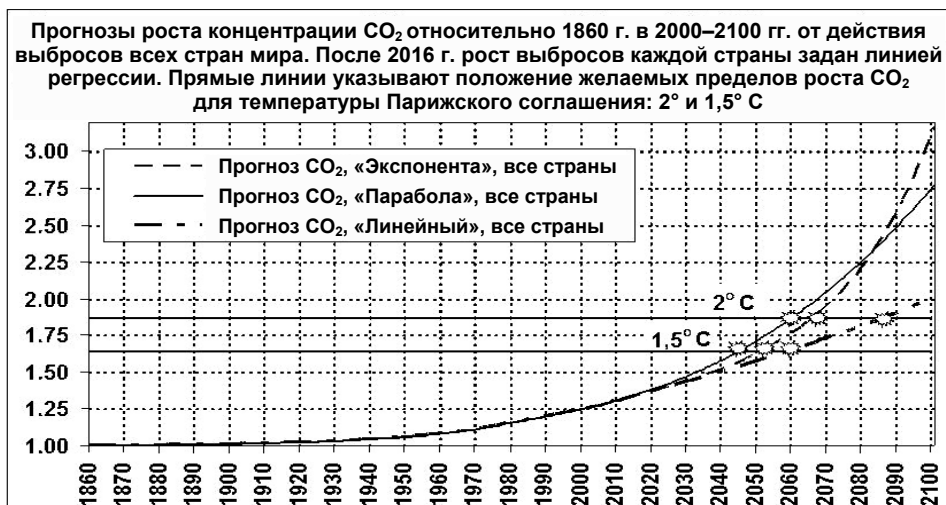

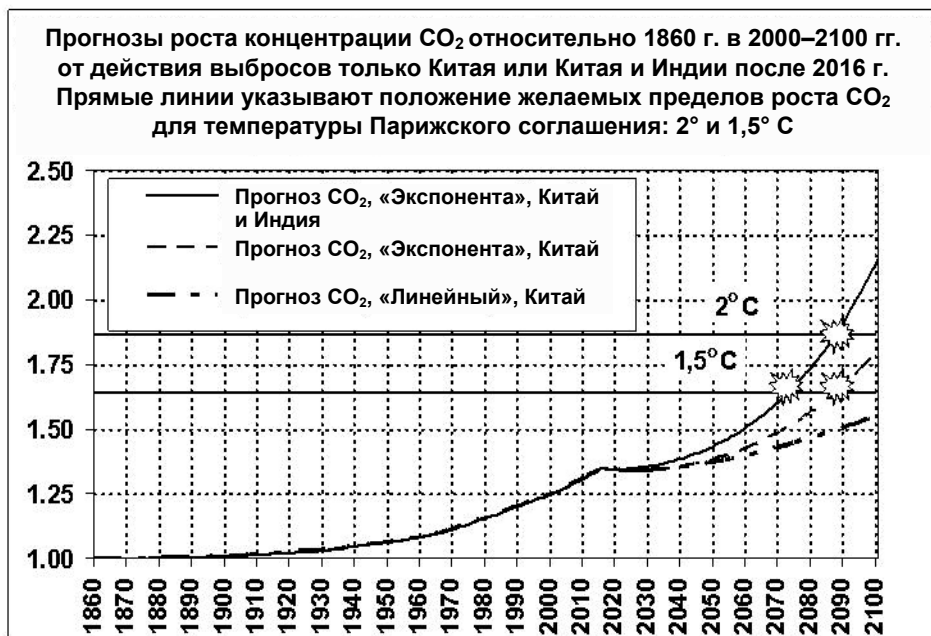
Рис. 6. Прогнозы относительного роста концентрации CO_2 в 1860–2100 г. После 2016 г. рост выбросов каждой страны задан указанной линией регрессии.

Отмечены моменты достижения кривыми концентрации CO_2 значений, соответствующих прохождению через температуру атмосферы $1,5^\circ\text{C}$ и 2°C

Как видно, в случае «Параболы» переход через значение температуры $1,5^{\circ}\text{C}$ будет в 2045 г., а через 2°C – в 2061 г. В случае «Линейный» переход через $1,5^{\circ}\text{C}$ будет в 2059 г., а через 2°C – в 2087 г. То есть моделирование показывает, что переход через критические значения температуры Парижского соглашения может наступить довольно скоро.

По мнению автора, полученные прогнозы – наиболее надежные из имеющихся. Они имеют ясное происхождение, основаны на реальных измерениях. Прогнозы, публикуемые МГЭИК², составлены с учетом принципа политкорректности, их смысл и происхождение малопонятны.

Во второй группе прогнозов рассматриваются все страны мира в 1850–2016 гг., после 2016 г. строятся прогнозы в гипотетическом предположении, что выбросы происходят только с территории: а) Китая и Индии; б) Китая. Для указанных случаев строятся линии регрессии трех указанных выше видов. На графике прогнозов (рис. 7) отмечены моменты достижения кривыми концентрации CO_2 значений, соответствующих прохождению через температуру атмосферы $1,5^{\circ}\text{C}$ и 2°C .

Рис. 7. Прогнозы относительного роста концентрации CO_2 в 1860–2100 г. После 2016 г. предполагается, что есть выбросы только Китая и Индии или Китая.

Отмечены моменты достижения кривыми концентрации CO_2 значений, соответствующих прохождению через температуру атмосферы $1,5^{\circ}\text{C}$ и 2°C

² Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) (*Intergovernmental Panel on Climate Change – IPCC*) была учреждена в 1988 г. Всемирной метеорологической организацией (ВМО) и Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Обязанность группы состоит в том, чтобы проводить оценку научно-технической и социально-экономической информации об изменении климата для мирового сообщества. МГЭИК выпустила несколько многотомных докладов об оценках процессов глобального потепления.

На графиках видно, что переход через значение температуры 1,5 °С будет в случае «Экспонента» Китая и Индии в 2074 г., а при переходе через 2 °С – в 2089 г. У Китая переход в случае «Экспонента» будет через 1,5 °С в 2091 г.

Из данного вычислительного эксперимента можно заключить, что крупные страны при возникновении в них особых настроений могут легко изменить условия жизни населения планеты. Причем независимо от того, какое соглашение принято и как руководители стран собираются его выполнять.

Перейдем к Парижскому соглашению 2015 г., приходящему на смену Киотскому протоколу. Участники Соглашения выдвигают новую амбициозную цель – стабилизацию температуры атмосферы и тем самым прекращение развития глобального потепления. Этого предполагается достичь за счет перехода всех стран на низкоуглеродную экономику и альтернативные источники энергии. Если раньше устанавливалось количественное ограничение на общую величину выбросов главного парникового газа – CO₂, то теперь появился новый критерий – все страны вместе должны добиться к концу этого века устойчивого достижения средней глобальной температуры атмосферы, на 2 °С (а еще лучше – на 1,5 °С) превышающей так называемое доиндустриальное значение, за которое принимается среднее значение температуры в период конца XIX в. Допускается, что температура сначала достигнет значения, превышающего эту величину, а затем опустится до указанного предела. Развивающиеся страны смогут получать дотации для осуществления сокращений в размере 100 млрд долларов в год от развитых. Соглашение не поддерживает атомную энергетику.

По замыслу авторов Соглашения, финалом-апофеозом этого проекта может быть переход всех стран мира на использование только альтернативной энергии.

Автор статьи в целом положительно оценивает идею Парижского соглашения. Его значение, как и значение конференции в Рио-де-Жанейро и Киотского протокола, он видит в том, что сокращение выбросов CO₂, рациональное природопользование и сохранение окружающей среды по-прежнему поддерживаются и развиваются человечеством, и это в течение долгого времени будет положительным ориентиром для развития стран мира.

Рассмотрим условия, заложенные в Соглашении. Если бы в этом документе идея о сокращении выбросов CO₂ сохранилась в том же виде, как и в Киотском протоколе (только сокращение выбросов), то это, несомненно, было бы негативно воспринято руководством стран и их населением. Ведь данное условие уже было зафиксировано раньше, но, как уже говорилось, не достигло результатов. Поэтому авторы нового проекта должны были найти новые формы выражения задачи. Они нашли их в виде оригинальной и амбициозной идеи. В такой форме структура документа выглядит значительно более привлекательной, ведь подход полностью решает проблему роста глобального потепления.

К сожалению, в новом Соглашении многие его условия для конкретного выполнения являются малопонятными или неопределенными. К примеру, если в стране происходит уменьшение выбросов CO₂, то непонятно, достаточна ли величина этого сокращения, может ли она меняться. В новом Соглашении в широком смысле не указан механизм регулирования выбросов CO₂.

Однако наибольшую и, по мнению автора, главную проблему составляет не процедура, а возможность сокращения выбросов CO₂ большинством развива-

ющихся стран. Этот просчет говорит о принципиальном отсутствии в документе комплексного подхода к прогнозированию экономического развития.

Первое обстоятельство состоит в том, что Соглашение дает приоритет только сокращению выбросов CO_2 , не давая его другим вредным выбросам – загрязнителям. Авторы Соглашения выбрали предпочтение борьбе с одним вредным воздействием – выбросами CO_2 , оставив решение проблемы загрязнений, актуальной и не решенной развивающимися странами. А выбросов в этих странах, как указано выше, достаточно много: это и частицы $\text{PM}_{2.5}$, и закись азота, и др. Более того, частицы $\text{PM}_{2.5}$ явно более вредны, чем CO_2 , люди это знают, а вред от CO_2 для населения многих развивающихся стран – пока «бумажный тигр», в которого оно может верить или нет. Что, например, предпочтет выбрать руководитель развивающейся страны для себя или своей партии в условиях приближающихся выборов? К тому же в Соглашении не существует обоснования причинной связи между CO_2 и глобальным потеплением. Именно на этом основании США вышли из Соглашения. На конференции Рио-де-Жанейро 1992 г. был принят ясный принцип предосторожности, который все объяснял, но в Соглашении его нет, вместо него имеется бездоказательное утверждение, что такая связь есть.

Другое обстоятельство: как уже говорилось, едва ли стоит ждать, что снижение выбросов CO_2 можно будет получить за счет снижения уровня жизни, следовательно, снижение может быть достигнуто только в процессе высокотехнологичного развития, схожего с тем, которого удастся достичь в развитых странах. Но такая акция может быть проведена только на высоком уровне развития страны. В этой ситуации становится понятным, что для развивающихся стран нет смысла улучшать только технологии для сокращения выбросов CO_2 , оставляя технологии для других вредных выбросов – загрязнителей. Развитые страны добились высокотехнологичного уровня, на котором они смогли уменьшить выбросы обычных загрязнителей, и теперь уменьшают выбросы CO_2 . А в развивающихся странах до этого уровня далеко. Ситуация такова, что для них необходимо проводить одновременно совершенствование технологий и сокращение как одних, так и других вредных воздействий. Ведь уменьшение выбросов CO_2 при росте соответствующих отраслей экономики – это элементы высокотехнологичного развития, которые не могут выполняться по частям. Экономика не в состоянии развиваться только в одну сторону.

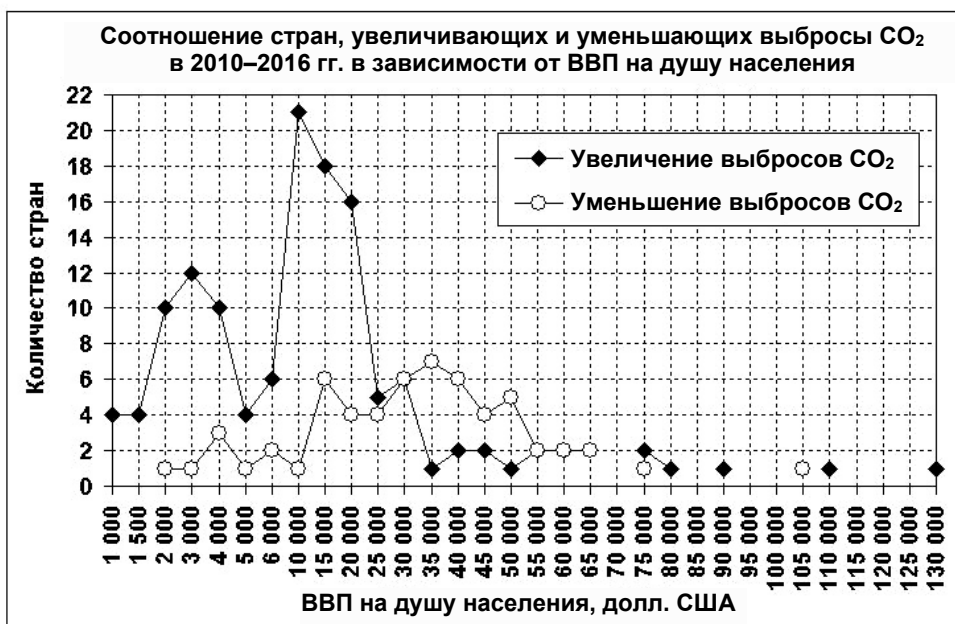
Улучшать какую-то одну составляющую высокотехнологичного развития практически нереально. Автор помнит, что в начале 1990-х гг., когда была надежда на скорый технологический прогресс, в России появились специалисты, которым Евросоюз дал поручение построить на Дальнем Востоке несколько электростанций с передовыми технологиями. К сожалению, из этого ничего не вышло. Новые объекты или совсем не были построены, или быстро вышли из строя в условиях отсутствия обслуживания новой «техники». Вспомним довоенную индустриализацию в СССР, когда строились новые отрасли экономики, и только они могли стать устойчивыми экономическими субъектами.

Поэтому технологическое улучшение, необходимое для снижения выбросов CO_2 , должно проводиться в достаточно большом секторе экономики, например в энергетике, металлургии или машиностроении. Строительство и поддержание новых производств требует не только больших расходов, но и квалифицирован-

ной рабочей силы, и это еще одно обоснование необходимости совершенствования целой отрасли (а к этому можно добавить и современное образование). Указанные процессы не могут развиваться быстро, ведь это элементы высокотехнологичных модернизаций [Эксперт 2010]. Поэтому не следует думать, что уменьшение выбросов CO₂ в развивающихся странах может проходить без перестройки всей экономики и что выданные даже каждой бедной стране 100 млрд долларов спасут мир от глобального потепления в указанные сроки.

Здесь можно сказать еще больше. Поскольку выбросы CO₂ являются продуктами работы нескольких секторов экономики – энергетического, металлургического, автомобильного и ряда других, то совершенствование должно затронуть минимум несколько секторов экономики, почти всех высокотехнологичных. При этом нельзя будет обойтись без одновременного совершенствования технологий, связанных с загрязнениями. Как развивающиеся страны справятся с этим?

Рассмотрим более детально ситуацию в части сокращения или увеличения выбросов CO₂ к 2016 г. На рис. 8 представлены полигоны количества стран, в которых в течение 2010–2016 гг. произошло увеличение или уменьшение количества выбросов CO₂.

Рис. 8. Сравнение количества стран (полигоны), увеличивших и уменьшивших выбросы CO₂ в 2010–2016 гг. в зависимости от ВВП на душу населения.

В каждом диапазоне чисел указывается большее (правое) значение диапазона, то есть 1000 долларов на графике означает количество стран со значениями меньше 1000 долларов

В целом в 153 странах количество выбросов в течение последних 5 лет увеличилось, а в 59 – уменьшалось, то есть в 45 % стран выбросы уменьшились. В странах с диапазоном доходов 35–65 тыс. долларов наблюдается превосходство

уменьшения выбросов над их увеличением: выбросы снизились в 20 странах, а увеличились – лишь в шести. Уменьшения в указанном диапазоне произошли большей частью в результате улучшения технологий в странах Евросоюза (Швейцария, Норвегия, Нидерланды, Австрия, Дания, Германия, Швеция, Бельгия, Финляндия, Великобритания, Франция, Италия, Мальта) и ряде других государств (США, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Пуэрто-Рико, Израиль). Среди богатых стран с доходами выше 65 тыс. долларов уменьшили выбросы только европейские государства – Люксембург (102 389 долларов) и Ирландия (71 389 долларов). Другие богатые страны, такие как Катар, Макао, Сингапур, подобной активности не проявили.

В диапазоне государств с доходами меньше 30 тыс. долларов количество увеличивших выбросы стран превышало количество уменьшивших: 110 стран против 23. То есть в 80 % государств диапазона выбросы увеличивались, особенно это проявилось среди бедных стран. Зона доходов меньше 30 тыс. долларов – это зона почти сплошного невыполнения Киотского протокола. К тому же уменьшение доходов страны в данном случае не означает, что оно произошло благодаря совершенствованию технологий. По крайней мере, в этом можно не сомневаться в случае бедных стран с доходами до 10 тыс. долларов – в них произошло ухудшение экономического положения.

Как было показано, мир находится в стадии медленного роста эффективности альтернативной энергетики, КПД ее источников электричества увеличивается недостаточно быстро. Невозможно сказать, когда наступит время для замены обычных электростанций. В этой части Соглашение, следовательно, пока содержит только набор призывов.

Таким образом, Парижское климатическое соглашение – это, по сути, документ о намерениях. Главным его недостатком являются неверный учет путей развития и потребностей развивающихся стран, отсутствие комплексного подхода к их развитию, заключающееся в полном пренебрежении ко все более возрастающему в этих странах уровню загрязнений.

Литература

ООН. Рамочное соглашение об изменении климата. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/109r.pdf> (дата обращения: 21.08.2019).

Тарко А. М. Антропогенные изменения глобальных биосферных процессов. Математическое моделирование. М. : Физматлит, 2005.

Тарко А. М., Усатюк В. В. Семь сценариев глобального потепления // Энергия: экономика, техника, экология. 2014. № 4. С. 44–54.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

Эксперт. 2010. № 1(678). Специальный выпуск. Модернизация.

Carbon Dioxide Information Analysis Center (CDIAC), U.S. Department of Energy: [сайт]. URL: <https://cdiac.ess-dive.lbl.gov/> (дата обращения: 21.08.2019).

European Commission. Emissions Database for Global Atmospheric Research. Fossil CO₂ & GHG Emissions of All World Countries. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://edgar.jrc.ec.europa.eu/overview.php?v=CO2andGHG1970-2016&dst=CO2emi#> (дата обращения: 21.08.2019).

Tarko A. M. Moscow Biosphere Model. A System of Models of the Global Biosphere Cycles of A. M. Tarko Global Spatial Model of Carbon Dioxide Cycle in Terrestrial Ecosystems [Электронный ресурс]. URL: http://www.ccas.ru/tarko/co2_e.htm (дата обращения: 21.08.2019).

World Bank Open Data. World Development Indicators: [сайт]. URL: <https://databank.worldbank.org/data/home.aspx> (дата обращения: 21.08.2019).

НАУКА В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Шапкин И. Н.*

В современных условиях одной из актуальных проблем экономической теории является вопрос о перспективах и направлениях развития мировой экономики. Автор статьи рассматривает роль, место науки в условиях формирования новой экономической реальности, акцентируя внимание на значении науки, развитие которой составляет сущность новых тенденций в экономической и социальной действительности, обращает внимание на необходимость включения в экономический анализ достижений естественных наук, анализирует новые экономические теории, созданные на основе синтеза естественных и общественных наук.

Ключевые слова: информационные технологии, компьютеризация, инновации, постиндустриальное общество, концепция когнитивного развития, теория информации, теория катастроф, теория хаоса, теория сложности, модель принятия решений в условиях неполной информации, оценка интеллектуального капитала, фрактальная теория.

In modern conditions, one of the urgent problems of economic theory is the question of the prospects and directions of development of the world economy. The author considers the role and place of science in the formation of a new economic reality, focusing on the importance of science, the development of which is the essence of new trends in economic and social reality, draws attention to the need to include the achievements of natural sciences in the economic analysis, analyzes new economic theories created on the basis of the synthesis of natural and social sciences.

Keywords: information technologies, computerization, innovation, post-industrial society, the concept of cognitive development, information theory, catastrophe theory, chaos theory, complexity theory, decision-making model with incomplete information, intellectual capital assessment, fractal theory.

В последние десятилетия внимание научных, государственных и международных организаций направлено на поиск путей устойчивого экономического развития. Переход от индустриальной экономики к хозяйству, основанному на использовании интеллектуальных ресурсов, начался в 1960-х гг. Структурные трансформации стали ответом на технический прогресс, соединивший фундаментальные научные знания и производство. Как заметил М. Хайдеггер, «техника стала не только конструировать “технический мир”, но и подчинила своему диктату все

---

* Шапкин Игорь Николаевич – д. э. н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: ishapkin@mail.ru.

пространство бытия, проникая в социальное и человеческое измерение истории» [цит. по: Шамхалов 2005: 669].

Изобретение персонального компьютера изменило повседневную жизнь человека. Информационные технологии и системы стали механизмом развития интеллектуальной экономики. Термин «информационная технология» появился в конце 1970-х гг. и сперва означал лишь компьютерную технологию обработки информации средствами вычислительной техники. Позже он начал чаще заменяться понятием «информационная система», которая включала «железо», программное обеспечение, инфраструктурное, управленческое и организационное обеспечение информационных технологий. Среди последних все большее значение приобретают функциональные службы и подразделения – отдел программного обеспечения, оборудованные помещения и рабочие места, обученные специалисты, стандарты предприятия, регламентирующие приобретение, внедрение и эксплуатацию информационных технологий и др.

Информационно-коммуникационные технологии изменили экономику. В промышленном производстве перемены затронули его основы, труд и рабочий процесс (средства труда, предметы труда, источники энергии, организация и управление производством). Благодаря новым технологиям информационный сектор стал самым быстроразвивающимся сегментом экономики, а работники, управляющие информацией и знаниями, заняли главенствующие позиции в системе управления предприятием. Они взяли на себя функции организаторов, контролеров различных процессов и просто рядовых исполнителей. С сокращением непосредственного физического участия человека в производстве произошло расширение видов труда, связанных с выполнением контрольно-управляющих, логистических функций, со все более высоким уровнем принятия ответственных решений.

С возрастанием использования информационно-коммуникационных систем в процессах труда были поставлены вопросы об информатизации общества. Япония в 1970-е гг. первой разработала и внедрила государственную программу по информатизации и технической оснащенности производства и социальной сферы. В западных странах в 1980-х гг. началась модернизация, которая заключалась в целевом инвестировании в компании, осуществлявшие внедрение в производство и управление персональных компьютеров и информационно-коммуникационных технологий, которые постепенно становились все более доступными обществу.

Информационное обеспечение проникло в конкретную предметную деятельность человека. Основу деятельности стали составлять знания о понятиях, классификациях, принципах, нормах, правилах, процедурах, моделях, потребностях пользователей. Информационное обеспечение сделало распространенными и общедоступными метазнания, то есть знания нижнего эпистемологического уровня – конкретные практические (фактические) знания. Интенсивный рост информационных технологий охватывал все больше сфер жизнедеятельности человека, создавая единое информационно-технологическое пространство. Процесс информационных взаимодействий привел к возникновению такого явления, как Интернет. Это изобретение стало каналом распределения информации, товаров, услуг, работы, досуга. Интернет дал мощный импульс развитию информационной среды,

разветвлению виртуальных сетей общения, которые, в свою очередь, способствовали цивилизационному развитию человечества. Мысль, высказанная в 1940-х гг. Ф. Хайеком, получила реальное воплощение: «Можно... предположить, что когда-нибудь будет сделано такое изобретение, которое принесет огромную выгоду обществу, но лишь при условии, что им будут одновременно пользоваться все или почти все» [Хайек 2010: 97].

Происходящие изменения потребовали от государства создания стимулов и регуляторов, чтобы направить бизнес к модернизации и реформам. В ряде стран были приняты законодательные и нормативные акты национального и регионального уровней, регламентирующие экономические отношения в вопросах свободы информации, основ оцифровки информации, защиты и гарантии целостности электронных документов, патентной политики, венчурного предпринимательства, малого и среднего инновационного бизнеса, коммерциализации научных исследований, защиты прав собственности и др.

Государственные институты и модернизация отдельных отраслей подготовили условия для структурных преобразований экономики. Производства стали использовать технологии, не только сберегающие ресурсы, энергию, материалы, труд, но также оптимизирующие управление, сохраняющие экологический баланс среды, обеспечивающие капиталосбережение. В экономике формировалась новая отрасль с собственным отраслевым рынком интеллектуальных продуктов. Многоотраслевая экономика дополнилась экологией и защитой окружающей среды, развитием социальной экономики, информационной открытостью (достоверность информации о доходах, условиях кредита, рекламы и пр.), политическими эффектами и новыми проявлениями этики (коррупция, выпуск вредной продукции, аморальные сделки, социальная ответственность бизнеса за свои результаты и т. д.).

Научно-технический прогресс актуализирует мировоззренческие вопросы, связанные с идеей перехода мира в новое качественное состояние. Дж. К. Гэлбрейт в своей книге «Новое индустриальное общество» строит целостную теорию об эволюции современной цивилизации. «Считалось доказанным, что эта экономическая система находится в процессе развития и со временем превратится в нечто, безусловно, иное и – хотелось думать – в нечто лучшее... изменения являются законом экономической жизни», – напишет он в заключительной главе книги [Гэлбрейт 2004: 551–552]. Вслед за ним концепцию о потенциальных возможностях техники подхватывают и развивают ученые и специалисты различных научных направлений. Но все многочисленные теории о постиндустриальном развитии проистекают из пионерского исследования Гэлбрейта. Самыми популярными становятся теории информационного, инновационного и когнитивного обществ.

В концепции информационного общества Ф. Махлуп выделил три формы воздействия информатизации на хозяйственные процессы. Во-первых, информация превратилась в экономический ресурс. Для повышения эффективности, стимулирования инноваций и укрепления конкурентоспособности она все шире используется организациями. При этом информационные издержки, как ранее затраты труда или капитала, стали основными и в качественном, и в количественном отношении. Во-вторых, информация превратилась в предмет массового потребления

населения. В-третьих, формирование информационного сектора экономики осуществлялось более быстрыми темпами, чем развитие других отраслей. По мнению Й. Масуди, в новом обществе производство информационного продукта преобладает над производством материальных ценностей, информационные технологии позволяют замещать и усиливать умственный труд людей.

Т. Умесао предпринимает попытки определить цену информации, связав ее с ценами товаров, производство которых основано на использовании информационного ресурса. Т. Стоуньер делает предположение, что проблема информатизации общества и распространения знания имеет национальное значение: «В обществе национальные информационные ресурсы суть его основная экономическая ценность, его самый большой потенциальный источник богатства» [Стоуньер 1986: 393].

Концепция развития информационного общества по мере распространения информационно-коммуникационных технологий сменяется концепцией инновационного развития, в которой представляется новая логика использования интеллектуального ресурса, воспринимаемого как поток знаний. Экономисты называют по меньшей мере пять факторов, которые оказывают определяющее влияние на инновационное развитие: во-первых, новые технологические и организационные возможности; во-вторых, новые рынки сбыта продуктов, содержащих интеллектуальный ресурс; в-третьих, экономическое давление, которое заставляет адаптироваться и производителей, и потребителей к инновациям; в-четвертых, постоянный процесс изменений, который поддерживает и инициирует инновации; в-пятых, экономическая политика государств с курсом на инновационное развитие.

Инновации – это циклический процесс, в который включены капиталы, ресурсы, информация, знания, люди. Нововведения технологически меняют производство, структуру занятости. Физический труд сокращается, и возрастает доля интеллектуального труда. Рост занятости влечет за собой повышенный спрос на новые товары и услуги и формирует новые рынки. Новые товары, услуги и рынки усиливают потоки денежных средств, которые, наряду с поддержанием воспроизводственного процесса, инвестируются в формирование человеческого капитала. В обществе трансформируются понятия о качестве жизни, изменяются ценностные ориентиры. Наличие инноваций создает циркуляцию интегрированных потоков капитала, ресурсов, информации, знаний, культурных ценностей, людей. Всесторонние инновационные процессы, преобразующие экономику, социум и природу, во многом определяют новое цивилизационное развитие.

Инновации в бизнесе оказывают влияние на изменение производственной технологии, организационную структуру компании. Модернизированная технология и новый продукт приводят к возникновению новых рынков. Рынок инновационного продукта корректируется потребительским спросом, определяя тем самым перспективы своего существования. Если конечная ценность продукта удовлетворяет потребителя, то бизнес для получения прибыли продолжает инвестировать средства в разработку и внедрение нововведений. В данном случае конкурентное преимущество инновационного предпринимательства проявляется в ценовой политике, в новом качестве продукции и контактах с потребителем. Не всегда компании вводят новшества, руководствуясь рациональными началами. Нередко они изменяют технологии или внутреннюю организацию случайно, и это срабатывает.

Как замечает Ф. Фукуяма, «конкуренция в длительной перспективе автоматически уничтожает худшие варианты» [Фукуяма 2003: 259].

Концепция инновационной экономики со временем трансформировалась в теорию когнитивного общества. Ее основу составляет идея об исключительной роли знаний. Им принадлежит определяющая роль в общественном развитии. Они являются организующим принципом всего социума. На них базируются общественный порядок и такие общественные институты, как государство, армия, церковь и др. В когнитивном обществе важнейшим источником богатства является нематериальный ресурс – знания. Экономика оказывается тесно связанной с технологическим использованием научных открытий. В реальной хозяйственной системе сосуществуют индустриальная и «новая» экономика. Наиболее успешными и перспективными являются высокотехнологичные хозяйственные структуры. Производство и сфера услуг используют науку как производительную силу, а их продукция представляет собой материальное воплощение научных знаний, информации и духовных благ. При этом услуги и продукция становятся все более дифференцированными и принимают порой символическую форму. Организация труда строится на научных принципах, усиливаются творческие начала. Хозяйственная деятельность все в большей степени основывается на внедрении инноваций, удовлетворяющих растущий дифференцированный спрос потребителя. Инновации технологически адаптируются в производстве, количественно и качественно измеряются и контролируются, а сами производства изменяются под влиянием инноваций. Материальная и интеллектуальная собственность уравниваются в юридических правах. Постепенно основным источником экономического роста становится не вещественный, а интеллектуальный капитал. Измерение общественного благосостояния на основе роста валового внутреннего продукта заменяется показателем роста интеллектуального капитала. Между производителями и потребителями устанавливается взаимодействие с одновременным проявлением свободной конкуренции. Инфраструктуры, обеспечивающие любой вид деятельности, и социальные (когнитивные) технологии, управляющие видами деятельности, способствуют эффективному использованию знаний.

В когнитивном развитии крайне высокая скорость перемен делает процесс систематических колебаний обычным явлением. Динамизм и изменчивость окружающей среды предполагают особый стиль жизни с подвижным, ускоряющимся развитием. Ускоренное развитие подталкивает государство и управляющие органы к институциональной рефлексии, к совершенствованию функций по обеспечению принуждений, выполнению контрактных обязательств в социальных и экономических отношениях. По мнению Г. Маклюэна, уже с середины XX в. влияние подобного темпа развития изменяет цивилизационную модель мира, ускорение создает децентрализованные структуры с подвижными многочисленными маленькими центрами повсюду, «утрачивается система “центр – периферия”, и периферии на нашей планете исчезают» [Маклюэн 2007: 103].

В концепции когнитивного общества по-новому рассматриваются место и роль науки в современном обществе. За последние пятьдесят лет наука превратилась в самостоятельную производительную силу, образовав гармоничное взаимодействие «фундаментальная наука – прикладная наука – технология – производство». Наука обеспечивает устойчивость и конкурентоспособность как отдельных компаний, так и экономики некоторых стран в целом.

Вместе с тем в обществе существуют представления о том, что наука, техника, искусство и вообще любая творческая деятельность, связанная с накоплением инновационного потенциала, заканчиваются. Подобные представления впервые появились в начале прошлого века. Обосновывавшие их ученые исходили из того, что в мире уже все открыто, а физика Ньютона и дарвиновская теория эволюции позволяют дать ответы на все вопросы [Томпсон 2003: 44–62]. Такие же настроения наблюдались и в конце XX в.

Наряду с концепциями инновационного и когнитивного развития общества, где науке придается статус экономического фактора, появляются публичные заявления об уменьшающейся отдаче науки (выражение Б. Гласса). Мировой экономический кризис 2008 г., завершивший эпоху неоллиберализма, привел к кризису экономических наук. Сомнению стала подвергаться сама возможность науки решать социальные вопросы. И подобный скепсис небезоснователен. Для поддержания существующего прогресса требуется все больше и больше научных усилий. По мере того как человечество приобретает все большую власть над природой, обнаружение истины сталкивается со все возрастающим количеством сложностей. Во-первых, на сегодняшний день самым большим барьером будущего прогресса фундаментальной науки является ее прошлый успех. Во-вторых, прогресс породил сомнения, что истинное знание может быть точным, поскольку одна теория столь быстро сменяет другую, что трудно быть уверенным в истинности хотя бы одной из них. В-третьих, общество становится все более чувствительным к негативным последствиям, связанным с развитием научно-технической мысли, таким как загрязнение окружающей среды, радиоактивное загрязнение, оружие массового поражения и др. В-четвертых, у науки остается меньше мотивации к исследованию, особенно если такие исследования не имеют осязаемой экономической прибыли. В-пятых, фундаментальная наука сталкивается с проблемами финансирования, поскольку стоимость научных работ постоянно возрастает. В-шестых, по мере того как общество становится богаче, престиж науки падает. Все меньше молодых людей выбирают путь науки [Хорган 2001: 28–49].

Можно предположить, что в силу ограниченности человеческих знаний наука никогда не найдет ответа на некоторые вопросы. Развитие науки характеризуется некоторыми закономерностями. Так, наука, по О. Шпенглеру, продвигается вперед циклично, с периодами создания новых теорий и периодами консерватизма, когда общество восстает против науки и принимает религиозный фундаментализм и другие иррациональные системы. История показывает, что цивилизации достигали максимальной точки в развитии научных знаний, а затем накопленные знания утрачивались, общества вырождались и научный прогресс замедлялся. Современные философы полагают, что при попытке проникнуть в тайну все более сложных явлений у науки заканчиваются аксиомы. Существует и другая точка зрения: наука теряет способность ставить новые вопросы. Как саркастически заметил Дж. К. Гэлбрейт, провозглашение потребности в новых идеях в какой-то мере заменяет появление самих идей. Наука продолжает двигаться вперед, постепенно снижая скорость. В когнитивной экономике идея прекращения в скором времени существования науки кажется парадоксальной. Может ли наука идти к концу, если на протяжении XIX и XX вв. она стремительно шла вперед, а в XXI в. заявила о себе как о факторе экономического развития? Громадную силу припи-

сывает будущей науке К. Поппер: «Если наши теперешние знания временны, то впереди всегда есть возможность великих открытий» [цит. по: Хорган 2001: 28–49].

С точки зрения Т. Куна, нужны особые социально-экономические условия для поддержания науки, которые сегодня становится сложнее находить. Как и в производстве, в науке необходимы смена инструментов, перестройка прежних теорий, переоценка прежних фактов. «Едва ли можно рассматривать научное развитие как простой прирост знания», – замечает Т. Кун [2003: 25].

Свое продвижение вперед наука ищет в применении новых принципов ко всем явлениям, которые обращают на себя научное внимание. Это, во-первых, альтернативные теории, в которых нет точности, определенности, а есть только предрасположенность к тому, чтобы определенные вещи случались; во-вторых, междисциплинарные подходы с обилием разных точек зрения и методов, которые влияют на эволюцию науки, работая как «механизм прилаживания» – по мнению Л. Клейна, «научная мысль развивается через усовершенствование, добавление, исправление существующих парадигм» [Клейн 1996: 29]; в-третьих, оживление науки с помощью компьютеров и новых технологий; в-четвертых, желательность и важность не только качественных, но и количественных результатов, поскольку количественные измерения дают основу в управлении процессами, а умение управлять наукой и прогрессом ставит фундаментальную науку на службу инновациям и экономике.

Несмотря на скепсис общественности в отношении дальнейшего развития и продвижения науки, научные представления расширяются и дополняются новыми теориями и идеями. П. Фейерабенд, сторонник методологического анархизма в науке, провозглашает эпатарующий тезис «все пойдет, все дозволено, все сгодится» [Хорган 2001: 28–49]. Отстаивая позицию последовательного плюрализма, современная наука приветствует появление и распространение альтернативных теорий, дает право на существование самым экзотическим идеям. «Никакая идея, насколько бы безумной она ни казалась, не заслуживает пренебрежения, и тем более со стороны тех, чьи интересы, в лучшем смысле этого избитого слова, консервативны», – напишет Р. Хайлбронер [2011: 268].

Среди альтернативных теорий наиболее революционными оказались теории информации, катастроф, хаоса и сложности. Они оказали существенное воздействие на естественно-научные и общественные науки. Новым в альтернативных теориях являлось то, что детерминистское понимание явлений, основанное на стабильности, периодичности и равновесии, сменилось рассмотрением тех же явлений, но заключенных в условия динамической среды с крайностями, исключительностью и непредсказуемостью, с наличием того, что всегда сопротивлялось анализу редукционной науки.

Теория катастроф, представленная в 1970-х гг. Р. Томом и К. Зиманом, показала, как незначительные эффекты могут вызывать неожиданно большие изменения. «Катастрофа» в данном контексте означает резкое качественное изменение объекта при плавном количественном изменении параметров, от которых он зависит. В 1980-х гг. особую популярность приобрела теория хаоса, начало которой заложено А. Пуанкаре. Теория хаоса позволила анализировать поведение очень сложных и непрерывно меняющихся (динамических) систем, к которым относят

и экономические, и социальные системы. Оказалось, что их поведение быстро становится непредсказуемым, несмотря на самое точное знание об их начальном состоянии.

Одним из интересных теоретических открытий в 1980-х гг. стала так называемая теория сложности. Авторы теории П. Бэк и С. Кауффман обнаружили, что для сложных систем характерно удивительное свойство – длительное время системы пребывают в статичном состоянии, а затем внезапно подвергаются кардинальным изменениям, причем действия происходят стихийно и без вмешательства какой-либо побудительной силы.

Д. Холланд в 1990-х гг. предположил, что с помощью НБИТов (нано-био-информационные технологии) возможно сконструировать универсальную модель сложных систем. Многие проблемы концентрируются на определенных системах исключительной сложности, таких как экономика, экология, иммунные системы, компьютерные сети и др. Эти системы носят столь же разнообразный характер, как и сами проблемы, заключенные в них. Однако, несмотря на разнообразие, системы имеют общие характеристики и принципы, управляющие их поведением, которые позволяют их классифицировать в одну группу под названием «комплексные адаптивные системы» и рассматривать их через призму теорий катастроф, хаоса и сложности. Общая модель комплексной адаптивной системы позволяет получить ключ к пониманию природных, социальных, экономических систем, где присутствует сбалансированная смесь порядка и хаоса.

Традиционно экономическая наука акцентировала внимание не на причинно-следственных, а на функциональных связях, возникающих в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Но для экономики с концептом информационного, инновационного и когнитивного общества именно общественное поведение, индивидуальное и коллективное, выходит на первый план и становится предметом исследования. В этой связи теории катастроф, хаоса и сложности, объясняющие причинно-следственные связи, оказались приложимы в экономической науке.

Как и в точных науках, в экономической науке важен поиск закономерностей в поведении, которые привели бы к открытию законов. Возникает естественный вопрос: нельзя ли отыскать такие закономерности экономического поведения? В зависимости от того, в качестве продавца или покупателя выступает индивид, одни и те же изменения могут привести к диаметрально противоположным последствиям поведения. Именно это отличает экономические взаимодействия от любых других. Двойное воздействие изменений в цене на коллективное поведение участников рынка делает его способом организации общества, уникальным механизмом, в рамках которого экономическое поведение становится естественным и сбалансированным процессом.

С другой стороны, поведение нельзя рассматривать в отрыве от «собственного желания» индивида и связанной с ним совершенно непредсказуемой склонности изменять решения в процессе деятельности, на ходу. Экономическое поведение возникает из совокупных действий отдельных индивидов, ведущих себя последовательно или противоречиво. Они могут помогать друг другу, мошенничать, кооперироваться, конфликтовать, следовать за толпой или прокладывать собственные пути. Траектории человеческих поступков хаотичны и случайны, они

подобны траекториям молекул физических систем. Динамизм экономических отношений усложняется многочисленными бифуркациями, сопровождающими жизнь любого человека, любого хозяйствующего субъекта. В точках бифуркации, то есть в критических пороговых ситуациях, система становится неустойчивой и может эволюционировать в разных направлениях, вести к нескольким альтернативам [Пригожин, Стенгерс 2009: 62]. Предполагается, что общество, принимая на основе информации нескончаемую череду однозначных решений и упущенных возможностей, полезностей и издержек, непрерывно проходит точки бифуркаций. В комплексной адаптивной системе возникают вопросы: каким образом предшествующие действия индивидов (в физике – атомов) проявятся в будущем, в каком количестве должны накопиться предшествующие действия, чтобы привести к новому шагу эволюции? Иными словами, сколько индивидов (атомов), обладая интегрированной информацией, становятся критической массой и создают когерентное действие? Проблема в том, что в отличие от физики в экономике нет возможности проверить гипотезу, прогноз или программу развития. Часто приходится проверять правильность или неправильность на живом хозяйственном и социальном организме. И если физики имеют возможность многократно проверить правильность любых теоретических построений, сверяя их с результатами опытов, то в экономике проверка представляет собой один-единственный эксперимент, гигантский и непрерывный. Вследствие огромного количества данных, элементов и агентов, создающих коллективные эффекты, возникает сложность эксперимента [Клейн 1996: 29]. Тем не менее важным достижением в научном изучении общественных процессов стало использование компьютерной техники, которая дала возможность моделировать когнитивные технологии, открывая тем самым новые пути в решении традиционных задач.

А. Кирман предложил экономическую модель принятия решений в условиях неполной информации. Он разделил рассматриваемых в модели агентов на группы, соответствующие особенностям их поведения. Для моделирования А. Кирман использовал нестандартное для экономики, но известное в психологии понятие подражания. Если экономический агент имеет набор вариантов поведения, то естественно предположить, что на его выбор оказывает влияние то, как поступают другие экономические агенты. А. Кирман ввел в экономическую теорию фактор взаимодействия или эффект кластеризации, который описывается в теориях хаоса и сложности [Болл 2008: 226–251].

Р. Чалдини, выявляя закономерности в коллективном поведении больших групп людей со свободным выбором индивидуального поведения каждого отдельного человека в группе, выделяет шесть основных подходов. Человеческие общества извлекают преимущества из принципов последовательности, взаимного обмена, социального доказательства, авторитета, благорасположения и дефицита. Каждый принцип способен вызывать определенное, автоматическое неосмысленное согласие людей, то есть готовность сказать «да», не задумываясь. Факты говорят о том, что постоянно ускоряющийся темп современной жизни и ее информационная перенасыщенность делают эту специфическую форму бездумного согласия все более распространенной. Использование стереотипов и практических правил объединяет индивидов в кластерные эффективные группы в сети обязательств. Благодаря этому существуют специализация и взаимозависимости, кото-

рые в свое время сделали возможным разделение труда, обмен товарами и услугами [Чалдини 2010: 14–15].

А. Уайтхед признает, что неизбежным качеством современной жизни становятся «быстрые клавиши» (кратчайшие пути), по его мысли, «цивилизация прогрессирует, когда она увеличивает количество операций, которые может выполнять, не задумываясь» [Хорган 2001: 28–49]. М. Грановеттер утверждает, что, когда речь идет об информации и принятии решений, «слабые связи» всегда оказываются важнее тесных, люди, входящие в различные сообщества, чаще реагируют на еретические идеи, если хотят успешно адаптироваться к изменениям в окружающем мире [Фукуяма 2003: 276]. М. Гладуэлл говорит о трех движущих силах во взаимодействии групп людей – законе малых чисел, факторе «прилипчивости» и влиянии обстоятельств, которые позволяют понять природу поведения самоорганизующихся систем [Гладуэлл 2010: 33]. Г. Фельмар в 1974 г. рассмотрел систему взаимодействующих агентов и предложил идею о среднем поле, когда каждый отдельный агент некоторым образом знает об общем поведении остальных и может как-то реагировать на него. Эта теория позволяет получать математическое описание поведения людей при принятии решений в так называемых конкурентных играх [Болл 2008: 226–251].

Д. Нейсбит, М. Пенн и К. Залесн в своих концепциях выделяют значение индивидуальных предпочтений, анализируют истоки и принципы их формирования. С учетом знания критической массы индивидуальных предпочтений требуется определенное искусство, чтобы установить микроориентиры, выявить нужные сконцентрированные тенденции, упорядочить, выстроить их в простую структуру и увидеть в этом смысл. По мнению Д. Нейсбита, чем более технологичным становится мир, тем интенсивнее информационный гул, тем обильнее и разнообразнее сложности, которые нарастают квантовыми скачками [Нейсбит 2009: 12–13]. Достаточно, чтобы 1 % населения совершил осознанный выбор, лежащий вне руслу господствующей тенденции, и тогда возникает движение, способное изменить мир [Пенн, Залесн 2009: 24]. Экономические стратегии или мегатренды, по мнению авторов, возникают из микротенденций, которые быстро растут и движутся, перекрещиваясь в самых разных направлениях, они зависят от степени самоорганизации экономических групп. Поэтому одни идеи, тенденции и сообщения влекут за собой «взрыв», а другие нет, «социальные эпидемии» любого рода в огромной степени зависят от участия людей, имеющих наборы известных или редких коммуникативных способностей [Гладуэлл 2010: 24].

Новые открытия в медицине и развитии нейротехнологий позволяют создать интеллект искусственным образом. Предполагается, что в будущем с помощью специальных устройств можно будет избавиться от каких-либо ограничений мозга, ускорить мыслительный процесс, осуществить перенос части мыслей на компьютер. В настоящее время технически упрощаются и становятся экономически доступными различные нейрометодики, способные облегчать течение болезни или контролировать функции мозга. Регулируя активность соответствующих участков мозга, можно влиять в широких пределах на настроение, болевой порог, измерять неявные ассоциации, фиксировать поведение. Так появилась идея *инаби* (информационно-нано-биотехнологического человека) – человека, который усовершенствован с помощью новейших достижений информационных технологий,

«нанотеха» и генной инженерии. Инаби способен мыслить и действовать намного быстрее обычного гомо сапиенса, что достигается с помощью миниатюрного интерфейса, вживленного прямо в организм. Он легко входит в базы данных Всемирной сети, отыскивая необходимую информацию, а для принятия решений нужные участки мозга стимулируются особыми датчиками. Инаби отличается здоровьем, в его организме действуют нанороботы, которые самостоятельно перемещаются по кровеносной системе, очищая организм от микробов, зарождающихся раковых клеток и холестерина [Иноземцев 2006: 33]. Конечно, инаби – это пока лишь футурологический прогноз биологической эволюции человека, однако уже сегодня человечество находится под косвенным влиянием всевозможных технологий (хай-тек), в том числе и технологий изменения человека (хай-хьюм).

В хозяйственной практике для повышения экономической эффективности стали применять воздействие социальных (когнитивных) технологий на коллективное поведение людей. Как правило, такие технологии используются для формализации имплицитных знаний сотрудников компании и осуществляются в конкретных организационно-экономических рамках в производстве, распространении и использовании знаний. Технологии управления знаниями не новы, к ним относятся научная организация труда, наставничество, передача опыта, повышение квалификации. Все это применялось организациями прежде на протяжении многих лет, но лишь в последние десятилетия их стали называть технологиями управления знаниями (когнитивными, социальными технологиями). Когнитивные технологии рассматривают с 1990-х гг. как одно из основных направлений менеджмента организации. Они основаны на том, что создание нового знания не ограничено механической переработкой объективной информации, а зависит от скрытых воззрений, ощущений и идеалов сотрудников. Стержнем данного подхода являются субъективные суждения, которые формируются на начальном этапе производства новой продукции путем «вбрасывания» девизов, метафор и символов. Посредством созданного метафорой образа в коллективе мобилизуется психологический ресурс, который и воплощает имплицитное знание в реальную инновацию; по существу, это способ поведения, образ жизни компании [Нонака 2006]. Применяя когнитивную технологию, эти компании строят свою практику на непрерывном процессе рождения инноваций и воплощения их в жизнь.

В экономической науке интеллектуализация производства обозначила новые перспективы в исследованиях. Первоочередной задачей является поиск инструментов, критериев и методов в оценке качества и эффективности проводимых мероприятий. Необходимо научиться измерять количественные и качественные характеристики интеллектуального ресурса на макро- и микроуровнях, к примеру, такие, как относительное накопление интеллектуального капитала, плотность инноваций и имитаций, скорость распространения инноваций, скорость получения новых знаний и т. п. Задача трудная, поскольку, как известно, управлять можно тем, что поддается измерению и оценке. П. Друкер в одной из последних своих статей по этому поводу высказался следующим образом: «...мы знаем, как измерить продукцию старой экономики, но в XXI в. для большинства наукоемких и услугоемких видов деятельности необходимо... разработать надежные инструменты, позволяющие измерять затраты, управлять ими и сопоставлять их с результатами» [Друкер 2007: 15].

Ученые обратились к проблеме измерения интеллектуального капитала, заявив, что финансовые показатели учета компании устарели и в большинстве случаев оказываются вредными [Друкер 2007: 35]. В результате были созданы новые методики. Наиболее популярными являются учет рыночной стоимости компании к стоимости ее физических активов Дж. Тобина, мониторинг К.-Э. Свейби по накоплению нематериальных активов, навигатор нематериальных активов шведской фирмы *Scandia AFS*, оценочная матрица У. Энсона, сбалансированная система показателей BSC, разработанная Р. Нортоном и Д. Капланом, и др.

Основное внимание в этих моделях уделяется описанию нематериальных активов, определению влияния их на прибыль и конкурентоспособность, обоснованию инвестиционного проекта по развитию бизнеса, проблемам использования, нахождению возможностей совершенствования, поиску критериев оценки. В большинстве случаев результаты измерения нематериальных активов остаются условными и субъективными для каждой компании, зачастую они бывают сильно завышены и оцениваются интуитивно с использованием относительных показателей и мнений, а не точных расчетов. Основным недостатком используемых моделей измерения интеллектуального капитала является то, что они неприменимы на макроуровне, не отражают динамики инноваций и не создают объективной оценки инновационной распространенности. В связи с этим у исследователей остается открытым вопрос об измерении интеллектуального капитала, знаний, инноваций с применением не частных методик, а универсального измерительного инструмента.

Если предположить, что экономика представляет собой комплексную адаптивную систему, а инновации являются ее свойствами, то для понимания происходящих изменений, оценки степени их влияния на среду, а также измерения развития своей простотой и универсальностью в использовании привлекает фрактальная геометрия Б. Мандельброта, которая связывает теории катастроф, хаоса и сложности. Мандельбровова теория позволяет анализировать, как протекает динамический процесс, выявлять количественные, качественные свойства комплексной адаптивной системы, находить приращение свойств, прогнозировать их развитие.

В 1980-х гг. Б. Мандельброт предложил принцип (функцию, множество) образования структур. Построение фрактальной структуры начинается с простейшего геометрического элемента фрактала и происходит по образующей траектории, которая иницируется также фракталом, при каждой итерации процесс образования регулируется собственным результатом посредством обратной связи. Функция (множество) Б. Мандельброта подчиняется нелинейному закону с рекурсивным развитием. С помощью свойства множества появляется возможность измерить степень содержания фрактала-инициатора в самоподобной структуре [Кроновер 2006: 96–101].

Коэффициент позволяет говорить о трех типах состояния исследуемого объекта – «мягком», «медленном» и «бурном». «Мягкое» время соответствует равновесному состоянию, когда одинаковые причины дают почти одинаковые следствия. В «медленном» время происходит эволюционное развитие. В «бурное» время система находится в турбулентном состоянии [Мандельброт, Хадсон 2006: 276–278]. Полученные значения коэффициента масштабирования характеризуют

качество исследуемого объекта, тем самым Мандельбротов принцип становится универсальным и применимым в различных областях исследования. Имея объемы статистических данных, можно измерить качество (состояние) объекта (процесса) не только в точных, но и в гуманитарных науках, а также получить качественно-количественное представление о приращении самих научных знаний. С помощью фрактальной теории можно измерять инновации, строить масштабные модели рынка, прогнозировать риски в ситуации неполной информации, определять стратегическое развитие в условиях экономики, базирующейся на знаниях.

Таким образом, действующие в современном мире тенденции, одна из которых – превращение знаний в ключевой ресурс развития, приводят к созданию новых теорий. Чтобы объяснить происходящие изменения, экономическая наука заимствует идеи из других научных областей, в результате возникают синтезированные концепции, которые совершенствуются и дополняются. В этой связи количественная и качественная оценка экономики усложняется учетом множественности факторов, которые проявляют себя нелинейно, усиливая либо ослабляя действия друг друга. В свою очередь, науке в концепциях инновационного и когнитивного обществ с принципиально новой экономической схемой отводится особая роль, для нее вскрываются новые возможности – возникают оперативные задачи научного поиска обретения конечных практических результатов, а также научная техника принятия решений.

Литература

Болл Ф. Критическая масса. Как одни явления порождают другие. М. : Гелиос, 2008.

Гладуэлл М. Переломный момент. Как незначительные изменения приводят к глобальным переменам. М. : Альпина Паблишер, 2010.

Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М. : АСТ, 2004.

Друкер П. Ф. Информация, которая действительно нужна руководителю // Измерение результативности компании. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 9–32.

Иноземцев В. On Modern Inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество / под ред. М. Б. Ходорковского. М. : Алгоритм, 2006. С. 10–73.

Клейн Л. Что мы, экономисты, знаем о переходе к рыночной системе // Реформы глазами американских и российских ученых / под ред. О. Т. Богомолова. М. : Российский экономический журнал, 1996.

Кроновер Р. Фракталы и хаос в динамических системах. М. : Техносфера, 2006.

Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2003.

Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Гиперборея, Кучково поле, 2007.

Мандельброт Б., Хадсон Р. Л. (Не)послушные рынки: фрактальная революция в финансах. М. : Вильямс, 2006.

Нейсбит Дж. Старт! или Настраиваем ум!: Перестрой мышление и загляни в будущее. М. : АСТ, 2009.

Нонака И. Компания – создатель знания // Управление знаниями. М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 27–41.

Пенн М. Дж., Залесн К. Э. Микротенденции: маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М. : АСТ, 2009.

Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе / отв. ред. П. С. Гуревич. М. : Прогресс, 1986. С. 392–409.

Томпсон М. Философия науки. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003.

Фукуяма Ф. Великий разрыв. М. : АСТ, 2003.

Хайек Ф. Дорога к рабству. М. : АСТ, Астрель, 2010.

Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего. М. : Астрель, 2011.

Хорган Дж. Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. СПб. : Амфора, 2001.

Чалдини Р. Психология влияния. Как научиться убеждать и добиваться успеха. М. : Эксмо, 2010.

Шамхалов Ф. Государство и экономика. Власть и бизнес. М. : Экономика, 2005.

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ*

Стычинский М. С.**

В статье показаны особенности функционирования коллективной памяти в условиях перехода человеческого сообщества из постиндустриальной стадии своего существования в информационную. Данное обстоятельство принципиально изменило алгоритмы формирования национальной идентичности, в том числе в части конструирования коллективной памяти. Развитие технологий, обусловленное культурно-цивилизационными процессами, создало возможности для практически беспрепятственного распространения информации в глобальных масштабах, включая различные интерпретации исторических событий. Следствием данных процессов стала ситуация кризиса идентичности и возникновения потребности в переосмыслении национальными сообществами своего места и роли в человеческой истории. Подробно разбираются сущностные аспекты влияния массовой культуры на национальные сообщества, показана значимость выработки и проведения релевантной данным процессам культурной политики. В статье показано, что в условиях информационного общества одним из наиболее эффективных способов противостояния потоку различной информации и продуктов массовой культуры является проведение национальными государствами политики культурного замещения.

Ключевые слова: культура, цивилизация, идентичность, коллективная память, информационное общество, массовая культура, глобализация, глокализация.

The article shows the peculiarities of collective memory functioning in the conditions of transition of the human community from the post-industrial stage of its existence to the information one. This circumstance has fundamentally changed the algorithms for the formation of national identity, including the construction of collective memory. The development of technologies, cultural and civilizational processes, has created opportunities for virtually unhindered dissemination of information on a global scale, including different interpretations of historical events. The consequence of these processes was the situation of identity crisis and the emergence of the need for national communities to rethink their place and role in human history. The essential aspects of the influence of mass culture on national communities are analyzed in detail, the importance of the development and implementation of cultural policy relevant to these processes is shown. The ar-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта проведения научных исследований («Проблема коллективной памяти в эпистемологическом и политико-культурном измерениях»), проект № 19-18-00371.

** Стычинский Максим Сергеевич – к. ф. н., н. с. Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва). E-mail: stichinsky@gmail.com.

ticle shows that in the conditions of an information society one of the most effective ways of counteraction to torrents of various information and products of mass culture is the policy of cultural replacement in the information society by the national states.

Keywords: *culture, civilization, identity, collective memory, information society, mass culture, globalization, glocalization.*

Вопросы о значимости и роли коллективной памяти, под которой зачастую понимается совокупность представлений социальной группы о своем историческом прошлом, в процессе создания и оформления идентичности обращают на себя внимание исследователей различных социально-гуманитарных наук начиная с середины прошлого столетия. Вслед за актуализацией идентификационной проблематики, обусловленной интенсификацией межкультурных контактов в XX в., все большее внимание исследователей привлекали процессы конструирования коллективной памяти. Особую актуальность в этой связи приобрели современные процессы формирования коллективной памяти в условиях глокализации и сопутствующего ей кризиса на уровне национальных идентичностей, если отдельно учитывать ситуацию вхождения человечества в новый формат своего существования – информационное общество.

Поскольку любая человеческая деятельность является культурно обусловленной, исследуя вопросы коллективной памяти, отдельное внимание необходимо уделить теме культуры. Несмотря на наличие множества определений, акцентирующих свое внимание на тех или иных ее особенностях, можно выделить одну обобщающую их характеристику: культура в первую очередь представляет собой совокупность «схем мышления» [Кребер 2004] или же «мировоззрение, реализованное в образе жизни» [Важинский 2010]. Таким образом, все, что производит человек в качестве социальной единицы, является следствием проекции культурных мировоззренческих конструктов на внешний мир.

Отдельное внимание следует также уделить еще одному важному для исследования понятию «цивилизация», выступающему в роли постоянного сателлита культуры. Несмотря на то что многие исследователи не обнаруживали различия между данными понятиями, зачастую используя их в качестве синонимов [Хантингтон 2003], в научном мире существует и альтернативная точка зрения, в соответствии с которой есть достаточные основания для проведения их разделения. Обратившись к различным определениям понятия «цивилизация», можно обнаружить наличие ее тесной связи с уровнем развития технологий, а также с системой выстраивания взаимодействия в условиях поликультурности. Таким образом, цивилизация может быть определена как «ступень развития общества, характеризующаяся разделением труда, возникновением классов, государства, а также урбанизацией общественной жизни и уровнем развития техносферы» [Чумаков 2017: 255].

Рассуждая на тему цивилизации, мы так или иначе говорим об универсальных, понятных и по большей части однозначно воспринимаемых правилах взаимодействия, предметах и технологиях, в то время как культура характеризуется уникальными правилами и ценностно-мировоззренческими установками, дешифруемыми исключительно в рамках конкретной традиции. Несмотря на большое

число имеющих различий, во многом обусловленных культурой, люди тем не менее имеют схожие физиологические потребности: в еде, крове, продолжении рода и т. п. Во многом именно на этой основе и зиждется цивилизационное единство.

Важно отметить, что в условиях глобализации, интенсификации межкультурных контактов, обусловленных развитием средств массовой коммуникации и переходом общества в новую информационную фазу, перед национальными сообществами актуализируется вопрос формирования новой идентичности. В условиях интенсивной коммуникации с представителями иных культур, иных укладов и жизненных принципов перед субъектом процесса глобализации возник вопрос самоопределения: неслучайно в последние годы в научном сообществе все чаще звучит обеспокоенность состоянием кризиса национальной идентичности. Данная ситуация является вполне закономерным следствием знакомства с иными культурами, на фоне которых в сознании субъекта обнажаются и более четко оформляются собственные культурные особенности и отличия. В связи с этим в научный мир было введено такое понятие, как «глокализация» [Robertson 2001], описывающее дуализм процессов глобализации и локализации.

Используя нуклеарную модель строения культуры [Ракитов 1994], мы приходим к выводу о проблематичности каких-либо культурных заимствований в ходе межкультурной коммуникации. В то же время важно отметить, что с появлением массовой культуры возможности внедрения в ядро локальных культур со стороны других культур значительно расширились. Причиной данного обстоятельства служит специфика самой массовой культуры, которая, будучи лишенной ряда конфликтогенных культурных элементов, а также не претендуя на абсолютность в своей ценностной основе, легко воспринимается и принимается носителями локальных культур. Массовая культура, будучи тесно связанной с базовыми, общечеловеческими ценностями и потребностями, органично надстраивается над базисом локальной культуры в сознании субъекта. Поскольку человек одновременно выступает в роли как носителя, так и творца культуры, через его сознание и деятельность создается возможность для внесения изменений в ядро локальной культуры в обход «защитного слоя». В этом отношении можно образно сравнить массовую культуру с троянским конем, разворачивающим свою деятельность «за стенами ворот».

Как уже отмечалось, одним из важных механизмов сохранения культурной целостности является идентичность, определяющая границы «своего» и «чужеродного». Механизмы коллективной памяти в этом отношении выступают в качестве одного из наиболее значимых инструментов формирования идентичности. Поэтому сохранение и защита коллективной памяти от внешних влияний также являются важнейшей задачей в условиях глобализации и развития информационного общества. Французский историк-медиевист Жак Ле Гофф отмечал по данному вопросу: «Отсутствие у народов и наций коллективной памяти или... ее утрата могут повлечь за собой серьезные нарушения коллективной идентичности» [Ле Гофф 2013: 81].

С развитием сети Интернет, телефонной и иных видов связи произошло резкое увеличение числа контактов в глобальных масштабах, а также рост информационных потоков. В соответствии с проведенными исследованиями, в текущих

реалиях в мире происходит удвоение общего объема информации каждые два года [Рост... 2013: 24]. В силу того, что информационный обмен между культурами происходит в основном в поле массовой культуры, на субъекта коммуникации обрушивается целый поток разрозненной информации о тех или иных исторических событиях. Проблема сохранения собственной идентичности заключается в некритичном восприятии полученной таким образом информации.

Разговоры об информационном обществе, а точнее – об «обществе информации и услуг», возникали в среде экономистов еще в 40-е гг. XX в. Как правило, под информационным обществом в научном мире понимается качественно новый этап общественного развития, характеризующийся преобладанием деятельности, связанной с производством, передачей, потреблением и хранением информации. Очевидно, что одновременность появления в научном мире таких новых понятий и областей исследования, как идентичность, парадигма памяти, исследований информационного общества, международной коммуникации и процессов глобализации свидетельствует о переходе человечества на новый уровень существования, характеризующегося интенсификацией межкультурных контактов и «сжатием» границ мира в сознании мыслящих субъектов [Маклюэн 2004]. Конфликтность и сложность информационного общества с культурологической точки зрения обозначили в своих работах французские ученые С. Нора и А. Минк [Nora, Mink 1980]. Среди трудов, представляющих отдельный интерес для анализа нового формата существования человечества, можно отдельно выделить работы М. Кастельса [2000], в которых уделяется внимание технологическому аспекту происходящих трансформаций, а также исследования Й. Масуды, затрагивающие тему роли компьютерных технологий в происходящих процессах [Masuda 1983].

Важно отметить, что попытки игнорирования объективных процессов произошедшей в последние десятилетия информатизации мирового сообщества, отгораживания от них или противодействия им изначально оказываются обреченными на провал по причине невозможности замкнутого существования в условиях глобализации. Страны, не уделяющие должного внимания процессам информатизации, оказываются фактически обреченными в ситуации развития информационного общества. В качестве следствия подобной изоляционистской позиции выступают культурное, технологическое, цивилизационное и экономическое отставание относительно других участников международных отношений. Учитывая стремительность развития информационных технологий, увеличения объемов и сокращения времени для перемещения информации, даже небольшое отставание в краткосрочной перспективе способно значительно затормозить процессы развития общества. Информация, таким образом, выступает в качестве своего рода ресурса в информационном обществе, обладание и производство которого дает значительное конкурентное преимущество на поле международных отношений [Пронина 2008: 77].

Информационное общество фактически разрушило монополию государства на управление сознанием своих граждан, включая конструирование коллективной памяти в соответствии с текущими запросами и задачами. Получив возможность черпать различную, зачастую противоречивую информацию о различных исторических событиях, имея возможность ознакомиться со множеством их интерпретаций, версий и фактов, человек оказался в ситуации кризиса идентичности. Кроме

того, с появлением информационного пространства актуализировалась проблема борьбы за информационное превосходство между различными заинтересованными социальными группами [Крылова 2019: 74]. Наличие огромного числа информационных потоков привело к необходимости выстраивания своего рода фильтров, отсекающих лишнюю информацию. По мнению представителей французской социологической школы, развитие информационных технологий направлено на формирование единой информационной цивилизации, в которой, как в живом организме, устанавливается прямая связь между различными его частями. В таком обществе каждый его член получает доступ ко всем информационным ресурсам, что имеет под собой и ряд последствий в виде создания потенциальной возможности оказания воздействия на субъект через информационные каналы, снижения роли государства в процессах формирования общественного сознания, коллективной памяти и мировоззрения. Следует отметить, что возможности сети Интернет уже сейчас позволяют практически полностью отказаться от традиционных теле- и радиоканалов распространения информации. Отдельный интерес в этом отношении представляет возможность массового транслирования информации в социальных сетях и на иных интернет-площадках: появление феномена блогеров и «лидеров мнений» с многомиллионной аудиторией.

Вопросы идентичности, групповой принадлежности играют очень важную роль в связке с культурой той или иной общности людей: идентифицируя себя с какой-либо группой лиц, субъект автоматически принимает культуру данного сообщества, его мировоззренческие и аксиологические составляющие. Отдельное внимание при анализе данных вопросов обращает на себя коллективная память, вошедшая в научный лексикон благодаря работам М. Хальбвакса, А. Варбурга, А. Ассман и ряда других ученых. Исследование проблематики коллективной памяти изначально привлекало к себе интерес представителей структурно-функционального и культурно-семиотических подходов, а в дальнейшем и других ученых, что поставило исследование вопросов памяти в ряд дискуссионных междисциплинарных объектов научных разработок.

Под коллективной памятью, как правило, понимается совокупность представлений сообщества о своем прошлом, понимание своей миссии, вектора развития, а также связь с историческим прошлым, как бы удостоверяющим право существования и свою значимость в настоящем. Следует отметить, что в научных исследованиях используются близкие понятия «историческая память», «культурная память», «социальная и коммуникативная память». Несмотря на наличие ряда характерных черт, все они зачастую используются в качестве синонимов или близких по своему значению понятий. Важно подчеркнуть, что коллективная память, строго говоря, не является простой совокупностью фактов и событий из истории того или иного общества, а представляет собой своего рода компиляцию из интерпретаций исторических событий, собранных воедино в соответствии с запросами настоящего исторического периода. Процессы мемориализации или забывания, таким образом, выполняют задачи сохранения целостности социальных групп, формирования релевантной современным тенденциям и потребностям идентификационной составляющей.

Отдельный интерес также представляет отношение к индивидуальной и коллективной памяти у различных народов. В данном вопросе прослеживается пря-

мая корреляция с культурной спецификой коллективистских (традиционных) и индивидуалистских культур. Если для первых (культур восточного типа) в большей степени характерна приверженность традиции и коллективным ценностям, памяти и мировоззрению, то для вторых (культур западного типа) на первый план выходят интересы индивидуальные. В процессе распространения массовой культуры на традиционные сообщества оказывается серьезное влияние, в результате которого создается угроза утраты связи с коллективной памятью. Не случайно некоторые социологические опросы, проводившиеся в среде молодых людей, показывали плохое знание как мировой, так и своей собственной истории. Данная ситуация имеет как очевидные негативные последствия в виде создания потенциальной угрозы повторения исторических ошибок прошлого, так и положительный эффект в возможности выстраивания международных отношений «с чистого листа», что в условиях поликультурности снижает конфликтность коммуникации.

Рассуждая о современных тенденциях процесса глобализации, ряд исследователей, обозначаемых как гиперглобалисты, отмечает наличие тенденций к выстраиванию единого культурно-цивилизационного единства, разрушению национальных границ и, как следствие, формированию новой наднациональной или глобальной идентичности [Костина 2013: 37]. Национальные границы, по мнению некоторых ученых, представляют собой своего рода «интеллектуальные конструкции», которые с прагматической точки зрения становятся препятствием на пути возникновения единого мировоззрения и коммуникативного сближения в условиях глобализации [Аникин 2011: 18]. В то же время процессы локализации, наблюдаемые в качестве реакции на интеграционные процессы, направлены на сохранение национальными государствами статуса монополистов в части наполнения и сохранения национальной идентичности, коллективной памяти, национальной культуры. Локализация выступает в качестве реакции на угрозу потери национальной идентичности.

Проведение различных праздников, инициация общественного обсуждения спорных исторических событий и личностей, актуализация «мест памяти» – все эти мероприятия направлены на установление и упрочнение связей с историческим прошлым, с культурными традициями, ценностями и являются следствием локализации. Подобные попытки сохранения коллективной памяти и национальной идентичности обозначались некоторыми исследователями как «бум коммеморации» [Нора 1999]. Сложность процессов реконструкции и актуализации коллективной памяти в условиях информационного общества заключается также и в том, что национальную память необходимо вписывать в общий контекст глобальной общечеловеческой памяти. Наличие в информационном обществе доступа к различной информации, в том числе к национальным интерпретациям различных исторических событий, значительно усложняет процессы мемориализации и забвения в ходе конструирования национальной коллективной памяти.

Ярким и характерным примером подобного влияния на коллективную память выступил снятый в Великобритании сериал «Чернобыль», повествующий о событиях Чернобыльской катастрофы в 1986 г. По заявлениям создателей сериала, при написании сценария и сюжетных линий они использовали множество архивных данных, а также рассказы очевидцев трагедии. В то же время данная работа вы-

звала широкий общественный резонанс и породила как сторонников, отмечающих правдоподобность представленных на экранах событий, так и ярых противников, по мнению которых, иностранные режиссеры намеренно извратили исторические факты и представили руководство СССР в негативном свете. «Чернобыль» далеко не единственный фильм, появление которого на экранах вызвало подозрение в намерении оказать влияние на память и идентичность россиян. Не меньший резонанс ранее вызывали такие фильмы, как «Матильда», «Утомленные солнцем» и др.

Опасность инородного влияния в условиях существования информационного общества постепенно начала осознаться государствами, предпринимающими различные попытки проведения культурной политики, ограничивающей степень внешнего влияния на сознание своих граждан и национальную культуру. Так, в некоторых странах, в частности в Китае, была введена система квот на показ в кинотеатрах иностранных фильмов. В России также активно ведутся работы по борьбе с информационными источниками, распространяющими недостоверные, вводящие в заблуждение новостные сводки. Следует отметить, что проведение подобного рода культурной политики, включающей в себя задачи сохранения идентификационной, культурной уникальности, защиту коллективной памяти и выстраивание системы информационной безопасности, осложняется необходимостью соблюдения баланса между полной изоляцией от внешнего мира и открытостью в системе межкультурного взаимодействия. В текущих реалиях понятно, что проведение изоляционистской политики запретов и ограничений в условиях информационного общества создает опасность роста напряженности внутри общества, а также перспективы отставания государства от современных тенденций.

В условиях информационного общества представляется, что одним из наиболее эффективных способов противостояния потоку различных интерпретаций исторических фактов через каналы распространения медиаконтента является создание в рамках национальных государств своих собственных произведений культуры, соответствующих современным технологиям и уровню качества. В противном случае ситуация интенсивного воздействия на индивидуальное сознание различных информационных потоков создает потенциальную угрозу возникновения серьезного кризиса в области национальной идентичности, а также воспроизводит условия для значительных трансформаций коллективной памяти.

Литература

Аникин Д. А. Политика памяти в глобальном мире: предпосылки социально-философского исследования // Ученые записки Казанского ун-та. 2011. Вып. 153. С. 15–21.

Важинский Н. П. К вопросу об определении термина «культура» // Аналитика культурологии. 2010. № 16. С. 13–21.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

Костина Е. Н. Диалектика глобального и локального: национальное государство и коллективная память в условиях глобализации // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2013. Т. 13. № 1. С. 35–38.

- Кребер А. Избранное: Природа культуры. М. : РОССПЭН, 2004.
- Крылова И. А. Проблема информационной безопасности в век глобализации // Век глобализации. 2019. № 3. С. 73–80.
- Ле Гофф Ж. История и память. М. : РОССПЭН, 2013.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Киев : Ника-Центр, 2004.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.
- Пронина Л. А. Информационная культура как фактор развития информационного общества // Аналитика культурологии. 2008. № 1. С. 75–91.
- Ракитов А. И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 17–34.
- Рост объема информации – реалии цифровой вселенной [Электронный ресурс] : Технологии и средства связи. 2013. № 1. URL: <http://lib.tssonline.ru/articles2/fix-corp/gost-obema-informatsii--realii-tsifrovoy-vselennoy> (дата обращения: 27.09.2019).
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.
- Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М. : Проспект, 2017.
- Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1983.
- Nora S., Mink A. The Computerization of Society. A Report to the President of France. Cambridge; London, 1980.
- Robertson R. Globalization Theory 2000+: Major Problematics // Handbook of Social Theory / ed. by G. Ritzer, B. Smart. London, 2001.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РЕСУРСА

Залибекова А. З.*

В статье показано, что цели и стратегии российского и дагестанского национального образования зависят от исторических, национальных, этнических и религиозных традиций и ценностей, преломляющихся через тенденции глобализации. С учетом многогранности культурно-исторического своеобразия России и ее регионов в работе выявлены ценности как этнонационального, так и религиозного характера, противопоставляющие адекватную им образовательную политику ныне реально проводимой в русле Болонской системы политике отечественного образования. Показана актуальность определения характера влияния этнокультурного ресурса образовательной политики в эпоху глобализации в российском (глобальном) и дагестанском (региональном) образовательном пространстве.

Ключевые слова: глобализация, регионализация, образовательная политика, технократически ориентированная, лично ориентированная, культуранцентрическая концепция образования, этнокультурный ресурс, православие, ислам.

Following the sociocultural paradigm of education, in which education appears as a way of reproducing a person in culture, the article shows that the goals and strategies of Russian and Dagestan national education depend on historical, national, ethnic and religious traditions and values refracted through globalization trends. Given the multifaceted cultural and historical identity of Russia and its regions, there have been identified values of both ethno-national and religious nature, which contrast the adequate education policy to the currently being pursued in line with the Bologna system policy of national education. The urgency of determining the nature of the influence of ethnocultural resource of educational policy in the era of globalization in the Russian (global) and Dagestan (regional) educational space is shown.

Keywords: globalization, regionalization, educational policy, technocratically oriented, person-oriented, cultural-centric concept of education, ethnocultural resource, Orthodoxy, Islam.

---

* Залибекова Айгуль Залибековна – начальник учебного отдела ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (РИНХ), филиал в г. Махачкале Республики Дагестан. E-mail: aigul77-77@mail.ru.

Образовательная политика как деятельность органов государственной власти и общественных организаций, определяющая функционирование и развитие системы образования и отражающая содержание господствующей и альтернативной идеологии, характер существующего законодательства об образовании и общую направленность организаторской и управленческой деятельности [Вишнякова 1999], своим объектом имеет образовательное пространство. Образовательное пространство, будучи подсистемой культурного пространства, структурно иерархизировано. Можно размышлять о мировом, региональном, европейском, христианском, исламском, российском, дагестанском и т. п. родовых и типовых формах образовательного пространства. Иерархичность образовательных пространств обосновывается специализированной философской концептуализацией разнообразных образовательных систем и практик, отличающихся друг от друга природой, целями, ценностями и т. п. в том или ином регионе. Осмысление сути и содержания образовательного пространства как базового объекта для выяснения иерархии образовательных пространств приводит исследование к пониманию образования как емкой реальности, структурированной наподобие своей «материнской» системы – социального пространства.

В предельном расширении речь может идти о мировом образовательном пространстве, но практическая плоскость вопроса осмысливается в культурно-цивилизационных системах, предстающих как основные тренды развития человечества в мировом масштабе. На наш взгляд, здесь методологически значимо замечание А. Д. Урсула о том, что «вектор глобализации скорее нацелен на становление каких-то интегративно-универсальных формально-организационных тенденций и черт “внутри” мирового образовательного комплекса, чем на появление единой глобальной системы образования, достижение которой представляется весьма проблематичным» [Урсул 2019: 52]. В данной статье мы будем исходить также из предположения, что глобальное измерение, которое присуще таким системам, как образовательное пространство, позволяет разбить их на четыре целостности и расположить следующим образом: Западный мир, Китай, Исламский мир и Россия [Чумаков 2018: 12].

Региональная концептуализация предстает как соответствующая управленческая образовательная политика на тех или иных образовательных пространствах, включающихся в указанные глобальные целостности в виде стран или их объединений, исторических или социальных сообществ. В идеале субъектами образовательной политики, кроме государства, должны стать все граждане, например, России, семья и родительская общественность, профессионально-педагогическое сообщество, научные, культурные, коммерческие и общественные институты. Предметом данного исследования является ресурсное обеспечение глобальной и региональной образовательной политики культурно-историческими особенностями России и Дагестана.

Особенности современной образовательной политики в контексте цели и задач статьи

С середины 90-х гг. XX в. основной курс в российской образовательной политике определен Федеральной программой «Развитие образования в России»

и Законом РФ «Об образовании» с последующими поправками. Этот курс предполагал гуманистический проект образовательной деятельности: воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, приоритета общечеловеческих ценностей, защиту и развитие в системе образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей многонациональной России и пр. [Рудакова 2012: 137]. Однако на деле провозглашенные цели и задачи реализуются в России и ее регионах с трудом, связаны с рядом проблем и требуют качественного совершенствования образовательной политики в соответствии с ее духом и в рамках «общей стратегии модернизация общества, предполагающей формирование новой культуры, ценностями которой являются самостоятельность и предприимчивость, соединенные с активной гражданской позицией» [Там же: 141]. Эта образовательная политика затрудняется рядом препятствующих ее проведению факторов. Основными из них предстают нарушение интеграции экономической системы и системы образования, так называемый «демографический крест» – усиливающееся сокращение количества учащихся, обязательства, принятые РФ в рамках Болонских соглашений, и, наконец, политика секвестирования финансирования образования [Поломошнов 2011: 306–307].

Одними из постоянно провозглашаемых и невыполняемых обязательств политики новой России в области образования предстают ее духовные, идеологические и мировоззренческие параметры. Для целей и задач статьи важна конкретизация этих параметров в контексте гуманистического проекта и модернизации в образовательной политике, в которой ключевой задачей выступает сохранение этнокультурной и национальной идентичности во взаимосвязи с ее национально-цивилизационной, локальной, социальной, профессиональной, этнической, конфессиональной и культурной формами. В данной статье анализируется национально-цивилизационная идентичность в региональном и глобальном масштабе, позволяющая «определить жизнеспособность национального сообщества» и выявить культурный потенциал его дальнейшего существования. Не вызывает сомнений, что факторами такой идентичности являются национальность, язык, культура, религия и др. Но, как справедливо отмечается в научной литературе, для разных народов они разнозначны, поскольку «идентичность жителя Западной Европы и идентичность жителя Китая, например, могут иметь разные приоритетные составляющие. Житель Германии или Франции прежде всего воспринимает себя европейцем, христианином и гражданином мира, а затем уже носителем великой культуры или языка. Китаец прежде всего воспринимает себя гражданином великой и могущественной страны, носителем уникальной древней культуры, и вообще не включает элемент космополитизма в свою идентичность» [Шрамкова 2009: 5].

Этот пример лишний раз подтверждает мысль Г. Драча о том, что «для рассмотрения культурной интеграции надо учитывать такой основополагающий факт, как существование культур в географическом пространстве и историческом времени» [Драч 2018: 49]. Культурная интеграция, находящаяся в основе идентичности народа, становится детерминантом развития образования, в том числе ресурсом его функционирования. Рассмотрение наиболее значимых элементов содержания идентичности России и Дагестана, их особенностей, которые обу-

словливали и продолжают обуславливать соответствующую образовательную политику и ее специфику, – основная задача данного исследования.

Культурно-историческое своеобразие России и Дагестана в образовательной политике

Культурно-цивилизационное своеобразие России многогранно, сочетает ценности Запада и Востока, евразийского геополитического пространства. С точки зрения географического положения Россия культурно изолирована, разъединяет, с другой – осуществляет культурный симбиоз, объединяет. В этнонациональном плане ее образовательное пространство полинационно. В религиозном аспекте православие обусловило идеологическое и политическое противостояние страны западно-католическому миру. С этим связаны ментальные, духовно-нравственные и политические маркеры – патриархальность, общинность, традиционализм, смирение, пассивность, авторитаризм, государственная централизация, патернализм, доминирование общинности над личностью, противостояние западному рационализму иррациональностью и т. п. [Решетникова 2012: 14–15]. Исторически определяет и поддерживает такой культурный климат страны другая крупнейшая религия России – мусульманство, которое веками бесконфликтно сосуществует с православным христианством и буддизмом.

Однако последние десятилетия XX в. и два десятилетия начала XXI в. внесли в духовную атмосферу России и Дагестана зримые перемены, которые влияют на их образовательную политику. В той же религиозной жизни непросто складывается организационное взаимодействие Русской православной церкви с исламской уммой в силу отсутствия в последней институционального единства. Но в то же время, поскольку исламская умма России неоднородна и в этническом, и в религиозном аспекте, сосуществование различных духовных центров для нее оправданно, но при условии мира между ними [Котин 2009: 231].

Образовательная политика России должна учитывать и другие объективные и субъективные факторы религиозной ситуации. В традиционные аспекты сосуществования мировых религий в России за последние три десятка лет привнесены новшества, которые в принципе позитивны, но еще не стали привычной практикой общественно-политической жизни. Отметим существенное из них – значимой для осмысления культурно-исторических особенностей России и Дагестана как ресурса их современной образовательной политики становится ситуация, когда в России впервые создается правовая база взаимоотношений государства и религиозных организаций, связанных «с преодолением, с одной стороны, традиций атеистического государства, с другой – традиций государственной религии в многоконфессиональном государстве, где долгое время существовали “терпимые” и “гонимые” религии» [Сгибнева 2015: 54].

Разумеется, подобные изменения в культуре и духовной жизни коснулись и многих российских регионов. На Северном Кавказе эти изменения и вовсе вышли за общие рамки. Культурно-исторические особенности Дагестана, которые в данной статье рассматриваются как ресурс его современной образовательной политики, определены культурообразующим проникновением на его территорию мировых религий – христианства в V в. и ислама в конце VIII в., когда началась

тенденция постепенного доминирования арабо-мусульманских учебных заведений. Только к XV в. Дагестан стал представлять единую историко-географическую территорию, что способствовало формированию и становлению целостного поликультурного образовательного пространства на основе арабо-мусульманских учебных заведений. С присоединением Дагестана к России в XIX в. начались становление государственных светских русскоязычных учебных заведений, приобщение дагестанцев к российским культурно-образовательным ценностям, а в первой четверти XX в. – коренные перемены в сфере образования Дагестана, которые привели к ликвидации арабо-мусульманских образовательных структур и формированию унитарного образовательного пространства на основе единой национальной школы с национально-русским двуязычием. Нынешняя образовательная политика республики решает качественно иные задачи в контексте возрождения традиционной культуры межнационального и межконфессионального общения, взаимодействия светских и религиозных образовательных структур [Мусаев 2012: 15–16].

Из-за еще не сложившейся в России вышеупомянутой новой правовой базы взаимоотношений государства и религиозных организаций (хотя не только из-за этого) «современное северокавказское общество, а особенно дагестанское, с начала 90-х гг. провалилось в пучину архаизации. Именно поэтому в XXI в. нам суждено иметь дело с массами “взращенных” за эти годы религиозных фанатиков с едва ли не средневековым сознанием. Они тотально отрицают не только все светское, но и вообще любые зачатки цивилизации. В Дагестане не только у духовных лиц, но и определенного числа обывателей в мыслях присутствует одно: создать шариатское государство» [Дзуцев 2014: 100]. Возможно, эта оценка состояния религиозной жизни в регионе несколько преувеличивает тревожность ситуации, но и недооценивать причины общественно-политической напряженности нельзя, тем более невозможно не учесть их в контексте проблемы статьи.

О неблагоприятных процессах в общественно-политической жизни, культуре, непосредственно отражающихся в образовательной политике, пишут и другие исследователи. «Повторная исламизация на Северном Кавказе и конкретно в Дагестане, – пишет С. Муртазалиев, – сопровождается противоборством между сторонниками различных мазхабов, которое дополняется соперничеством тарикатистов и суфиев, разделением на казияты и мечети по этнической принадлежности, запретами читать переводы Корана на русском языке, противоборством 19 шейхов (из них 16 официально признанных шейхов) – почти у каждого свое исламское учебное заведение (ИУЗ), своя учебная программа, свой тарикат, свои сроки начала уразы и т. д., что не способствует просвещению и единению исламской уммы» [Муртазалиев 2011: 191–192].

В регионе усиливаются исламские фундаменталистские настроения – прямое следствие глобализации. С одной стороны, выезд молодежи на учебу в арабских исламских вузах, безграничное распространение мусульманской литературы, интернет-контакты и т. п. способствовали проникновению идей «единственно истинного ваххабитского ислама» в Дагестан и другие республики Северного Кавказа. С другой – привнесение глобализацией чуждых национальным культурам и этническому менталитету западных ценностей и пропаганда шоу-бизнесом не-

приемлемого в регионе аморального поведения вызывают естественный протест не только старшего поколения, но и самой молодежи, которая в поисках защиты все больше проникается симпатией к ваххабизму как последовательному «защитнику нравственности» во всем мире, хотя тот же ваххабизм противоречит культивируемому в регионе исламу, адатам и культурным традициям народов. Правильно утверждается, что «проникновение фундаментального ислама на Кавказ, таким образом, является не обращением к традиции, а разрывом с ней, не протестом против модернизации, а ее формой, не традиционалистским ответом на глобализацию, а ее версией» [Хлопкова, Клементьев 2018: 146]. Это важная методологическая установка для регионализации образовательной политики в Дагестане и других республиках Северного Кавказа.

Исследователи отмечают сохранение религиозной безграмотности населения и отсутствие целостной продуманной религиозной политики в Дагестане, притом что религиозные деятели некомпетентно вмешиваются в политическую, культурную, образовательную жизнь дагестанцев. Не без влияния религиозной пропаганды формируется стереотип «бессмысленности получения образования», стремление у молодежи получить лишь аттестат и диплом. Справедливо отмечено: «...просветительско-воспитательную работу должны проводить работники культуры, государственных светских министерств и ведомств, профессиональные ученые-востоковеды и религиоведы, способные активно противостоять всякого рода реакционным течениям. А религиозные деятели должны не соперничать с ними, не противостоять, а дополнять их, сотрудничая в тесном взаимодействии...» [Мамараев 2011: 283].

Еще раз подчеркнем: образовательная политика России и ее регионов сегодня должна быть детерминирована гуманистической установкой педагогического процесса. Она предполагает «схему поведения человека в типичной жизненной ситуации, характеризующейся базовым представлением о высоком общественном призвании человека, любви к нему, признании его ценности как личности». Формирование такой установки «возможно и необходимо в рамках той или иной образовательной системы, учитывающей в современных условиях принципы гуманизации образования» [Жук 2007: 113]. Существенным принципом, необходимым в образовательной политике, предстает учет этнического и национального фактора в становлении личности молодого человека. Он присущ многим поликультурным регионам России и постсоветского пространства. Считая важной задачей образования реализацию сохранения и развития этнической принадлежности личности как первичного в духовно-нравственном воспитании человека, Н. Шермухамедова объявляет эту задачу значимым аспектом инновационности образовательной политики [Shermukhamedova 2018].

Действительно, «этнокультура в пространстве глобализации показала свою нравственную и антропологическую ценность, свою роль в самосохранении человечества» [Драч 2018: 51]. Для многокультурного полиэтнического Дагестана значимым во всех сферах социума и его развития выступает этнокультурное взаимодействие, характеризующееся «участием в направленных друг на друга систематических действиях этнокультурного содержания субъектов, различающихся по этнической принадлежности, с целью вызвать ответное ожидаемое поведение».

ние, которое предполагает возобновление действия» [Бобрышова 2009: 7]. Как отмечает Л. Ф. Бобрышова, этнокультурное взаимодействие носит плюралистический, релятивный и толерантный характер, его проводниками являются как общественные организации (национально-культурные автономии, национально-культурные центры и др.), так и власть.

В этом контексте, в контексте стимулирования этнокультурного взаимодействия, следует подчеркнуть благодатную роль для Дагестана традиционного для региона ислама, точнее, версию исламской религии – суфизм. Он известен как наиболее терпимое к любой системе религиозных идей вероисповедание еще со Средних веков. «Когда в Европе богословские споры зачастую выливались в репрессии, – пишет В. Степанов, – на мусульманском Востоке мыслители-суфии проявляли могущую показаться нетипичной для тех времен терпимость едва ли не к любой религии». Автор обстоятельно обосновывает это обстоятельство различиями между мусульманской и христианской метафизикой [Степанов 2015: 55]. Подчеркнутые выше проблемы и препятствия в религиозной сфере Дагестана дополняются позитивными общеисламскими ценностями и суфийскими особенностями, отвечающими ментальности, историческим и психологическим истокам коренных народов региона. Они должны быть рационально использованы в образовательной политике региона.

Что следует зафиксировать и прогнозировать в современной образовательной политике России как основные ее маркеры, вытекающие из вышеуказанных социокультурных ресурсов, как исторических, так и современных, постперестроечных?

Современная образовательная политика, вопреки намеченным ее векторам, остается технократически ориентированной, противоречащей гуманистической установке педагогического процесса. Современные мировые тенденции личностно ориентированной и культуроцентристской концепций образования в лучшем случае провозглашены, но не реализуются системно и концептуально, слабо выражена культурная преемственность, не включен в образовательный процесс духовно-нравственный потенциал российской культуры, низка роль воспитательно-го процесса в учебном процессе и т. п.

Следуя Болонской системе, ныне в отечественном образовании чрезмерно увлекаются внедрением в учебный процесс информационных технологий и тестовых методик, чиновники от образования не обращают внимания на просьбы педагогической общественности о необходимости соблюдать меру в этом вопросе, что сопряжено, можно сказать, с бездумным и формальным подходом к учебному процессу. «Происходит своего рода технизация и технологизация мышления, когда информация и информированность человека стали подменять его интеллект, способности глубинного осмысления всей драматургии бытия. Существующая практика тестовой унификации не подходит под стандарты социально-гуманитарного образования, не учитывает в полной мере ее специфики» [Билалов, Магомедов 2013: 1866].

Унификация, стандартизация образования, которые несет глобализация с Болонским процессом, сводят педагогический процесс к подготовке и «обучению узких специалистов, к развитию не человека как такового, а его отдельных способностей, соответствующих тому или иному разделению труда. Такое узкое понимание образования подлежит преодолению через его гуманизацию, т. е. реали-

зацию человекоформирующей функции: ориентацию на культуру, духовность, интеллигентность личности» [Всероссийская... 2013: 231].

Что касается учета в образовательной политике глубинных ментальных и культурных оснований народов России и Дагестана, то в ней плохо принимается во внимание или вовсе игнорируется факт их противостояния западным историческим и современным традициям. Как указывает М. Билалов, отечественная «педагогика и философия образования должны ориентировать школу на отказ от таких западных ценностей, как абсолютизация роли рационального в духовной жизни, приоритет практического успеха в деятельности человека, переоценка личностной свободы и соответствующим образом истолкованный гуманизм, которые на Западе уже отходят на второй план, а в восточных и мусульманских культурах никогда не были первичными ценностями». Но этого не происходит в дагестанском образовательном пространстве, поскольку, придерживаясь вслед за федеральным центром Болонской системы, «российские регионы стимулировали влияние этих ценностей в ущерб оправдавшим себя историческим традициям» [Bilalov 2015]. Заложниками такой образовательной политики в первую очередь стали фундаментальные ценности – ведь «если коллективная ответственность, уважение к старшим, патриотизм для восточных и мусульманских культур первичны как ценности, то для Запада – вторичны или даже несущественны» [Билалов 2014: 29–30].

Разновекторные образовательные политики детерминированы также необходимостью учета и религиозной специфики культурно-исторического ресурса России и Дагестана, поскольку в условиях «Кавказского региона важно и то обстоятельство, что в современном образовании все значимей становится религиозная тенденция. Если западная католическая традиция полагает в качестве цели образования воспитание деятельно-активной личности, то в восточноевропейской православной культуре акцент делается на духовное развитие, а в исламе – на идеи самосовершенствования» [Там же: 30].

Выводы

В результате нашего исследования мы приходим к следующим выводам. Во-первых, в иерархической системе образовательных пространств дагестанская образовательная политика предстает имеющей свои особенности частью политики российского образования. Во-вторых, провозглашая в качестве цели гуманистические ценности лично ориентированной и культуроцентристской концепций образования, в республике и во всей России образовательные политики входят в противоречие с тенденциями технократически ориентированной Болонской системы, которая на протяжении двух десятков лет стала реально проводимой политикой отечественного образования. В-третьих, в таком противоречии очевидно противостояние культурно-исторических ценностей народов России и Дагестана западно-либеральным нормам в плане ключевых духовно-нравственных и религиозных идеалов.

Заключение

Обращая в данной статье первостепенное внимание не столько на технологическую сторону образования в России и Дагестане, сколько на социокультурное его содержание, мы делаем неутешительные выводы. Для выхода России и ее ре-

гионов, прежде всего Дагестана, в мировое образовательное пространство и их сохранения как суверенных государственных образований сегодня необходимы не модели, для которых типичны, скажем, идея свободы личности и индивидуальных прав; неактуальна для нас и идеологическая направленность дисциплинарно организованного обучения под определенный социально-политический заказ. Предпочтительная для нас социокультурная парадигма образования связана с распространением идей постмодернизма, важнейшими из которых явились плюрализм, разнообразие, терпимость, инакомыслие, ориентация на индивидуальные интересы и самоопределение. Постмодернизм привел к полисубъектности образовательного поля, к формированию в инновационном и альтернативном поле образования междисциплинарных учебных программ и технологий, значительному расширению доли альтернативных моделей школ и университетов, они повсеместно играют все более активную роль в изменении традиционного образования. Объективная тенденция глобализации разрушительна для ценностей этнической и национальной культуры, но в таких условиях проведение продуманной и взвешенной образовательной политики – задача государственной важности. Она должна решаться с опорой на науку и философию, в частности, на зарождающуюся дисциплину – образовательную глобалистику, которая «уже изучает закономерности и тенденции глобальных процессов в образовании» [Урсул 2019: 58]. Глобализационный кризис государственного институционального образования, несмотря на влияние на социокультурную модель образования рыночной экономики, коммерциализации, политических тенденций, не должен привести к разлому и хаосу в современном российском и дагестанском образовании, как в управлении, так и в сфере образовательных технологий, методов и методик.

Критическая оценка современного отечественного образования, переживающего череду перманентных реформ, характеризует его состояние как кризисное. Предлагаемые в данной статье выводы позволяют преобразовать и качественно усовершенствовать образовательную политику России и Дагестана в интересах сохранения культуры и религии наших народов, стимулировать ее субъектов для повышения качества образования и его роли в обществе.

Литература

Билалов М. И. Метаморфозы дагестанского образования // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2014. № 1. С. 24–32.

Билалов М. И., Магомедов К. М. Тестовые методики в социальном и гуманитарном образовании // Фундаментальные исследования. 2013. № 10. Ч. 8. С. 1866–1870.

Бобрышова Л. Ф. Этнокультурное взаимодействие как фактор социального развития региона (на примере Ставропольского края): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Майкоп, 2009.

Вишнякова С. М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М. : НМЦ СПО, 1999 [Электронный ресурс]. URL: https://professional_education.academic.ru/ (дата обращения: 11.08.2019).

Всероссийская научная конференция «Образование в культуре и культура в образовании» // Философия образования. 2003. № 6. С. 230–231.

Дзуцев Х. В. Причины межнациональной напряженности и экстремизма в республиках Северо-Кавказского федерального округа России // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2. С. 94–106.

Драч Г. В. Цивилизация (цивилизации) и культура (культуры) // Цивилизационные исследования на Юге России / отв. ред. Г. В. Драч. Ростов-н/Д.; Таганрог : Изд-во Южного федерального ун-та, 2018. С. 9–59.

Жук Е. П. Гуманистическая установка как объект научно-педагогического анализа // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 2. С. 111–114.

Котин И. Межрелигиозный диалог между христианством и исламом в России: православная перспектива // Христианство и ислам в контексте современной культуры: Межрелигиозный диалог в России и Ближнем Востоке / под ред. Д. Спивака, Н. Таббара. СПб.; Бейрут, 2009.

Мамараев Р. М. Религиозные процессы и светское образование на Северном Кавказе // Образование против терроризма: сб. тр. Всероссийской научной конференции. Махачкала. 23–24 июня 2011 г. / под общ. ред. А.-Н. З. Дибирова. Махачкала : Лотос, 2011. С. 263–284.

Муртазалиев С. И. Негативные последствия «пробуждения» ислама на Северном Кавказе // Образование против терроризма: сб. тр. Всероссийской научной конференции. Махачкала. 23–24 июня 2011 г. / под общ. ред. А.-Н. З. Дибирова. Махачкала : Лотос, 2011. С. 190–195.

Мусаев А. О. Становление и развитие поликультурного образовательного пространства Дагестана: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2012.

Поломошнов А. Ф. Образовательная политика России на современном этапе // Образование против терроризма: сб. тр. Всероссийской научной конференции. Махачкала. 23–24 июня 2011 г. / под общ. ред. А.-Н. З. Дибирова. Махачкала : Лотос, 2011. С. 306–311.

Решетникова Н. С. Культурно-цивилизационное своеобразие России как предмет философской рефлексии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Астрахань, 2012.

Рудакова Е. Н. Государственная образовательная политика: этапы становления и современное состояние // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 5. С. 136–141.

Сгибнева О. И. Государственно-конфессиональные отношения в условиях свободы совести // Философия, толерантность, глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений. Тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.): в 3 т. Т. III. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015.

Степанов В. Ю. О терпимых суфиях и «нетерпимых» христианах: апофатика Единого в сравнении с «диалектической апофатикой» // Философия, толерантность, глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений. Тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.): в 3 т. Т. III. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015.

Урсул А. Д. Становление образования глобального мира // Век глобализации. 2019. № 2. С. 49–60.

Хлопкова О. В., Клементьев А. С. Возможна ли секуляризация ислама? (Взгляд на трансформации религиозности в контексте глобализации) // Век глобализации. 2018. № 2. С. 140–149.

Чумаков А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы // Век глобализации. 2018. № 4. С. 3–15.

Шрамкова Н. Б. Сущность и специфика межцивилизационных взаимодействий в эпоху глобализации: дис. ... канд. филос. наук. М., 2009.

Bilalov M. I. Traditions and Tendencies of the Dagestan Education [Электронный ресурс] : Open Journal of Social Sciences. 2015. No. 3. Pp. 165–173. URL: <http://www.scirp.org/journal/jss> <http://dx.doi.org/10.4236/jss.2015.32022>.

Shermukhamedova N. Criteria for Improving the Education System // Education and Sports in the Prosperous Epoch of Powerful State. Articles of the International Scientific Conference. Ashgabat : Science, 2018. P. 76.

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Фридман М. Ф.*

Настоящая статья посвящена важной и актуальной политэкономической проблеме кадрового обеспечения институционализации цифровой экономики в условиях глобализации стратегического управления. В статье дается общая характеристика глобальной научно-образовательной политики как концептуальной и методологической основы для перехода к информационному обществу, показана роль современного университета как инструмента модернизации экономического сознания общества.

Ключевые слова: информационное общество, глобализация, стратегическое управление, кадровая политика, цифровая экономика, высшее образование, университет, политическая экономия.

The article is devoted to the important and relevant political-economic problem of personnel support of institutionalization of digital economy in the conditions of strategic management globalization. The author gives a general characteristic of global scientific and educational policy as a conceptual and methodological basis for the transition to the information society. The role of the modern university as a tool for modernization of the economic consciousness of the society is shown.

Keywords: information society, globalization, strategic management, personnel policy, digital economy, higher education, university, political economy.

Сегодня, когда человечество переживает беспрецедентный по своим масштабам кризис, касающийся буквально каждого жителя планеты, проникший во все сферы жизни, отвергающий по причине крайне низкой социальной эффективности исторический опыт прошлых поколений и не наметивший внятных перспектив на будущее, наблюдается закономерная смена культурно-исторической парадигмы, эволюционно обусловленная возникновением нового этапа в жизненном цикле человеческой цивилизации, основанной на упадке постиндустриального общества – общества потребления, с одной стороны, и на развертывании интеллектуального потенциала информационной среды – с другой. Это кризис целей и результатов, процессов и ресурсов, науки и образования, кризис мышления.

В условиях интенсивно формирующегося многополярного мира с активно конкурирующими государствами, меж- и надгосударственными объединениями с неизбежностью возникают и усугубляются глобальные проблемы, не только затрагивающие судьбы современников, но и самым существенным образом влияю-

---

* Фридман Михаил Феликсович – д. ф. н., заведующий кафедрой управления качеством Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: mffree79@mail.ru

щие на будущее всего человечества, решение которых требует продиктованного исторической ответственностью эпохи объединения усилий всего земного шара. Особенно это актуально в условиях отсутствия технических гарантий предотвращения указанных рисков [Masuda 1981: 118–121].

Современные технологии зачастую не в силах уверенно противостоять обозначенным угрозам, поэтому ожидания от науки и образования заставляют кардинально пересмотреть содержание и формат международных отношений и внутренней политики государств применительно к рассматриваемому аспекту [Белл 1999: 8–9, 58–59, 157–159, 204–205, 207–208, 314–315, 505–506, 539–541, 568, 613].

Наряду с внутренней научно-образовательной политикой страны, призванной определять, формулировать и отстаивать приоритеты стратегического развития своего интеллектуального потенциала, основанного на формировании соответствующих знаний, отношений и компетенций, в сложившихся обстоятельствах должна появиться единая – глобальная – научно-образовательная политика, нацеленная на подготовку человечества к решению общих – мировых – проблем. Данная задача является всеобщей, то есть каждая страна, каждое сообщество и каждый человек должны в полной мере осознавать свою общую ответственность, а также степень участия в решении настоящей проблемы [Зиновьев 2006: 20–26, 44–46].

Рассматривая выбор концептуальных оснований для формирования глобальной научно-образовательной политики в качестве фундаментальной политэкономической проблемы в контексте развертывания новой культурно-исторической парадигмы, формирования цифровой экономики, оптимизации международных отношений, глобального и регионального развития, ориентирующегося на создание конструктивного диалога между субъектами подготовки и принятия соответствующих политических решений, следует отметить, что указанный подход позволяет предложить новый инструмент реализации, защиты и гармонизации национальных интересов, способный создать идейно-теоретическую и институциональную основу для решения общих проблем человечества [Его же 2000: 68–113].

Во многом такое предположение основано на предназначении науки и образования, заключающемся, по нашему мнению, в формировании и развитии интеллектуального потенциала человеческой цивилизации, позволяющего в стратегическом аспекте удовлетворять имеющиеся и возникающие биологические, психологические, социальные и духовные потребности Человека Сегодняшнего и Человека Завтрашнего с учетом изменяющихся условий его местообитания в качестве, времени и пространстве.

Проблема реформирования науки и образования давно уже назрела и ни для кого не является неожиданностью. Глобализация, информатизация общества, переход к экономике знаний, интеграция во Всемирную торговую организацию, появление Европейского союза, Союзного государства России и Беларуси, возникновение и развертывание деятельности таких международных альянсов и организаций, как БРИКС, ЕврАзЭС, ШОС и пр. – эти обстоятельства в числе первых, на наш взгляд, определяют необходимость кардинального пересмотра стратегических ориентиров и приоритетных направлений модернизации образования

и науки как во внутренней политике государства, так и во внешней и на всемирном уровне.

Анализ внешних вызовов, международных трендов и доминирующих тенденций государственной научно-образовательной политики, исследование публичных заявлений руководства развитых и развивающихся стран, нормативно-правовых документов, данных мировой статистики, а также изучение опыта международных лидеров и лучших отечественных практик позволяет выявить и обобщить фундаментальные проблемы, затруднения и барьеры, препятствующие развёртыванию новой парадигмы глобальной научно-образовательной политики информационного общества, способной решать те задачи, которые сегодня неминуемо встают перед мировым сообществом [Кастельс 2000: 441–457].

Геополитическое превосходство России, региональное лидерство, равномерность развития территорий и повышение качества жизни каждого жителя наряду с прогнозом перспективного развития (с учетом в том числе NBIC-конвергенции, DIKW-модели и др.) в настоящее время можно считать стратегическими ориентирами, задающими приоритетные направления модернизации науки и образования в России.

Одной из важнейших проблем, стоящих перед обществом сегодня, является изучение существующих и политэкономическое обоснование разработки новых концептуальных подходов к формированию и реализации методологических принципов глобальной научно-образовательной политики, направленной на становление и развитие очередной культурно-исторической парадигмы – информационного общества в условиях глобализации стратегического управления.

Анализируя особенности новой культурно-исторической парадигмы, необходимо определиться с ключевыми понятиями. Так, по нашему мнению, информационное общество – понятие сложное, многоаспектное: это одновременно и новая историческая эпоха развития человеческой цивилизации, характеризующаяся глобальным объединением людей на основе обобществления интеллектуальных ресурсов человечества для решения важнейших проблем современности (культурно-историческая парадигма); и идеология (форма существования общественного сознания), основывающаяся на совокупности коллективных представлений о лидирующей роли интеллекта в общественно-историческом развитии; и тип мировоззрения – система взглядов на мир с позиции интеллектуального лидера – «архитектора информационного пространства», продуцирующего и продвигающего идеи, объединяющего вокруг их развития и реализации единомышленников и создающего на основе информационно-коммуникационного взаимодействия новую социокультурную среду. Информационное общество как культурно-историческая парадигма возникает в результате разрешения кризиса предыдущей культурно-исторической парадигмы (индустриального общества) на фоне неразрешившегося кризиса аграрного общества [Тоффлер 2010]. Информационное общество характеризуется осознанием человеком информации как своей среды обитания, как основного фактора эволюции человеческого сознания, как высшей ценности личности, социума и цивилизации. Жизнь есть форма существования информации. Информация в информационном обществе рассматривается человеком не только как объект или средство познания, а как самоцель и как среда, как «дорожная разметка ментального пространства», «координатная плоскость мировоззрения». Информа-

онное общество как форма существования общественного сознания представляет собой идеологию группы людей – носителей соответствующего мировоззрения – интеллектуальных лидеров, объединенных идеей консолидации интеллектуального потенциала человечества в целях преодоления глобальных проблем современности. Информационное общество как тип мировоззрения подразумевает под личностью аутентичный экзистенциальный метод познания, характеризующийся совокупностью взглядов, убеждений и установок личности, нацеленных на обобществление интеллектуальных ресурсов человечества для решения глобальных проблем цивилизации, на то, чтобы объединять и взаимно усиливать интеллекты в процессе добычи, обработки, хранения, передачи и применения информации. Представители различных типов мировоззрения (кочевого, аграрного, индустриального, информационного) сосуществуют в разные исторические эпохи так же, как и разные исторические эпохи находят свое отражение в мировоззрении каждого человека. Мировоззрение – система взаимосвязанных представлений о мироустройстве – является концептуальной основой ценностно-оценочного отношения, деятельности и поведения индивида. Таким образом, информация дает человечеству возможность руководствоваться не только его оперативными и тактическими потребностями, но и стратегическими, ориентированными на созидание позитивного будущего [Махлуп 1966: 42–72, 81–179, 432–459].

Структура информационного общества на этапе его становления крайне неоднородна, ее следует рассматривать в соответствии со степенью и характером погруженности человека в единое информационное пространство как в среду существования, обитания и познания, сопротивление и адаптация к которой и порождает личность. Очевидно, на ранних стадиях формирования информационного общества в его структуре можно выделить четыре основных класса: аскеты (либо не знающие про существование информационных ресурсов, либо не способные их освоить, либо умышленно не использующие их в бытовых, профессиональных и культурно-развлекательных целях, либо лишенные постоянного к этим ресурсам доступа в силу разных причин), которые обеспечивают баланс сил между аффилированными объединениями носителей идеологии информационного общества; операторы автоматизированных средств информационно-коммуникационного взаимодействия, которые обслуживают технические средства массовой информации, коммуникации и производства; программисты, которые создают и оптимизируют технические средства массовой информации, коммуникации и производства; модераторы, которые формируют общественное сознание и управляют им, организуют коммуникацию и наполнение контента. Основные этапы формирования информационного общества предполагают три вектора исторического развития: появление технических возможностей массовой коммуникации и постоянного равного доступа к информационным ресурсам; формирование контента (информационных ресурсов), позволяющего объединить людей по интересам в соответствии с их потребностями и предпочтениями; формирование системы общественных отношений в виртуальной среде и развитие познавательной мотивации человечества в условиях доминирования и экспансии информационного пространства [Зиновьев 2007: 224–230].

Важнейшую роль в строительстве информационного общества играет глобальная научно-образовательная политика, под которой в настоящей работе пони-

маются разработка, реализация и продвижение системы политических мер, направленных на развитие общества средствами образования и науки, из чего с неизбежностью следует вывод, что выбор концептуальных основ новой методологии, являющийся политэкономической проблемой становления и развертывания информационного общества, опирается на разработку эффективных подходов к управлению стратегическим развитием интеллектуального потенциала человеческой цивилизации в условиях закономерной смены культурно-исторической парадигмы, в контексте которой человечество стремится высвободить максимум времени на то, чтобы за одну биологическую жизнь прожить не только несколько социальных (как в парадигме индустриального общества), но и несколько духовных жизней (жизней-попыток, нацеленных на спасение человечества и мира посредством преодоления глобальных проблем современности). Особенно это важно и актуально в контексте прогрессирующего кризиса гуманитарных наук, выражающегося прежде всего в многополярном, неопределенном отношении к человеку как к предмету познания в условиях отсутствия установленных аксиоматики, понятийной системы, методологического аппарата и критериев оценки достоверности.

Предпосылки и условия возникновения новой парадигмы и методологии научно-образовательной политики во многом связаны с необходимостью преодоления кризиса современного университета, перед которым открываются совершенно иные перспективы, позволяющие рассматривать его в качестве особой средообразующей платформы с высоким научным, образовательным, производственным, культурным, политическим, экономическим, технологическим и экологическим влиянием. К этим предпосылкам, очевидно, можно отнести следующие: нежелание университета отказываться от академической автономии, невозможность государства предоставить паритетные, симбиотические условия стратегического взаимодействия с академическим сообществом, девальвация ценности высшего образования в обществе потребления на фоне глубокого кризиса социального управления, формирование нового типа интеллектуальной элиты во всех сферах деятельности [Стоуньер 1986: 392–409].

Субъектами формирования и реализации научно-образовательной политики являются в том числе сами университеты, стратегию развития которых определяет не администрация вуза, являющаяся исключительно сервисной структурой, а академическое сообщество – те интеллектуальные лидеры, основоположники научных направлений и научных школ, лидеры общественного мнения, которые способны взять на себя персональную ответственность за участие университета в спасении человечества, находящегося на грани экологической, экономической и культурной катастрофы.

Модели формирования и реализации научно-образовательной политики в условиях перехода к информационному обществу представляют собой исторически сложившиеся системы стратегического соуправления, нацеленные на развитие национального интеллектуального потенциала средствами науки и образования.

Под университетом мы прежде всего понимаем среду обитания сознания, обладающую экологическими, политическими, экономическими, технологическими, социальными и культурными характеристиками, призванную объединить человечество посредством обобществления его интеллектуального потенциала для ре-

шения глобальных проблем современности и способную стать высокоэффективной институциональной альтернативой государственной, городской, религиозной, корпоративной и даже семейной формам организации общественных отношений [Ортега-и-Гассет 2010: 18–24, 32–37].

Университет, а не иные социальные институты, в информационном обществе должен стать площадкой для переговоров, организатором конструктивной дискуссии по поиску и гарантированному обеспечению взаимных интересов различных социокультурных групп (меньшинств).

Университет в новых экономических условиях представляется в новом качестве – в качестве среды обитания сознания современного человека, выстраивающего свои взаимоотношения с человечеством.

Университет – сама себя создающая среда, характеризующаяся конструктивной активностью сообщества, структурирующего бесконечный информационный поток на основе построения оптимальной траектории развития человеческой цивилизации.

Человек как аутентичный экзистенциальный метод познания и университет, предстающий в нашей логике в том же свете, в итоге объединяются в единое целое, что указывает на высокую вероятность существования в реальности двух гипотетических моделей: «университета-планеты» (свободный доступ к информационным ресурсам для всех) и «университета-микрокосма» (каждый возвращает своих «детей», но не как хранителей его биологической информации, а как хранителей и преобразователей его когнитивной информации).

Университет должен не опускаться до уровня студента, а задавать планку для роста последнего, активно влияя на формирование его познавательной мотивации и проектирование образовательно-трудоустройственной и – шире – жизненной траектории [Ясперс 2006: 28–34].

Мы считаем университет постоянно расширяющейся самоорганизующейся средой обитания интеллектуалов, полагая, что для получения профессии должны быть отраслевые вузы, колледжи, программы профессиональной подготовки и повышения квалификации, если это касается освоения производственных технологий и отработки конкретных профессиональных знаний и компетенций. На наш взгляд, университет не передает культуру – он ее генерирует и запускает новые традиции в их жизненные циклы; университет не готовит специалистов – он формирует оптимальные условия для проявления индивидуальных свойств и автономного развития интеллектуальных (когнитивных, креативных) способностей каждого конкретного человека; университет не занимается воспроизводством научно-педагогических кадров – он заражает идеями, готовя их проводников – интеллектуальных лидеров.

Университет должен объединять интеллектуалов и культивировать общественное мнение о самоценности информации, мировоззрения и мышления.

Университет должен следовать своим собственным ценностям и установкам, не идя на поводу у государственных интересов и не оглядываясь на социально-экономическую ситуацию в целом.

Университет непременно должен занимать самую активную и, если угодно, даже агрессивную позицию по отношению к распространению своего влияния в условиях информационного общества.

Университет – это собирательный образ совершенного человека.

Отвечая на вопрос, кто главный в университете: исследователь или преподаватель, мы исходим из специфики новой культурно-исторической парадигмы, где на первый план, как уже отмечалось выше, выходит архитектор информационного пространства, характеризующийся нами двумя основными функциями, в которых он выступает в качестве разработчика жизнеспособных проектов, идей и стратегий, а также модератора, организующего обсуждение и реализацию указанных проектов и т. п., являющегося интеллектуальным лидером сообщества, разделяющего его взгляды. Таким образом, определяющим критерием для современного профессора мы предлагаем считать не формальный статус, а реальный интеллектуальный потенциал.

Мы считаем, что основной задачей современного университета является создание институциональной основы интеллектуального лидерства в вопросах решения глобальных проблем человечества.

Сегодня назрела необходимость коренного преобразования университета, которое должно четко определить его назначение в жизни общества. Университетское образование должно быть дифференцированным и обеспечивать непрерывное интеллектуальное сопровождение человека в течение всей жизни, побуждая его к проявлению самостоятельной познавательной мотивации и деятельностной инициативы.

Нам кажется целесообразным, чтобы университет начинался с магистратуры и был элитарным по своей сути. Человек должен дорасти до университета, с одной стороны, и университет должен сам прийти к человеку, – с другой. Это значит, что для того, чтобы обучаться в университете, – даже не обучаться, а состоять в нем, принадлежать данному сообществу, этой среде, – необходимо обладать соответствующей возможностью, зависящей от идеалов, мотивов, ценностей и когнитивных способностей индивидуума и не зависящей от степени дохода, дальности проживания и пр. Университет должен занимать агрессивную позицию относительно «выращивания» школьников с высокой степенью познавательной мотивации и развитыми когнитивными способностями. Университет должен быть университетом для всех, кто хочет приобщиться к его ценностям, он должен принимать каждого, не отказывая никому, однако окончанием обучения должно считаться завершение освоения программы решения задачи, а не официального срока, то есть нельзя прогнозировать заранее, кому сколько времени и сил потребуется на освоение той или иной научно-образовательной программы.

Подготовка специалистов не должна являться основной задачей университета, его задача – формирование корпуса интеллектуальных лидеров, нацеленных на решение глобальных проблем современности средствами образования и науки. Миссия университета заключается в формировании и поддержке социокультурных меньшинств, то есть таких сообществ, которые образуют собственное коллективное сознание, общественное мнение, идеологию, культуру и пр. Кампус университета не должен быть огромным, огромным должно быть это социокультурное меньшинство, состоящее из профессуры, студентов, выпускников и партнеров университета.

Университет должен не только объединять интеллектуалов, но и физически распространять те идеи, совокупность которых представляет собой его идеологию и основное содержание.

Исходя из того, что новая культурно-историческая парадигма требует новых социальных институтов научно-образовательной политики, основным из которых мы определили сетевой университет, остановимся на его моделях.

Первая модель – университет-паутина. Это университет, располагающийся на суше, обладающий густой сетью филиалов и представительств в широком ряде населенных пунктов, куда вахтовым методом приезжают преподаватели со своими научно-образовательными программами. Такой подход позволит сделать высококачественное университетское образование широкодоступным и обеспечит профессорско-преподавательскому составу большие возможности для популяризации своих научных достижений.

Если в таких университетах смогут учиться сотни миллионов людей по всему миру, то в университете-поезде (вторая модель), занятия в котором проходят не только в специально оборудованных для научно-образовательной деятельности вагонах скорого поезда, но и с обязательным посещением лучших лекций и мастер-классов ведущих профессоров университетов, находящихся на пути, получат привилегию обучаться тысячи. Такой подход, скажем, при подготовке высшего управленческого состава (например, для представителей крупного бизнеса, органов государственной власти и руководителей общественно-политических движений), обеспечит магистрантов и слушателей программ ДПО не только исключительным знакомством со страной и ее внешними партнерами, но и уникальной возможностью приобщиться к выдающимся интеллектуальным достижениям современности, посетив ведущие вузы страны и мира. В отличие от первой модели вторая может осуществляться только с отрывом от производства и обеспечит полное погружение в предмет исследования. Особым ее преимуществом является и другая важнейшая функция – объединение значительной части академического сообщества в одной образовательной программе. Такое образование не может быть дешевым, и благо, что от него не требуется быть массовым.

Третья модель – университет-корабль – предполагает кругосветное путешествие на судне с заездом в университеты крупнейших городов-портов мира. Это третья ступень магистратуры, как мы ее видим. Она необходима для формирования интеллектуальных лидеров мирового масштаба, занимающихся глобальной проблематикой в области науки, искусства, литературы, политики, экономики, экологии и пр. Это образование для сотен – для проводников глобальной политики информационного общества.

По нашим представлениям, интенсивное развитие университетского образования в условиях информационного общества повлечет за собой насыщение мира знаниями, проектами, коммуникациями и т. п., возникнут и будут активно развиваться и конкурировать между собой различные социокультурные меньшинства как выразители собственных смыслов и ценностей. Все это неминуемо должно привести к качественному изменению человеческой цивилизации и за счет синергетического эффекта сформирует новую сущность взаимодействия людей – университет-планету. Конечно, данная модель не является ни учебным заведением, ни отраслью народного хозяйства, ни социальным институтом – она воплощает

в себе новую форму существования общества в ноосфере – общества, основанного на обобществлении интеллектуального потенциала предшественников и современников с целью поиска эффективных решений глобальных проблем.

Развитие указанной модели должно спровоцировать появление нового – ноосферного самосознания, основанного на самоценности человека мыслящего как аутентичного экзистенциального метода познания, названного нами университетом-микросмосом.

Сегодня, в новых экономических условиях, нельзя рассматривать научно-образовательную сферу только как цель, это прежде всего средство, способствующее формированию ценностей, смыслов и среды. Таким образом, экономика, экология и культура – вот три ипостаси, три целевых установки и три концептуальных основания науки и образования. Экономическая сущность современного университета определяется его полезностью посредством производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ, то есть ценностей. Культурная ипостась заключается в создании новых и преобразовании старых смыслов, а экологическая – в формировании среды, основанной на сложных ноосферных взаимодействиях.

Рассматривая вопрос становления и развития глобальной научно-образовательной политики информационного общества как политэкономическую проблему, мы считаем, что в настоящее время только намечаются контуры этого бескрайнего проблемного поля, где содержатся вопросы, относящиеся к компетенции множества научных областей, в том числе философии, психологии, педагогики, экономики, политологии, социологии, истории, экологии и широкого ряда технических дисциплин.

Более детальное изучение, на наш взгляд, требуют природа информации, устройство и свойства информационного поля (среды, потока, пространства). Большее внимание, с нашей точки зрения, заслуживает феномен информационного общества, в частности, требуется лучше изучить его проявления в различных (возможно, не только выявленных нами) ипостасях. Отдельного глубокого исследования, как нам кажется, требует личность архитектора информационного пространства с определением его политэкономических характеристик (мировоззрения, потребностей, интересов, поведения и пр.).

Значительный научный интерес, естественно, представляет колоссальный пласт вопросов формирования и реализации глобальной научно-образовательной политики информационного общества, начиная от истории и проблем ее становления и заканчивая разработкой теоретических подходов, методологических принципов и практических рекомендаций.

Литература

- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999.
- Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М. : Центрполиграф, 2000.
- Зиновьев А. А. Глобальный человек. М. : Алгоритм; Эксмо, 2006.
- Зиновьев А. А. Я мечтаю о новом человеке. М. : Алгоритм, 2007.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

- Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М. : Прогресс, 1966.
- Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998.
- Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М. : ГУ-ВШЭ, 2010.
- Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики (Новая технократическая волна на Западе). М., 1986.
- Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2010.
- Ясперс К. Идея университета. Минск : БГУ, 2006.
- Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1981.

О НЕОБХОДИМОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОГО ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Бурьянов С. А.*

В статье исследуется проблема формирования системы глобального управления в качестве ответа на деструктивное развитие глобальных процессов, отставание политической глобализации и углубление глобальных вызовов. Отмечается, что первичной основой формирования планетарной системы управления должно стать глобальное право, включающее в себя научное направление, систему норм и принципов, учебную дисциплину. Автор обосновывает позицию, согласно которой формирование глобального права (нормативной системы) необходимо начинать с создания глобальной системы интегрированного с наукой юридического образования.

Ключевые слова: *глобализация общественных отношений, глобальные вызовы, глобальное управление, глобальное право, устойчивое развитие, глобальное юридическое образование.*

The article explores the problem of the formation of a global governance system as an answer to the destructive development of global processes, the backlog of political globalization and the deepening of global challenges. It is noted that the primary basis for the formation of a planetary management system should be global law which includes the scientific direction, the system of norms and principles, academic discipline. The author substantiates the position that the formation of global law (normative system) must begin with the creation of a global system of legal education integrated with science.

Keywords: *globalization of public relations, global challenges, global governance, global law, sustainable development, global legal education.*

В современных условиях усиления неравномерности развития глобальных общественных процессов, одним из следствий которого являются глобальные вызовы, представляется актуальным исследование перспектив формирования системы управления упомянутыми процессами в целях устойчивого развития. Здесь следует согласиться с мнением авторов коллективного труда [Арбатов и др. 2003], полагающих, что «глобализация с человеческим лицом, если говорить об альтернативе, требует нового политического устройства мира, адекватного характеру и масштабу проблем, которые стоят сегодня перед человечеством». Исследователи обоснованно рассматривают глобализацию «как объективное явление, обусловленное в первую очередь технологической революцией в сфере информатики

---

* Бурьянов Сергей Анатольевич – к. ю. н., доцент кафедры международного права и прав человека Института права и управления ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». E-mail: burianov-msk@yandex.ru.

и телекоммуникаций», и отмечают, что адекватное современным реалиям устройство мира «состоится, если будет зиждиться не на господстве одной или нескольких держав – хотя роли у разных стран могут быть различными, – а на принципах сотрудничества и солидарности» [см.: Арбатов и др. 2003].

В указанном контексте, как справедливо отмечает А. А. Немчук, глобализация, являясь закономерным процессом мирового общественного развития, требует адекватного политического ответа национальных государств на углубление экономической взаимозависимости, предполагает расширение числа форматов международного сотрудничества и совершенствование координации их деятельности [Немчук 2004].

Как обоснованно полагает Т. А. Яшкова, для решения глобальных проблем (экономических, экологических и др.) требуется объединение усилий государств мира и их граждан, но не на условиях диктата одних и подчинения других, а на равноправных, паритетных основаниях, что позволит избежать многих противоречий и конфликтов [Яшкова 2007].

Таким образом, в современной науке постепенно складывается понимание важности объединенных усилий для формирования адекватного управления глобальными процессами (англ. *global governance*), которое должно быть сформировано в целях преодоления глобальных вызовов, поиска путей перехода к устойчивому развитию, а в итоге – сохранения и выживания цивилизации [Ильин 2011; Малаяя 2009; Урсул 2014; Чумаков 2012 и др.]. Однако современные исследователи, наряду с признанием актуальности формирования упомянутой глобальной системы управления, констатируют отсутствие адекватных механизмов управления планетарной системой.

Тем не менее у идеи глобального управления имеются и противники. Например, И. А. Гобзов, опираясь в основном на систему субъективных стереотипов, утверждает, что глобализация ведет к апокалипсису. Говоря о необходимости защиты интересов всего человечества, данный автор выступает за деглобализацию и при этом весьма скептически относится к идее глобального управления, которое он весьма спорно отождествляет с мировым правительством [Гобзов 2017: 75–76].

При этом большинство исследователей полагают, что реализация адекватной модели глобального управления является необходимым условием перехода к устойчивому развитию человеческой цивилизации. В научной литературе устойчивое развитие (англ. *sustainable development*) рассматривается в качестве альтернативы нерешенности последствий глобальных вызовов и реальным угрозам развитию человеческого сообщества.

Весьма интересная и острая дискуссия развернулась на страницах журнала «Век глобализации», где в последние годы был опубликован целый ряд статей по указанной проблематике [Вебер 2009; Гринин 2016; Дробот 2011; Ильин, Каверин 2014; Ильин, Леонова 2015; Саямов 2015; Урсул 2014; Чумаков 2010; 2012 и др.].

Прежде всего следует согласиться с мнением А. Б. Вебера, полагающего, что в современных условиях крайне важно «придать международному сотрудничеству новое качество, адекватное изменившимся условиям бытия человечества, новым условиям обеспечения международной безопасности во всех ее ипостасях,

новому уровню взаимозависимости стран и народов» [Вебер 2009: 16]. Также представляется важным понимание необходимости не только обеспечения управляемости современным глобальным миром, но и преодоления отставания политической глобализации от экономической [Вебер 2009; Иноземцев 2019].

При рассмотрении весьма дискуссионной проблемы управления глобальными процессами необходимо определить понятия и соотношение глобального управления и глобального регулирования. Так, А. Н. Чумаков разграничивает эти понятия. «...В отличие от регулирования управление всегда сопряжено с сознательной деятельностью людей, в основе которой лежат целеполагание, обратная связь и творческое начало. Иными словами, управление осуществляется не иначе как сознательно, целенаправленно и предполагает как получение того или иного результата, так и поиск наиболее оптимальных путей достижения цели» [Чумаков 2010: 6].

Также в значительной мере следует согласиться с позицией упомянутого автора, что в отличие от регулирования управление «естественным путем не возникает и стихийно не происходит. Управление с необходимостью предполагает регулирование, тогда как регулирование может осуществляться и без управления» [Там же]. Особо отмечается, что управление в социальной сфере многократно усложняется, поскольку в качестве объекта управления здесь выступают отдельные люди, коллективы и различные сообщества, вплоть до всего человечества, которые постоянно приносят элемент неопределенности своим поведением и реакцией на управленческие решения [Чумаков 2010].

В обозначенном выше контексте И. В. Ильин и М. А. Каверин указывают на существование системы регулирования, которая может трансформироваться в систему глобального управления на основе перехода от международных отношений к глобальным [Ильин, Каверин 2014]. Полагаю, что такой подход является научно обоснованным и соответствует реалиям современных общественных отношений. Отдельные современные механизмы глобального регулирования являются этапом, основой и, возможно (после реформирования), частью формирующейся системы глобального управления.

Кроме того, Ю. Н. Саямов корректно ставит вопрос о соотношении понятий «глобальное управление» и «международное управление», полагая, что первое включает в себя многие уровни (международный, субнациональный, национальный, локальный) и подразумевает сокращение роли государств и усиление роли негосударственных участников [Саямов 2015: 215–216].

Однако Л. Е. Гринин указывает на тенденции турбулентного и конфликтного изменения баланса сил, формирования нового многополярного мирового порядка, что потребует «достаточно устойчивого баланса сил и интересов, новых моделей наднационального управления и координации мировых процессов» [Гринин 2016: 14]. И здесь следует согласиться с мнением данного автора, который полагает, что «необходимо, с одной стороны, постоянно работать над тем, чтобы интересы России были бы максимально учтены в этой новой конструкции, а с другой стороны, чтобы Россия в своей политике опиралась на новые тенденции» [Там же: 17].

По мнению А. Д. Урсула, глобальное управление является крайне важным для перехода к устойчивому развитию, управляемой и более справедливой глобализа-

ции, которая в перспективе должна будет выражать наиболее гуманистические чаяния, интересы и цели человечества как единого целого, а не интересы какой-то его отдельной небольшой части («золотого миллиарда» или «платинового миллиона») [Урсул 2014]. Говоря о кардинальной трансформации правовых норм глобализирующегося человечества, исследователь подчеркивает, что «будущее право устойчивого развития станет одним из наиболее вероятных вариантов не просто международного, а именно качественно нового – глобального – права при переходе к УР и соответствующему этому переходу глобальному управлению» [Там же: 25].

И. В. Ильин и О. Г. Леонова справедливо указывают на низкую эффективность международных институтов, констатируя отсутствие механизмов управления формирующейся глобальной политической системой при силовом становлении полицентричного саморегулирования, чреватого обострением региональных военных конфликтов [Ильин, Леонова 2015].

Проблематика, связанная с глобальным управлением, нашла отражение также в диссертационных и иных научных исследованиях. В. Б. Павленко полагает, что «глобальное управление представляет собой процесс поэтапного формирования системы наднациональных и глобальных центров власти и управления, конечной целью которого является трансформация существующего международного порядка в “новый мировой порядок”» [Павленко 2008: 26].

В. М. Давыдов считает более предпочтительным термин «глобальное регулирование» и определяет его как «способность контролировать глобальные процессы, корректировать их траектории, используя средства жесткой и мягкой силы, международное право и международные институты» [Давыдов 2013: 54–55].

По мнению О. Н. Барабанова, «поскольку глобализация таким образом начинает пронизывать все больше и больше сфер жизнедеятельности человека, то все более значимым становится вопрос о ее институционализации, о формировании системы глобального регулирования, наделенной соответствующим объемом полномочий и легитимности» [Барабанов 2006: 13].

Далее, говоря о формах глобального регулирования, исследователь указывает, что «основными из них являются глобальное сотрудничество, при котором решающую роль в проведении согласованной общемировой политики будут играть существующие суверенные государства, и глобальное управление, при котором наднациональные международные организации были бы автономны от государств в процессе принятия решений» [Там же].

Как отмечает Е. В. Стецко, «управление» понимается прежде всего как функция некоего процесса глобального развития, глобализации. «Система “глобального управления” предполагает гибкость, сменяемость и взаимозаменяемость своих структур, быстрое реагирование на изменение процессов и поведение акторов. Однако мера ответственности в “глобальном управлении” не фиксируется законодательно. Успешность такого управления определяется эффективностью, выгодой, ростом доступных социальных благ или же отсутствием перечисленного» [Стецко 2012: 111].

Ставя вопрос о дальнейших путях распределения управленческих полномочий между акторами в складывающейся политической структуре мира, М. М. Лебедева предполагает два возможных сценария. Первый путь предусматривает

стихийную передачу полномочий от государств другим акторам с труднопредсказуемыми последствиями. Второй путь, напротив, подразумевает выстраивание государствами совместно с другими акторами новой архитектуры мира «с учетом новых реалий и интересов различных участников-государств, межгосударственных организаций, неправительственных объединений, крупнейших финансовых и бизнес-структур и т. д.» [Лебедева 2007: 338–339].

Несмотря на то что необходимость формирования системы контроля над глобальными процессами признается очень многими исследователями, вопрос содержания, условий и принципов формирующегося глобального управления является еще более дискуссионным.

А. Н. Чумаков в качестве основных условий создания глобального управления называет: разделение властей; общечеловеческие ценности и общечеловеческую мораль (на основе Всеобщей декларации прав человека); единое правовое поле и систему как принятия, так и исполнения в планетарном масштабе правовых норм, единых для всех стран и народов; обеспечение совместной безопасности и объединение усилий в ее поддержании посредством различного рода сотрудничества; политическое сотрудничество в планетарном масштабе; полицейские силы для защиты от преступности; согласованную финансовую политику и единую денежную единицу; религиозную толерантность и отделение церкви (религиозных институтов) от институтов (структур) глобального управления как важнейшее условие мирного сосуществования и конструктивного взаимодействия различных людей независимо от их религиозных убеждений или отсутствия таковых; научно-техническое сотрудничество; сотрудничество в сфере образования и здравоохранения как условие сбалансированного культурного и социального развития различных континентов и регионов планеты; общий (мировой) язык межнационального общения как условие коммуникации в различных сферах общественной жизни и развития межкультурного взаимодействия [Чумаков 2010; 2012].

В качестве организационных форм глобального управления исследователь выделяет: конфедерацию национальных государств (на основе опыта ЕС); Всемирную конституцию (на основе Всеобщей декларации прав человека); Мировой парламент (на основе ООН и опыта Европейского парламента); формирование с нуля структур исполнительной власти (с использованием опыта «Большой семерки» и «Большой двадцатки») и Мирового суда (с использованием опыта Нюрнбергского, Гаагского и Европейского суда по правам человека) [Там же].

Однако большинство упомянутых тезисов были идентифицированы как либерально-идеалистическая институционально-нормативная модель, описанная в литературе по международным отношениям преимущественно с критических позиций, а потому были подвергнуты критике в статье Г. А. Дробот, в основном с позиций политического реализма [Дробот 2011]. В самом общем виде, по мнению критика, подходы А. Н. Чумакова не вполне соответствуют представлениям теоретиков международных отношений и полностью не соответствуют существующей практике.

В частности, некоторые аргументы критики отталкиваются от устоявшихся в теории международных отношений представлений о существовании двух типов управления – права и силы, где в качестве инструмента воздействия на мировые

процессы всегда преобладала сила. А значит, если так было всегда, то и сегодня не может быть иначе. При этом Г. А. Дробот не вполне учитывает кардинальное изменение общественных отношений, что требует преобладания права, если иметь в виду усиление объективных тенденций утраты эффективности силы для администрирования глобальных социальных кризисов.

Тем более что не все международники «заиклены» на силе как инструменте мировой политики. Например, по мнению А. А. Громыко, в современных международных отношениях проявляются две основные силы глобального управления. «Это, во-первых, право силы, которое своими корнями уходит в толщу тысячелетий и для многих выглядит незыблемым. И, во-вторых, сила права, возможности которого далеко не исчерпаны». Силу права исследователь связывает с ООН и полагает, что именно в уставе этой организации наиболее четко сформулированы принципы выживания человечества, без которых глобальное управление невозможно. В случае разрушения ООН в ее нынешнем виде глобальное управление потеряет центр легитимизации международных акций [Громыко 2013: 12].

Кроме того, возникает ощущение, что позиция А. Н. Чумакова была услышана не в полной мере. Исследователь предлагает лишь взять существующие нормы и институты за исходную основу и реформировать, а вовсе не использовать их в современном неизменном виде, который действительно требует совершенствования. С чем можно, безусловно, согласиться, так это с критикой утверждения А. Н. Чумакова о почти состоявшейся глобализации общественного сознания. На самом деле о формировании общепланетарного сознания говорить пока преждевременно, а между индивидами и их сообществами существуют барьеры, самые серьезные из которых – этноконфессиональные. Полагаю, что решение этой проблемы требует исследований, результаты которых должны найти свое отражение в формирующемся глобальном праве. Рост ксенофобии, нетерпимости и дискриминации по мотивам различий, а также конфликтов на этой основе не позволяет рассчитывать, что глобальное сознание сформируется стихийно.

Тем не менее представляется обоснованным утверждение Г. А. Дробот, что современное международное сообщество стремится к форме глобального управления, называемой «глобальное управление без глобального правительства» (*global governance without global government*) и подразумевающей множественные сети, включающие в себя форумы, конгрессы, съезды и совещания, проводимые государственными и негосударственными акторами по самым различным вопросам миропорядка, а также деятельность международных организаций – меж- и неправительственных» [Дробот 2011: 50].

Данный подход отчасти уже нашел свое практическое воплощение в расширении субъектов современного международного права, которое во взаимодействии с внутригосударственными правовыми системами должно трансформироваться в глобальное право.

В контексте перспектив использования цифровых технологий при формировании системы глобального управления весьма уместным представляется предостережение о возможностях автономных самоуправляемых систем, что «требует глубокого осмысления и работы в области минимизации возникающих проблем, например, чтобы впоследствии не возник новый и еще более дотошный “Большой Брат”, знающий о нас на порядки больше того “Брата”, который

зримо стал контролировать всю нашу жизнь в Интернете» [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2016: 55].

Еще одной важной проблемой, дискутируемой в контексте формирования глобальной системы управления, является вопрос полярности (или полюсности) международных отношений.

Полагаю, что формирование адекватной системы глобального управления маловероятно в рамках однополярной или двуполярной системы международных отношений. Даже формирование более сбалансированной (но также не исключающей конфликтов) многополярной системы представляется необходимым промежуточным этапом, но вовсе не достаточным условием. Модель, предложенная Р. Хаасом, также подразумевающая множественность центров силы и называемая им бесполярной, на самом деле таковой не является [Хаас 2019]. Полагаю, что подлинно бесполярная система глобальных отношений устойчивого развития должна основываться на глобальном праве, подразумевающем ограничение власти в пользу индивида, верховенство права, приоритет прав человека, толерантность и защиту от нетерпимости и дискриминации, мировоззренческий нейтралитет субъектов.

Таким образом, невзирая на относительную новизну проблематики глобального управления, «глобализация со своими преимуществами и со своими рисками выдвигает на первый план проблему поиска такой модели управления, при которой преимущества взаимозависимости смогут если не свести на нет угрозы и вызовы глобализации, то, по крайней мере, минимизировать их» [Немчук 2004: 124].

В целом «среди наиболее известных подходов к формированию системы управления глобальными процессами – мировое государство (правительство), глобальная управленческая система на основе ООН и межправительственных организаций, а также ее варианты с участием транснациональных корпораций и неправительственных организаций» [Бурьянов 2016а: 80].

Научные работы по глобальному управлению в значительной мере содержат и новое, и адекватное. Однако далеко не во всех трудах новое является адекватным, а адекватное – новым. Например, идеи сторонников мирового государства нашли свое отражение в монографии А. Ю. Лыкова, который предлагает реализовать проект по объединению США, ЕС и России с единым экономическим и правовым пространством [Лыков 2013]. Среди прочего упомянутый автор рассматривает также весьма дискуссионные подходы по реформированию международного и внутригосударственного права. А в качестве способа интеграции мировой правовой системы не менее дискуссионно предлагает принятие общеобязательных кодифицированных нормативных актов. Кроме того, Лыков пишет о следующих стадиях интеграции единой правовой системы: стадия перехода государств с прецедентным правом в романо-германскую правовую семью; стадия международной подготовки типовых законов по всем отраслям права и их имплементации; стадия введения в силу международных кодексов; формирование единой правовой системы. Но ничего не говорится о том, каким образом будет происходить интеграция правовых систем государств, принадлежащих к религиозной правовой семье. В указанном контексте нельзя не согласиться с И. И. Лукашуком, который отрицает идею мирового государства, предлагая усиление международного сотрудничества и повышение роли и полномочий международных организа-

ций [Лукашук 2005: 242]. Прежде всего необходимо повышение эффективности ООН и ее специализированных учреждений. В частности, об этом говорится в Декларации тысячелетия ООН от 2000 г.

Идеи сторонников мировой конфедерации отражены в коллективном исследовании, авторы которого полагают, что «нарастающей тенденцией геополитической интеграции и глобализации станет движение к созданию Всемирной конфедерации государств и цивилизаций, представляющей интересы всего человечества, организованной на демократических началах и обладающей достаточными полномочиями и ресурсами, чтобы эти интересы реализовать на практике, отвечая на вызовы XXI века» [Яковец и др. 2009: 21].

Полагаю, что подходы, подразумевающие не только сохранение, но даже увеличение и без того чрезмерной концентрации власти в планетарном масштабе, представляются не вполне корректными в условиях усложнения общественных отношений. А вот подходы, направленные на ограничение власти, представляются в большей мере соответствующими задачам формирования адекватного глобального управления.

Например, А. М. Слотер анализирует процессы трансформации мировой системы, констатирует необходимость ограничения государственного суверенитета и говорит о необходимости системы общего права [Slaughter 2004]. Однако в ее работе делается акцент не на перераспределении суверенитета государств в пользу иных акторов, а о его своего рода разбивке многочисленными горизонтальными и вертикальными сетевыми структурами. В частности, среди прочих сетей весьма спорно предполагается формирование сетевых организаций из внутригосударственных органов различных государств. Фактически речь идет об относительно плавном переходе, но все-таки к кардинальному изменению самой природы государств. В перспективе углубление упомянутого выше процесса может привести к переходу от иерархической системы управления к полииерархической, а затем и к неиерархической на основе горизонтально согласованного сетевого управления.

Однако представляется, что без адекватного правового регулирования управленческая модель эффективно работать не сможет, а риски подавления горизонтальных связей «вертикалью» крайне велики.

Дж. Розенау предлагает переход к неиерархической системе управления мировыми процессами на основе повышения роли и усиления влияния негосударственных субъектов с условным названием «управление без правительства», что предполагает формирование на основе консенсуса более гибких и эффективных регуляторов без властных полномочий [Rosenau 1992].

В указанном контексте И. В. Ильин обоснованно говорит о кризисе однополярного мира и необходимости расширения круга акторов глобализационных процессов в мире «через формирование консенсусного мирового устройства» [Ильин 2011: 12].

О. Н. Барабанов дополняет упомянутые выше подходы «глобальным сотрудничеством, в рамках которого решения глобальных проблем будут приниматься не путем навязанных отдельными акторами подходов, но путем конструктивного и воплощаемого в жизнь диалога всех заинтересованных сил. Такая форма также предполагает формирование более инклюзивной системы глобального регулиро-

вания, свою сопричастность которой смогли бы ощущать как можно больше государств и иных акторов» [Барабанов 2006: 15].

В. Д. Писарев говорит о «глобальном соуправлении», которое, по его мнению, «представляет собой инструмент управления глобализацией, превращения ее в позитивный фактор развития международных отношений и противодействия реализации гегемонистских устремлений ряда сторонников создания мирового правительства» [Писарев 2007: 94]. Рассуждая далее о глобальной взаимозависимости, исследователь отмечает, что «урегулирование национальных и глобальных проблем в условиях жестких иерархических и трансграничных барьеров требует создания сетевых объединений, ориентированных на разработку и принятие сбалансированных решений в рамках системы соуправления (governance) основными акторами – правительствами, бизнесом и гражданским обществом <...> Сеть представляет собой объединение функционально ориентированных, взаимосвязанных и обладающих общими интересами акторов для решения задач, общих для членов цепи, и воздействия на внешние условия функционирования сети в контексте более широкого формата отношений в рамках системы “государство – бизнес – гражданское общество” как на национальном, так и на международном уровне» [Его же 2008: 9]. Как далее отмечает исследователь, «создание и развитие сетей как специфической формы кооперации акторов способствует увеличению эффективности усилий коалиций, объединений или сообществ в деле согласования интересов, разработки и принятия сбалансированных решений по тем проблемам, которые не могут быть урегулированы только одной стороной или в условиях существования жестких иерархических либо пространственных барьеров» [Там же: 9].

По мнению Д. Ю. Жужи, «отсутствие глобального органа (government) регулирования глобальных ресурсов (management) позволяет с высокой долей вероятности разработать и внедрить принципы глобального соуправления на основе равноправия участников и согласования общности целей, средств и методов соуправления (governance)» [Жужа 2012: 15]. При этом автор излишне оптимистично полагает, что при таком подходе «государство лишь отказывается от наиболее прямых способов контроля, делегируя ответственность за результаты регулирования» [Там же].

Подведем некоторые предварительные итоги. Многообразие моделей глобального управления можно разделить на две основные группы: 1) направленные на ограничение власти одних людей над другими в планетарном масштабе; 2) предполагающие сохранение и увеличение концентрации власти одних людей над другими в планетарном масштабе.

Соответственно, в теории и практике международных отношений доминируют представления о существовании двух типов управления – права и силы, где всегда преобладает сила в качестве инструмента воздействия на мировые процессы. В указанном контексте подходы, направленные на ограничение чрезмерной концентрации власти, представляются в большей мере соответствующими задачам формирования адекватного глобального управления. Соответственно, наиболее перспективной представляется система управления глобальными процессами, предполагающая усиление влияния институтов гражданского общества, международных организаций, включая неправительственные, и дальнейший постепен-

ный переход к неиерархической несиловой системе управления общественно-техно-природными процессами в интересах устойчивого развития.

Полагаю, что переход к управляемости современными глобальными процессами требует реформирования прежде всего международных и внутригосударственных правовых принципов и норм, а затем и управленческих институтов. В указанном контексте в последние годы ряд ученых предлагают идею глобального права (нормативной системы) [Коршунов 2010; Курчеев и др. 2008; Урсул 2012; Фархутдинов 2004; Чумаков 2012; Шумилов 2003], что требует в идеале опережающего формирования глобальных науки и образования [Кукушин 2002; Лиферов 1997; Мясников и др. 2009; Урсул 2019; Чумаков 2019; Hanvey 1976], включая юридические [Бурьянов 2017].

Таким образом, можно согласиться с мнением исследователей, которые говорят о необходимости объединения в планетарном масштабе для преодоления глобальных вызовов и перехода к устойчивому развитию. Наиболее серьезные подходы связаны с идеей формирования глобального управления и глобального права в качестве его основы. При этом их фундамент необходимо строить путем укрепления и модернизации принципов и норм международного права, а также его универсальных институтов [Афанасьева и др. 2016; Бурьянов 2016а; Лукашук 2000; Фархутдинов 2004].

Среди приоритетных задач развития международно-правовых институтов, направленных на достижение сбалансированности и управляемости и преодоление отставания глобальной политической общественной подсистемы, следует выделить следующие: 1) модернизации универсальных международных организаций (прежде всего ООН и ее специализированных межправительственных учреждений и неправительственных агентств); 2) модернизации региональных международных организаций (межправительственных и неправительственных); 3) модернизации взаимодействия между универсальными и региональными международными организациями (межправительственными и неправительственными); 4) модернизации взаимодействия между межправительственными и неправительственными международными организациями; 5) модернизации взаимодействия между международными организациями (универсальными и региональными, межправительственными и неправительственными) и другими субъектами международного права (государствами, народами и нациями, борющимися за независимость, квазигосударствами, физическими и юридическими лицами и др.).

Исходя из указанного выше понимания процессов глобализации, модернизация взаимодействий мировых политических институтов должна быть направлена на их интеграцию, взаимопроникновение и открытость. Жизненно важными являются теоретическая разработка, правовое закрепление и правоприменение инновационной несиловой (неполярной) модели международных отношений на основе кардинального реформирования международного права и институтов, исключаящей применение государствами силы или угрозу ее применения [Бурьянов 2016б].

В перспективе, с учетом усиления глобальных процессов, политическая организация общества должна трансформироваться в планетарную децентрализованную, неиерархическую, несиловую, основанную на увеличении влияния гражданского общества и доверии систему управления глобальными процессами в целях

реализации прав человека и устойчивого управляемого развития человеческой цивилизации. В качестве необходимых условий эволюционного перехода к инновационной системе управления глобальными процессами следует назвать мировоззренческий нейтралитет [Buryanov 2018], формирование эффективных механизмов реализации прав каждого человека без дискриминации [Бурьянов и др. 2018], достижение взаимоуважения и преодоление нетерпимости [Чернявский и др. 2019].

Формирующееся глобальное право (нормативную систему) следует рассматривать в триединстве – как систему принципов и норм, науку и учебную дисциплину. Полагаю, что именно опережающее развитие юридических науки и образования позволит сформировать систему глобальных принципов и норм в качестве основы эффективной системы управления глобальными процессами в интересах устойчивого развития.

Выводы

1. Переход к адекватной системе управления глобальными процессами в целях устойчивого развития является альтернативой нерешенности глобальных вызовов и гибели цивилизации.

2. Из многих подходов наиболее корректным представляется плавный эволюционный переход к неиерархической несиловой децентрализованной системе управления глобальными процессами в целях устойчивого развития, основанный на приоритете социальной справедливости, прав человека, верховенстве права, мировоззренческом нейтралитете государств, толерантности и противодействии нетерпимости.

3. Переход к адекватной системе управления глобальными процессами в целях устойчивого развития возможен только на базе глобального права (нормативной системы), основанного на реформировании международного права, интегрированного с внутригосударственными правовыми системами и рассматриваемого в триединстве – как сумма знаний, система принципов и норм, учебная дисциплина.

4. Формирование глобального права (нормативной системы) необходимо начинать с создания глобальной системы интегрированного с наукой юридического образования.

Литература

Арбатов А. Г., Богомолов О. Т., Горбачев М. С. Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М. : Альпина Паблишер, 2003.

Афанасьева С. А., Бурьянов С. А., Кривенький А. И., Крупеня Е. М., Куракина Ю. В., Пашенцев Д. А., Северухин В. А. Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование): в 2 кн. Кн. I. М. : Изд-во МГПУ, 2016.

Барабанов О. Н. Глобальное управление как тема для научного анализа // Антиглобализм и глобальное управление: Доклады, дискуссии, справочные материалы. М. : МГИМО (У) МИД России, 2006.

Бурьянов С. А. Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия Игоря Ивановича Лукашука // Евразийский юридический журнал. 2016а. № 7(98). С. 77–81.

Бурьянов С. А. Принцип неприменения силы или угрозы силой в условиях усиления глобальных процессов // Евразийский юридический журнал. 2016б. № 9(100). С. 8–15.

Бурьянов С. А. Некоторые подходы к определению понятия глобализации образования в контексте проблемы формирования системы управления глобальными процессами в интересах устойчивого развития // Ценности и смыслы. 2017. № 6(52). С. 36–49.

Бурьянов С. А., Кривенький А. И., Пашенцев Д. А., Романова Г. В. Вопросы глобализации культуры и защиты культурных прав человека и гражданина (междисциплинарное исследование) / под общ. ред. А. И. Кривенького, С. А. Бурьянова. М. : МГПУ, 2018.

Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 3–15.

Гобозов И. А. Неолиберализм и глобализация // Век глобализации. 2017. № 2. С. 66–76.

Гринин Л. Е. Возможности и перспективы формирования нового мирового порядка // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 3–18.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Грядущая технологическая революция и глобальные риски // Век глобализации. 2016. № 4. С. 40–58.

Громыко Ан. А. Возможности и риски глобального управления // Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы = Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches / под ред. Ал. А. Громыко. М. : Ин-т Европы РАН, Нестор-история, 2013. С. 9–17.

Давыдов В. М. Новые центры силы – доступ к механизмам глобального регулирования // Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы = Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches / под ред. Ал. А. Громыко. М. : Ин-т Европы РАН, Нестор-история, 2013. С. 54–55.

Дробот Г. А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2. С. 41–52.

Жужа Д. Ю. Политические аспекты глобального управления природными ресурсами: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012.

Ильин И. В. Глобалистика в контексте политических процессов: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011.

Ильин И. В., Каверин М. А. Вопросы преобразования международных организаций в институты глобального управления // Век глобализации. 2014. № 2. С. 32–37.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов // Век глобализации. 2015. № 1. С. 21–35.

Иноземцев В. Л. Экономика и политика глобализации: уроки прошлого для настоящего и будущего // Век глобализации. № 2. 2019. С. 3–15.

Коршунов А. Н. Идея глобального права: философско-методологические аспекты: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2010.

Кукушин В. С. Общие основы педагогики: учеб. пособие для пед. вузов. Ростов н/Д. : МарТ, 2002.

Курчеев В. С., Болотникова О. В., Герасимов Ю. Е. Теоретические основы систематизации права в условиях глобализации. Новосибирск, 2008.

- Лебедева М. М. *Мировая политика*. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2007.
- Лиферов А. П. *Основные тенденции интеграционных процессов в мировом образовании: дис. ... д-ра пед. наук*. Рязань, 1997.
- Лукашук И. И. *Глобализация, государство, право, XXI век*. М. : Спарк, 2000.
- Лукашук И. И. *Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов*. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005.
- Лыков А. Ю. *Мировое государство как будущее международного сообщества*. М.: Проспект, 2013.
- Малаян Р. Э. *ООН в формирующейся системе глобального управления: дис. ... канд. полит. наук*. М., 2009.
- Мясников В. А., Найденнова Н. Н., Тагунова И. А. *Образование в глобальном измерении*. М. : ИТИПРАО, 2009.
- Немчук А. А. *Глобальное управление в современном мире: политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук*. М., 2004.
- Павленко В. Б. *Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами: дис. ... д-ра полит. наук*. М., 2008.
- Писарев В. Д. *Понятие и практика глобального соуправления // Международные процессы*. 2007. Т. 5. № 15. С. 89–95.
- Писарев В. Д. *Анализ процессов формирования глобальных сетевых систем океанического управления // Россия и Америка в XXI веке*. 2008. № 1. С. 1–9.
- Саямов Ю. Н. *Глобальное управление наукой – химера или требование жизни? // Век глобализации*. 2015. № 2. С. 209–220.
- Стецко Е. В. *«Глобальное управление» и роль неправительственных организаций в его становлении // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana)*. 2012. № 4. С. 110–115.
- Урсул А. Д. *Глобализация права и глобальное право: концептуально-методологические проблемы // Право и политика*. 2012. № 8. С. 1284–1297.
- Урсул А. Д. *Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации*. 2014. № 1. С. 16–28.
- Урсул А. Д. *Становление образования глобального мира // Век глобализации*. 2019. № 2. С. 49–60.
- Фархутдинов И. З. *Международное или глобальное право // Юрист-международник. Всероссийский журнал международного права*. 2004. № 4. С. 15–23.
- Хаас Р. *Мировой беспорядок*. М. : АСТ, 2019.
- Чернявский А. Г., Бурьянов С. А., Кривенький А. И. *Правовое регулирование трансформации российского образования в условиях глобализации в социально-культурной среде*. М. : НИЦ ИНФРА-М. 2019.
- Чумаков А. Н. *Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации*. 2010. № 2. С. 3–15.
- Чумаков А. Н. *Проблема управления как повод для дискуссии // Век глобализации*. 2012. № 2. С. 35–42.
- Чумаков А. Н. *Особенности образования в области глобалистики // Век глобализации*. 2019. № 2. С. 38–48.
- Шумилов В. М. *Концепция Глобальной правовой системы // Юрист-международник*. 2003. № 3. С. 46–52.

Яковец Ю. В. и др. Перспективы геополитической динамики и взаимодействия цивилизаций // Глобальный прогноз «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года. Ч. 7 / под ред. Ю. В. Яковца, А. И. Агеева, Т. Т. Тимофеева. М. : МИСК, 2009.

Яшкова Т. А. Политическая модернизация в условиях глобальных трансформационных вызовов. М. : МАКС Пресс, 2007.

Buryanov S. A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization: The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. Amsterdam, 2018.

Hanvey R. An Attainable Global Perspective. New York: The American Forum for Global Education, 1976.

Rosenau J. N., Czempiel E.-O. Governance Without Government: Order and Change in World Politics. Cambridge University. 1992.

Slaughter A. M. A New World Order. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004.

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Viktor I. Danilov-Danilyan. Global Climate Problem and Forecasting Capabilities (pp. 3–15).

Viktor V. Ilyin. Universal Constructivism – a New Philosophy of Global Civilization (pp. 16–25).

Olga N. Astafieva, Natalia E. Sudakova. Cultural Imperatives in the Age of Globalization: Inclusion in the Perspective of BRICS Cultural Policy (pp. 26–39).

Processes of Globalization

Alexander N. Chumakov, Lev P. Shtark. Club of Rome: The Results of Half a Century's Activity (pp. 40–49).

Valery V. Snakin. Environmental Aspects of Globalization (pp. 50–62).

Alexey K. Skalenko. Globalistics of World Netocracy in the 21st Century (pp. 63–70).

Global Problems

Alexander M. Tarko. Will the Paris Agreement Stop Global Warming? (pp. 71–85).

Igor N. Shapkin. Science in Modern Information Society: Evolution of Economic and Theoretical Views (pp. 86–99).

Maksim S. Stychinsky. Cultural and Civilizational Factors of Collective Memory Transformation in the Information Society (pp. 100–107).

Nature, Society, and Humans

Aigul Z. Zalibekova. Globalization and Regionalization of Educational Policy in the Context of its Ethno-cultural Resource (pp. 108–118).

Mikhail F. Friedman. Personnel Policy of Globalization of Strategic Management: Problems and Opportunities of Modernization of Higher Education in Russia (pp. 119–128).

Sergei A. Buryanov. About the Need for Global Law in the Context of the Problem of Purposeful Formation of a Global Governance System for Sustainable Development (pp. 129–142).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2a/Bek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 4(32), 2019. – 144 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Корректор *Н. В. Самсонова*
Верстка *М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 06.12.2019. Дата выхода: 23.12.2019

Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,61.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10